

КАКТА
ИБРАГИМОВ

ДЕТСКИЙ
МИР

15.8.88
91.15

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
И 15

Издано в авторской редакции

Ибрагимов, К.Х.

И 15 Детский мир. Роман. / К.Х. Ибрагимов. – Грозный:
ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий». 2010. – 384 с.

ISBN 978-5-900231-91-4

Герой романа «Детский мир» – Мальчик, который живет в придуманном им же самим мире, как во сне: иногда по-взрослому страшном и кошмарном, иногда по-детски иллюзорно-наивном и счастливом. В основе сюжета судьбы людей, прослеженные автором на протяжении более пятидесяти лет века прошедшего, на фоне драматических, а порой и трагических событий, происходящих в мире нам современном... Роман впервые был опубликован в 2005 году.

Канта Ибрагимов – писатель, доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства, – известен широкому читателю по романам: «Прошедшие войны» (1999), «Седой Кавказ» (2001), «Учитель истории» (2003), «Сказка Востока» (2007), «Дом проблем» (2009).

www.ikanta.ru
kanta_ibr@mail.ru

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-900231-91-4

© К.Х. Ибрагимов, 2010

Пролог

новь и вновь я возвращаюсь на это место. И стою. Стою, ни о чем не думая, я пуст, обмяк и только отрешенным взглядом надолго впиваюсь в мутные воды Сунжи, а река все течет, как много лет назад, и в ней, мне кажется, тоже нет былой страсти и видора. Все-таки зима, пора уgomониться.

Пора бы и мне уgomониться, отступить и позабыть все. Но не могу, не могу. Я должен, я обязан рассказать о своей вине, о нашей общей вине, о нашей общей трагедии... Не впервой, не впервой я прихожу на это место, и жду, жду, что меня наконец-то наполнят силы и я смогу приступить к главной картине своей жизни. Но — увь!.. И я почему-то всегда вспоминаю предисловие Чингиза Айтматова к повести «Первый учитель»: — «я боюсь не донести, я боюсь расплескать полную чашу». К сожалению, повторяюсь, я пуст, я сник, но я мечтаю, я живу надеждой, я хочу, я очень хочу написать эту главную картину своей жизни. И не в первый раз я приступаю к ней, но не решаюсь, не могу, нет сил, боюсь. Мечтая об этой картине, я уже истратил немало красок, да все о другом. А эта картина преследует, и, пытаюсь с

чего-то начать, я вновь и вновь прихожу на это место и долго-долго стою, чувствуя скорбь, вину, утрату, а думать, думать, не могу, только память осталась, и я, не вглядываясь, просто направляю взгляд на мрачно-волнистый глянец реки — и будто на экране вижу фильм: красивый, красочный фильм со зловещим концом. И я не хочу его смотреть, да оторваться не могу, а уйду — тянет меня сюда, что-то зовет, в груди сосет, и я иду, иду вновь на этот пустырь, где иссохший по зиме бурьян пробился сквозь былой асфальт и цемент, да так и застыл, будто бы испокон веков и на века... И только Сунжа течет; она все видит, все знает, все помнит... Помню и я.

Помню, здесь был цветущий, светлый город Грозный. Говорят, что Грозный и сейчас есть. Так это только говорят: кругом пустырь, вдалеке руины, а остались лишь грозное название города и безликие души, как тени в нем, и все в черном; и хоть зима и снег, а мрачно, тяжело, грустно. И все же, как во сне, я помню прекрасный Грозный; город, в котором я когда-то родился, вырос, учился, работал. И именно на этом месте я и тогда, в молодости, подолгу стоял. Здесь, на набережной Сунжи, был роскошный, вечнозеленый парк с фонтанами и аллеями. А через Сунжу был мост. Позже, когда построили большой новый мост, этот старый мост сделали пешеходным и на нем посадили по краям пестрые цветы. Так и назвали мост — цветочным. И этот цветочный мост упирался в старинное, красивое, полукруглое здание, в одной половине которого размещались госучреждения, где когда-то работала моя любимая девушка, которую я вечерами после работы поджидал, облокотившись на перила цветочного моста. А другая половина здания была жилой, а на первом этаже — большие стеклянные витрины и много-много игрушек —

это был «Детский мир». Да, у меня был детский мир — и вообще иной мир до поры зрелости. Да, мне очень повезло! А какое детство и юношество у нынешних детей Грозного? Вот о чем сказ. И как об этом людям поведать? Ведь кругом зловещая пустота, и даже от мостов ничего не осталось, только пара плит об опору зацепились, кое-где снежным пушком покрылись, небось ждут, что их когда-нибудь поднимут, вновь мост соорудят. Жду и я, мечтаю и свой мост перекинуть, правда в прошлое, но не в то пестрое и благоухающее, когда я был мал, да юн. Знаю, лучше того времени нет и не будет... Да я об ином. О чужом детстве, о другом, более позднем времени. Правда, мосты еще стояли, хотя разруха уже шла.

Было это в первую чеченскую кампанию. Именно в кампанию. Потому что война в Чечне — это война в Чечне; где-то далеко, в глуши, в горах, так там войны испокон веков — привыкли. А кампаниям война нужна, ведь это шумовой фон, громоотвод, красочная декорация, за ширмой которой идет не менее жестокая война за разворовывание госсобственности, за новый передел мира сильными мира сего.

Да Бог с ними... Так неужели он с ними? Фу ты! Что за кощунство?! Да я не о том, совсем не о том... Словом, в первую чеченскую кампанию, помню, как сейчас, дело было тоже зимой, где-то перед самым Новым, 1996-м годом. Я из Москвы полетел домой, в Чечню, к старикам-родителям, которые никак не соглашались покинуть родину. Мой путь пролегал в объезд Грозного, на «перекладных», через многочисленные блокпосты с очередями, с проверками, с поборами, с унижениями и оскорблениями. И все же я добрался до родных, а там и стены помогают. Не смолкающая сутками канонада и рев авиации, стали как неизбежное бытие; по крайней мере местные

вроде ко всему попривыкли, вот только сердца у некоторых не выдерживают — не железные. И все же жизнь в прифронтовом селе идет, есть и базар, есть и шабашники (хоть куда отвезут — лишь бы платили). Через пару дней оклемался я в кругу родни и решился в Грозный ехать: было дело, должник мой давний и с этой властью в чиновники затерся, якобы столицу после бомбежек уже восстанавливает, в общем, капиталец должен быть. Стали родные меня отговаривать, мол, опасно, кругом стреляют, а такие, как я — не местные, да на вид богатые — прямо на блокпостах пропадают. Однако денежный аргумент всегда прева-лирует — повез меня двоюродный брат в город, да не напрямую, где километровые очереди на блокпостах, а объездной дорогой, чтобы побыстрее. А там тоже блокпост, только пустынно и тишина, лишь Аргун даже зимой камни с гор перекачивает. Посмотрел военный на мою московскую прописку, чуть подольше на лицо, властно поманил пальчиком из машины и, что-то прикидывая, с ног до головы внимательно пробежался глазами по моему длинному дорожному пальто.

— За мной, — лишь процедил он, и, небрежно сжимая мой паспорт, тронулся в сторону железобетонных укрытий.

— Молодой человек, молодой человек, — бросился я вслед и что-то стал еще мямлить, на ходу залезая в карман.

— Знаю я вас, «ученых», — услышал я из-за широкой спины. — Все вы бандиты, а ты, по роже видно, — рэкетир.

Дольше мешкать нельзя, до мрачных укрытий с десяток шагов, и я не грубо ухватил военного за бушлат в районе локтя, обегая, преградил путь, пытаюсь всучить деньги.

— Уйди с пути, — брезгливо глянул на содержимое моего кулака, — там особист ждет.

Отпихивая меня, военный хотел было тронуться, но тут мой двоюродный брат подоспел. Что-то говоря о моей профессии, он умело, сходу вложил в руку моего крупную рублевую банкноту; видя реакцию — вторую, третью. И после паузы, чуть ли не прикрикивая на меня: — «дай ему зеленую бумажку!» Я полез в другой карман, где хранилась пара стодолларовых купюр.

— Ладно, проезжайте, — улыбнулся военный, — я передам на следующий пост, чтобы вас пропустили.

Мигом мы бросились к машине, и только тронулись, как буквально преградил нам путь местный мужчина.

— Не едьте туда, не едьте, — на чеченском взмолился он. — Мой брат, тоже приезжий, на днях вот так же на этом посту откупился, а на следующем исчез и ни слуху — ни духу, никто ничего не знает, ни за что не отвечает.

Не долго думая, мы стали разворачиваться и слышали в окно:

— Эй, ты! А ну пошел! Еще раз увижу твою харю, — и снова грубый мат, а вслед автоматная очередь, мы, тормознув, оглянулись, — слава Богу, в воздух, — вновь тронулись, и мне все казалось, что брат зачем-то на ухабах сбавляет ход, бережет какую-то железяку.

А пару дней спустя все позабылось: деньги всегда нужны, а в войну особенно, и я решил поехать в Грозный по-иному, попроще, на маршрутном микроавтобусе. Вот уж кто в любой ситуации уживется. На блокпостах сплошной гуманизм: общественный транспорт вне километровой очереди, все водителя уже знают — таксу отдал и вперед, хоть на Грозный!

Город Грозный... Неужели такое возможно? Как до такого дойти? И если бы я в то время знал, что это только «цветочки», то я бы этого не вынес. А тогда, от злобы скрежеща зубами, я пытался уговорить свое разрывающееся сердце и, то ли обманывая себя, то ли еще как, больше пытался думать о личных делах, о должнике и деньгах и подспудно тешил себя мыслью, что я хоть и уроженец Грозного, но уже не грозненец-москвич, там у меня теперь квартира, работа, семья.

Сойдя с микроавтобуса, я сразу же нанял такси. Водитель оказался не уроженец Грозного, даже родился где-то далеко. Правда, теперь он грозненец и, может, привык, может, крепится, а может, все в себе скрывает, но вид у него неунывающий — тоже хоть куда готов тебя отвезти, лишь бы платили, а как иначе и где иначе? Правда, названий улиц он не знает — ориентиры: базар — вокзал — блок-пост.

Зато я все помню, и как бы Грозный ни бомбили, узнаю все. И, подъезжая к центру города затеплилась надежда: масса людей, меж руин — базар, и так разросся и вроде все есть.

А новое правительство Чечни расположилось в здании НИИ, и здесь сплошное столпотворение, как перед спектаклем — вот где интерес зиждется.

Вход в здание охраняют бравые молодцы с надписью на груди «московский ОМОН». Меня за земляка не признали, к уговорам отнеслись прохладно, направили в бюро пропусков, а там тоже столпотворение, тоже нужна заявка — словом, замкнутый круг; более двух часов я месил грозненскую липкую грязь и уже посматривал на часы, прикидывая, не пора ли мне восвояси, как неожиданно встретил старого знакомого — ныне чиновника средней величины, который без

особых проволочек смог меня провести до искомого кабинета.

Мой должник оказался большим начальником, впрочем, им он при всех режимах умудрялся стать. Большая приемная, два секретаря и даже охранник здесь. Однако перед последним бастионом я проявил решительность и прыть. Хозяин кабинета в первый момент оторопел, даже вытянулся лицом, а потом уж очень мило улыбнулся, живо встал из-за стола, обнимая, поглаживая, усадил, крикнул: «чай, рюмки».

Пить коньяк я отказался, а хозяин все жаловался, как ему нелегко восстанавливать Грозный, на что я не посмел сказать: «Сам и разрушал». Тем не менее я вяло выдавил:

— Верни, пожалуйста, долг.

— Да-да, конечно, только об этом печалюсь... Э-э, ты зайди-ка ко мне через пару дней.

Я вмиг представил как тяжелы для меня эти поездки, и уже более твердо заявил:

— Без денег не уйду, ты уже пять лет меня за нос водишь.

— Ну, кто такие деньги в кармане носит? — не без усмешки.

От всей обстановки я и так был озлоблен, а тут такой тон.

— Я в долгах, и без денег не уйду, — повысив голос, повторил я, так что охранник заглянул в кабинет.

— Хорошо, хорошо, — вскочил хозяин, и, поглядывая на часы, — у меня сейчас совещание с военными, ну-у, минут пятнадцать-двадцать. И потом я решу твою проблему. А ты пока что посиди в приемной... Девочки, чай или кофе гостю!

— Мне далеко, в село ехать надо, — о своем печалился я.

— Не волнуйся, на моей машине отвезут — спец-пропуск, даже охрану дам. — И уже в дверях: — А может, сегодня у меня переночуешь? — и, моргнув, затейливо жестикулируя, полуголосом: — Отдохнем по полной программе. Такого даже в Москве нет.

— Меня дома ждут, — как можно строже ответил я.

Когда я уже допивал вторую чашку чая, запилика-ла рация охранника, и он вышел. Потом ушла одна девушка, а другая уж очень громко отвечала в телефон, что начальника ни сегодня, ни еще неделю не будет — в командировке. Я все сидел и думал, что это версия для назойливых посторонних, пока девушка не сказала:

— Рабочий день закончился. Я обязана опечатать кабинет и сдать ключи охране.

— Что-о-о? — Я чуть ли не заикался. — А он не придет?

Оболваненный в очередной раз, вяло соображая, я попытался покинуть огромное, опустевшее здание, но меня не выпускают — требуется какой-то пропуск с отметкой, а у меня никакого пропуска и не было. Приходя в себя и вспоминая повадки московской милиции, я было полез за кошельком, да тут подоспела секретарша, помогла мне выйти.

Уже сгушались сумерки. Дул колючий ветер, нагоняя жесткий редкий снег. От былой толпы лишь тыся-чи следов на мрачноватом насте и поразительная тишина, только учащенный стук каблуков, заглох-ший за поворотом.

Поднимая воротник, ежась, в ту же сторону, к базару, заторопился и я. За углом мрак вымершего города. Я побежал. Поскользнулся раз, два — устоял, на третий плашмя угораздил в рытвину. Проклина-я весь свет, зачем-то пытаюсь облагородить свой попор-ченый импозантный вид, еще более размазал грязь.

Плюнув на все, побежал дальше сквозь дворы, где провел все детство и молодость. И странное дело, никаких чувств или эмоций. Это чужой город, он разбит, захламлен, и отсюда задолго до войны я уехал. А детство? А память? То было не со мной. Или в другой жизни. И не хочется то счастье с этими руинами связывать...

Вот и базар. Здесь оживленно, какой-то пьяница, как и я, вымазанный, да не печалится, еще залихватскую песнь орет. С ходу я заскочил в переполненный микроавтобус, у самых дверей примостился на корточках. Я даже не успел рассчитаться за проезд, как мы подъехали к мосту... Да, к этому месту, где я сейчас стою.

Раскрылась дверь, и я еще не увидел лица, как ощутил терпкий запах перегара и грубую команду:

— Мужчины, на выход! Документы!

Всем паспорта вернули, а мой стал снова под фонариком рассматривать.

— Что ж ты из Москвы сюда приперся?.. Что? К родителям? А кто в грязи вывалял столь роскошный вид?

Пока я мямлил, выскочил водитель, засуетился вокруг военного, пытаясь что-то еще всучить.

— Этот тип подозрительный, — заключил военный и, видя, что водитель не отстает, рывкнул: — А ты давай проваливай! Живее, освободи проезд!

— Ну, пожалуйста, отпустите его. Уже темно, он мой родственник, — не унимался водитель.

— Прочь, я сказал! — заорал военный и вдруг скинул короткий автомат и очередь прямо под ноги водителя.

Машина тронулась, остановилась, и сквозь открытую дверь на чеченском:

— Парень, как тебя зовут и откуда ты?

Я было ответил, но все приглушила стрельба по верх микроавтобуса.

Ткнули в спину, и на ходу я озирался в очередную машину, пытаясь сквозь свет фар увидеть помощь. Но было не до помощи. Каждый должен был выживать сам, и действия водителя — уже был подвиг.

За тщательно огороженной территорией темное строение из железобетонных блоков. Меня провели сквозь недолгий лабиринт с едким запахом консервов и курева, и мы оказались в довольно светлой комнате, с большим деревянным столом с остатками еды, с нарами, на которых, укывшись в ватник, скрючившись лежал военный в грязных сапогах.

— Кузьма, вставай, принимай товар... Вроде день не зря прошел, — задорно прокричал мой провожатый.

Лежащий сопя перевернулся, медленно занял сидячую позу, долго протирал пролежное лицо грязной рукой, потом будто нехотя долго листал мой паспорт и с ленцой пробасил:

— Все содержимое карманов на стол. Часы тоже... Лицом к стене, — следующая команда. — Руки вверх. Шире ноги, еще шире, вот так, — по голеностопу пришелся удар сапогом. С меня сняли шапку, пальто и даже пиджак; грубые руки стали шарить по телу, а Кузьма продолжал допрос:

— Я снова спрашиваю: цель приезда? А чем занимаешься в Москве? Небось, боевиков финансируешь?

Еще много было вопросов такого же содержания. Уткнувшись лбом в холодный бетон, я что-то лепетал в свое оправдание. И тут, словно приговор:

— Отправьте его в штаб.

— Так БТР уже ушел.

— Хм, что, до утра его с собой держать?

— Зачем? Как обычно, стемнеет — и к рыбкам, в Сунжу.

Не знаю, может они и шутили, но мне было не до шуток, затряслись коленки и я развернувшись, стал умолять:

— Отпустите меня, отпустите! Все что хотите заберите, и отпустите. Никаких боевиков я не знаю.

— К стене, лицом к стене! — рывкнули на меня, прикладом прошлись по ребрам, так что умолк, от боли еле дышал, но инстинкт выжить на пределе, и в возникшей страшной тишине почуял какую-то перемену, в подтверждение этого я услышал хорошо поставленный приятный баритон:

— Кузьмин, вы опять на ночь глядя бардак учиняете?

— Никак нет, товарищ капитан! Весьма подозрительный тип. Нужно проверить.

— Может побудешь с нами? Сейчас ужинать будем, — очень мягко произнес баритон.

— Нет-нет, спасибо, я дома поужинаю. Отпустите меня, я ни в чем не виноват, — не оборачивая головы, скороговоркой выпалил я, думая, что это ко мне обращаются.

— Замолчи, урод! — перебил меня прокуренный бас.

— Отставить! — приказал баритон.

И тут наступила странная тишина. И почему-то страх мой исчез, и ощутил я нутром, прямо вдоль позвоночника, к затылку, странное приятное тепло, будто меня благодатно погладили. Вслед за этим непонятные легкие шажки, меня коснулись теплые ручки, и я, боясь вывернуть голову, только взглядом повел вниз; и навстречу глаза — большие, детские, темно-синие глаза, и них необычное вопрошание, и смотрят они не в лицо, а прямо в глаза, словно душу хотят понять.

Этот взгляд был так проникновенен, так чарующ, с такой добротой, из иного мира, что я невольно откнулся взглядом вновь в сырой бетон.

А ручки, поглаживая меня, зашли с другой стороны, и мне показалось, чуть за карман дернули, вновь зовя и одновременно взбадривая. Вновь лишь взглядом скользнул я вниз, вновь наши глаза встретились, теперь надолго, и трепетная волна вполне осязаемо прокатилась по всему моему телу. Вначале мне стало стыдно, а потом как-то умиротворенно, даже возвышенно над этой брэнностью людской, так, что я спокойно отпрянул от стены, осторожно коснулся головки мальчика и, поглаживая, ее свободно развернулся и первым делом увидел пред собой опрятного подтянутого капитана.

— Отпустите его, — впервые я услышал голос мальчика, и этот голос был низкий, с детским баском и с хрипотцой простуды.

— Ну, — очень вежливо, даже галантно склонился капитан перед мальчиком. — Понимаешь, у нас, у взрослых, не так, как в сказке. А есть какой-то порядок.

— Бабушка Учитал говолит, что у взрослых все — не порялок.

— Ну, «Учитал», — так же исковеркал баритон, — где-то, может, и права.

— Учитал всегда плава, — постановляющее перебил мальчик, — она фи-зил-ас-лоном, — по слогам, картавя продолжил, и после паузы, вздохнув, — она и со звездами говолит.

— Да-а, языкастая бабулька, — съехидничал кто-то в сторонке, там же ухмыльнулись.

Капитан лишь насупленно в ту сторону глянул, и смешки прекратились, а он, вновь раздобрев лицом, склонился к мальчику:

— А ты завтра придешь?

— Учитал не лазлещает, здесь стлеляют.

— Ну что ты, дорогой! Кто же здесь стреляет?

— Только что стлеляли, — с такой укоризной, что на минуту все мы, взрослые, замерли, и как бы в оправдание, старший из нас по положению услащенным баритоном ответил:

— Так это в воздух, для порядку.

— От стлельбы «полядку» нет — одна лазлуха, и папа с мамой плопали, — глядя прямо в глаза капитана, громким баском сказал мальчик и жестом указал на автомат. — А оздух стлелят солсем нельзя — туда ведь улетел мой шалик. И оттуда, когда я сплю, плилстают мои папа и мама, если вы ночью не стлеяете. Но вы каждую ночь стлеяете, и мои папа и мама уже давно ко мне не плилстают... И шалик не плилстает. Вы все влемя стлеяете.

— Мы не «стлеяем», мы от бандитов отстреливаемся.

— Бабушка Учитал говолит: кто с олужием — все бандиты.

— Вот карга вонючая, — оживились в углу.

— Прибить дуру надо, одичала средь варваров.

— Ха-ха-ха! — сумасшедшим хором.

Мальчик резко отпрянул от меня, от нас всех, прильнул к бетонной стене, съежился, маленькими испачканными ручонками прикрыл головку, и лишь глаза, эти большие блестящие глаза учащенно заморгали, но прямо, пытливо глядели на солдат, стремясь понять их.

— Кузьмин! Твою мать! — пропала изящность в голосе капитана. — Пшел вон! Все вон отсюда!

— Ну-ну, не усердствуй, все мы на посту, — пробурчал на ходу кто-то, и уже извне другим певучим голоском: — А шальные пули летают, где настигнут — неведомо.

— Эх! Яблочко, куда ты катишься, — запел пропитой хрипотцой другой, — ко мне в рот попадешь — не укачишься.

А капитан подошел к мальчику, крепко прижал к себе, склонился, и поцеловав в щечку, поглаживая, мягким шепотом:

— Ты завтра придешь со скрипкой?

— Учитал заплещает.

— Тогда я сам приду, тебя послушаю — застегивая пуговики на куртке мальчика, потом, став на колени, очень аккуратно очищал засохшую грязь со штанин, и как бы улавливая мою мысль: — Завтра пойдем на базар, ботинки зимние тебе купим.

— Бабушка Учитал и Ложа сказали, что сколо Новый год будет, им на лаботе тепель деньги дадут, и они мне все новое и ботинки блестящие купят.

Теперь мальчик вновь выпрямился, посветлел и, заглядывая в глаза капитана, уже доверительно водил пальчиком по золотистой пуговице на бушлате, в то время как капитан, усердно возился с отклеившейся подошвой на ботинке мальчика, пытаясь крепче перевязать ее шнурком.

— А еще, а еще, — загорелись глаза мальчика. — У нас будет елка, зеленая, как в вашем телевизоле и плидет дедушка, его зовут Молоз, и он ласкажет мне сказку и подалит много-много, вот столько, — и он развел ручонки, — подалков, а там и конфеты, и шоколад, и йогулт, и яблоки, и даже бананы.

— Завтра, завтра, я тебе все это куплю, — с удивительной нежностью любовался капитан мальчиком, сидя перед ним на корточках. — Я бы тебе давно все это купил, так разве этих архаровцев одних оставишь? — тяжело вздохнул капитан, от каких-то мыслей меняясь в лице и вставая. — Тебе пора домой, стемнело.

— А вы мне еще машину купите? — оживился мальчик, снизу пытаясь заглянуть в глаза, очень быстро глубоко вздыхая. — Такую класную, большую, — самосвал называется. Мне папа такую в «Детском миле» покупал. Там много было иглушек, и много было детей, и я с ними иглал, и в войнушку тоже. А вы не умеете иглать, и автоматы у вас воняют, они глянзые, не такие, как в «Детском миле» были. А где сейчас «Детский мил»?

Я увидел, как в страдающей гримасе изменилось лицо капитана, дернулись сжатые губы, и как он увел растерянный взгляд в сторону.

— Так где же «Детский мил», где? — слегка дергая бушлат военного, повторил мальчик, и не дождавшись ответа, перевел вопрошающий взгляд на меня, прямо в глаза. — А вы дядя, знаете, где «Детский мил»?

Я оторопел, тоже отвел взгляд и потом, ища поддержки, посмотрел на военного; наши глаза встретились, и я не знаю, что он прочитал в моих, но в его глазах была крайняя тоска и усталость.

А мальчик, не дождавшись ответа, с детской непосредственностью продолжал:

— Вот видите, ничего вы не знаете. Значит, плохо учились. А бабушка Учитал все знает. И она говолит, что «Детский мил» там, где мои папа и мама, и сколо они все велнутя, и щалик велнетя... Может, даже сегодня ночью, если вы опять стлелять не будете.

— Так кроме нас кругом стреляют, кругом бомбят, — виновато развел руками капитан.

— Да-а, — как-то не по-детски вздохнул мальчик, опустил голову и, уже не глядя на нас: — А когда же ваша война кончится?

— Скоро, скоро кончится, — совсем неуверенно сказал капитан, кладя руку на голову ребенка.

А мальчик вновь устремил взгляд на военного и совсем тихо:

— Вы давно обещаете... Пойду домой. Учитал, может плишла, волнуется, искать будет... Снова полу-
гает, — он сделал пару шажков к выходу, остановился,
обернулся, и очень ласково: — А вы мне и домой поку-
шать дадите?

— Конечно, дам. Вот пакет я тебе приготовил.

— Спасибо. Вкусный у вас хлеб... А Учитал меня
лугает, говорит, я поплошайка. Но они тоже кушают...
А денег у нас давно нет.

Мальчик двумя ручонками буквально выхватил
пакет, не удержал, положил и с нескрываемым любо-
пытством заглянул в него:

— О-о! Моложеное!

— Это не мороженое, — также склонился воен-
ный. — Зимой мороженое не едят... Это масло, вот
сгущенка. Ты ведь любишь сгущенку?

— Ой, как я люблю сгущенку! Это объедение! На
хлеб намажу и буду долго-долго есть!

— Ну, давай, уже поздно, — настоятельные нотки
завучали в голосе капитана, — мои ребята тебя проводят.

— Не-не, не надо, — широко раскрылись глаза
мальчика.

— Учитал и Ложа военных боятся. Меня лугать
будут.

— А как ты пакет унесешь? Да и темно уже.

И тут без заминки мальчик сказал:

— А меня дядя пловодит.

— Он задержан, — командный баритон появился
вновь в голосе капитана.

— А зачем его заделживать? — удивленно продол-
жил мальчик. — Ведь он без олужия.

— Это жизнь, война, — назидательно сказал капи-
тан, и, вздыхая — Понимаешь?

— Не понимаю, — в глазах мальчика появилось то ли смятение, то ли еще что, и он вновь вглядывался прямо в глаза офицера. — А вы ведь говорили, что жизнь — это сказка, а сказка и есть жизнь.

Капитан потупился, дергаными движениями достал из кармана сигареты. И в это время мальчик подошел ко мне, взял за руку:

— Отпустите его, пожалуйста, — сказал он так же просяще, как ранее просил еды.

Офицер медленно прикурил, часто глубоко затягиваясь, провел тяжелым взглядом по всей моей фигуре.

— Не думайте о нем плохо.

— Откуда тебе знать, как я думаю? — отводя от нас взгляд, жестковато ответил военный.

— Знаю, — как-то загадочно произнес мальчик, чуть погодя слегка дернув меня, — отпустите нас.

На слове «нас» он сделал до того значительное ударение, что капитан встрепенулся, резко глянул в нашу сторону, остановил взгляд на нашем рукопожатии. С нетерпением ожидая решения, я в упор смотрел на командира блок-поста, и мне показалось — не что иное, а лишь потаенная ревность тенью легла на его лицо.

— Идите, — тихо вымолвил он, устало подошел к парам, грузно сел, швырнув в угол окурков.

Я кинулся к своим вещам, в беспорядке валяющимися тут же на нарах, спешно взял паспорт со стола, а дорогая шапка, часы и кошелек исчезли. Я замялся, желая привлечь внимание капитана, но тот огрубевшей, испачканной рукой прикрыл склоненное лицо, будто испытывал боль.

— Ничего, — вновь дернул меня мальчик к выходу, — зато нам вот сколько еды дали, — он еле держал пакет, — вот будет счастье, ведь там и стуженка есть, а

с хлебом так вкусно, лакомство. Пойдем, Учитал небось волнуется, домой плишла.

Темным лабиринтом железобетона я засеменял за мальчиком. Потом был яркий свет прожекторов, и окрики военных возле запоздалой машины. Все это я пытался не видеть, и лишь когда ряды колючей проволоки остались позади, я понял, что холодная, ветреная зимняя ночь застигла меня врасплох в этом страшном разбитом городе, где отовсюду стреляют, где темное небо беспрерывно бороздят самолеты и вертолеты, и все это на фоне неумолкающей недалеко канонады по всему периметру города.

— Ой, — вдруг среди этого кошмара я услышал игривый голосок моего ведущего, — опять негодная лазвизалась. — Мальчик присел, стремясь приноровить оторвавшуюся подошву. Пытаясь ему помочь, я тоже сел, но было темно и руки мои отчего-то дрожали, и, не справившись с промоченным узлом, я второпях решил иначе — взял мальчика с пакетом на руки. — Куда идти? — озабоченно спросил я, обнаружив, что ребенок на вид хоть и худощ, да увесист, даже крепок, так что с силой сжал мою шею и с задором скомандовал:

— Сюда! Где «Детский мил»!

Обходя многочисленные рытвины и воронки, боясь поскользнуться, как можно быстрее я направился к мрачному полуразрушенному зданию. А мальчик, видать, уже освоившись на моих руках, чуть ослабился и — уже поглаживая мои волосы:

— Вот так же в детстве и папа меня на луках носил.

— А теперь ты не маленький? — почему-то вырвалось у меня.

— Конечно, нет. Я даже в колонии был.

— В какой колонии?

— В такой, где все бьют, чеченом обзывают... А ты ведь тоже чечен?.. А почему нас все бьют, все в нас стелляют?

Я не знал, что сказать, как ответить, и только сильнее прижав мальчика, еще более ускорил шаг, пытаясь внимательнее глядеть под ноги. Однако мальчик обеими руками с непонятной силой обхватил мое лицо, уперся взглядом в мои глаза и не по-детски серьезно на чеченском спросил:

— И долго мы будем чеченами?

Я буквально остолбенел, даже руки мои ослабли. Я поставил мальчика на землю, а он снизу в упор все смотрел, и я не знаю, что он в потемках на моем лице видел, но я постарался собраться с силами и как мог твердо ответил:

— Мы родились чеченцами и всю жизнь должны чеченцами быть.

— Значит «Детского мила» у нас, как у длугих, не будет?

— Как не будет?! — озадачился я и хотел было что-то оптимистичное сказать, но в это время за рекой, прямо напротив нас как бабахнуло, аж ноги подкосились. Чудом я не упал, вновь быстренько взял мальчика и спросил о насущном: «Куда бежать?»

А в это время за спиной, от блокпоста стали беспощадно стрелять из всех видов стрелкового оружия, и я уже не слышал, что мальчик говорил; бежал вдоль разбитого здания «Детского мира», как вдруг, будто из развалин, выскочила худющая длинная тень, от нас шарахнулась, при-

жалась на мгновение к стене, а потом кинулась бежать.

— Учитал! Учитал! — около уха завопил мальчик.

Тень остановилась, и в этот же момент за рекой вновь бабахнуло, да со вспышкой, так что огнем блеснули глаза тени, и она бросилась ко мне, с неимоверной силой выхватила мальчика и, увлекая его, стремглав провалилась в черном проеме арки.

Обескураженный, я застыл на месте, не зная куда податься, ведь кругом, как в кошмарном кино, стреляли, и лишь щедро поваливший снег и порывистый ветер еще резче обозначили реальность бытия, а не иллюзию видения.

Даже не знаю, что бы я предпринял, до того я был в растерянности, и все больше смотрел в сторону черного проема, ища там убежища и людей, как из этой же темноты я услышал красивый женский крик:

— Мужчина! Что ж вы так стоите? Сюда, быстрее!

Под аркой я ничего не видел, словно ослеп; и первое, что ощутил, — это прикосновение мальчика.

— Дядя пойдет к нам, ночевать, — вновь решил мою участь мальчик, и я увидел проблеск противоположного выхода, а мальчик, уже ведя меня за руку, таинственно просил. — А ты сказку ласкаешь?

— Думаешь, все твою сказку знают? — теперь ласковее сказала женщина, и по голосу, и по тому, как она сильно задыхалась, я определил, что она в возрасте.

У выхода из-под арки она движением руки нас остановила, сама осторожно выглянула и, жестом дав команду, первой побежала, мы держались за руки, я был последний.

Мы перелезли через какое-то обваленное толстое дерево, обогнули громадную воронку, прежде чем

проникли вновь в темный проем, называемый подъезд.

— Здесь надо быть осторожным, — она чиркнула спичками, вновь блеснули линзы ее очков. — Идите за мной, — обратилась она ко мне, а сама помогла перейти мальчику через две разбитые ступени, где торчали только искривленные арматуры.

По довольно крутой лестнице мы поднялись на второй этаж. Я понял, что под нами был «Детский мир», а далее жилой дом.

— А Ложа что, с лаботы еще не плишла? — встревожено спросил мальчик, когда женщина завозилась с замком около двери.

— Пришла, — уже входя в жилище, с легким недовольством ответила женщина, а потом мягко, будто извиняясь: — Мы обе на работе задержались, думали зарплату дадут. Тебе б обувку, одежду купили бы.

Женщина в темноте обо что-то ударилась, кротко простонала, чиркнула спичкой, следом второй, зажигая керосиновую лампу. Сразу стало светло, чуточку легче.

— Вы проходите. Пальто пока не снимайте, сейчас печь растопим, — обратилась она ко мне и сразу же принялась обихаживать мальчика, усадив его на старый, выдавший виды большой скрипучий диван.

— Смотри, весь промок, — она с трепетной заботой стала дышать на ножки мальчика, нежно руками обтирала их, сморщенными костлявыми руками. — Я ведь просила, — не выходи из дома, а ты даже дверь не прикрыл, — без какой-либо строгости продолжила она.

— Да, я не закылл двель, — абсолютно не оправдываясь, просто констатируя, ответил мальчик. — И как бы я ее закылл? Ко мне плишел Бага весь в олузии. Я

ему на склипке иглал. И в это же влеме постучал Голова.

— Капитан, что ли? — воскликнула женщина, — Ужас!

— Именно! — всем телом подавшись вперед, заглядывая в глаза женщины. — А мы-то с вами знаем, что эти болодатые дяди с олужием длуг с длугом иглают в войнушку, а в нас, плостых, не поналошке, а по плавде, до клови попадают. И я улетел бы, как шалик. И что бы вы без меня делали?

— Боже, боже! О чем ты говоришь! — она обняла мальчика, сквозь слезы и всхлипы стала целовать, и вдруг отпрянув, очень серьезно, словно ко взрослому: — А как они разошлись?

— А я, а я, — глаза мальчика в азарте загорелись, аж стал он глубоко дышать. — Я как в сказке, как вы советовали: с умом и со сноловкой действовал.

— Это как же? — удивилась женщина.

— Слышу стук в двель, — я молчу. А Голова кликнул меня. Бага в ванную побежал. А я откыл двель и слазу сказал: «Пойдем к вам, в телевизоле мульттик смотлеть». А он: «Что ж ты столько дней не плиходишь, Учитал не пускает?» А я ему: «Нет, ботинки совсем полвались», и пока он думал, быстленько: «Но с Вами пойду. А сказку ласкажите? А сгущенка у Вас есть?». «Все есть, все есть, — он сам немного толопился. Только сказал: «Ты двель на замок закрой». А я гломко, чтоб Бага слышал: «Заклывать не буду. У Учитал и Ложи ключей нет».

— Ой, ты мой золотой, мой смышленьш родименький, — женщина по-матерински обняла мальчика, несколько раз поцеловала. — Только говорить надо правильно, как я тебя учила. Не Ложа, а Роза. А ну, скажи «р-р-р»... Язык к небу, к небу язык, как трактор — «р-р-р».

— Тлактолов нет — есть только танки, — строго сказал мальчик, возвращая всех в реальность.

— О Боже! — поднялась женщина. — Что ж Роза не возвращается?

— А она к боевикам пошла?

— Ну, да... Тебя дома не нашли и разбежались. Я вроде к своим, к русским, на блок-пост, и она вроде к своим... Вы, — на меня впервые, изучающее глянула она, — присмотрите за мальчиком.

Несмотря на свой старческий вид, она довольно быстро двинулась к выходу, и уже была в подъезде, когда мальчик вдруг крикнул :

— Бабушка, не идите... Вновь долг дуга долго искать будете. Она сама плидет. Вот увидите.

Как-то странно глядя на мальчика, женщина медленно вернулась, села около печи. И в это время в подъезде послышался шорох, звук шагов и появилась рослая женщина — плотная, смуглая, крепкая, лет тридцати.

— Ой, слава Богу, нашелся! — кинулась она к мальчику. Увидев меня, смутилась, и, уже пытаясь приглушить страсть, явно сдерживаясь, слегка обняла его, тоже поцеловала.

— Прости, — на чеченском прошептала она, — больше тебя одного не оставим... Вот что мы с бабушкой тебе принесли, — она достала из кармана несколько конфет.

— А мне Голова много кушать дал, — в присутствии обеих женщин значительно веселее, даже капризнее стал голос мальчика. — Там даже сгущенка есть!

— Ты наш кормилец! Наш золотой! — теперь обе женщины завозились вокруг мальчика.

Потом началась житейская суета. Пожилая вновь привозилась возле печи. Роза взяла маленький топорик, засобиралась на улицу, по дрова.

— Может я пойду, — впервые подал и я свой голос.

— Нет-нет, вы чужой, да и не разберетесь, — оставили мой порыв обе женщины.

Дрова были сырые, разгорались плохо, дымились, шипели, разгоревшись, с озорством трещали, вторя хилому свисту закипающего чайника. Судя по репликам мальчика, ужин в этот вечер был праздничным, щедрым; как-никак дары капитана, да гость был — так что все запасы на перекошенный стол — хлеб, масло, сгущенка, лук, и как десерт, чай с конфетами. И во время еды, и после, когда купали мальчика, а потом переодевали в пижаму и укладывали спать, мне все казалось (если отвлечься от мрачности жилища и нужды), что женщины-рабыни обихаживают царского сына, если не потомка какого-то божества.

— А вы что не ложитесь? — заявил мальчик, кутаясь в единственное шерстяное одеяло.

Да, наступил самый неловкий момент — где и как спать?

— Дядя ляжет на диван, а вы ко мне на кловать... быстрее, пока тихо, сказку надо начать, — распорядился мальчик. Так и поступили. Укрывшись своим пальто, свернувшись калачиком, я уткнулся носом в пролежность древнего кожаного дивана, вобравшего в себя запахи и вонь не одной судьбы. А женщины еще недолго повозились по хозяйству, потушили керосинку, наложили в печь дров, и по ветхому скрипу кровати я понял, что они тоже легли.

— Ой, как тепло... и тихо, — мальчик первым нарушил молчание.

— Может, сегодня стрелять не будут, — голос бабушки.

— Небось, тоже ужинают, водку жрут, — встряла Роза, — а потом как обычно.

— Пора б уgomониться, — это бабушка. — Сколько ж можно стрелять? И откуда у них столько патронов?!

— Пока тихо — сказку начнем, — вновь басок мальчика. — Я засну, и, может, мама с папой ко мне сегодня прилетят... Кто пелвый начнет?

— Роза, начинай, — попросила бабушка.

— Нет, лучше вы.

— А может дядя ласскажет? — оживился голос мальчика.

— Нет-нет, — спасла меня бабушка, — он не знает нашей сказки, и уже, наверное, спит.

— Спать без сказки нельзя, — постановил мальчик, и чуть погодя: — давайте я начну.

Глубоко вздыхая, он стал рассказывать, и даже голос у него изменился, приобрел какую-то еле уловимую заманчивую интонацию.

— Ты перескочил, — вдруг прервала его бабушка.

— Да, — поддержала Роза.

— Так мы сегодня с Багой и Головой уже многое пележили.

— Что ж вы так поступили? — озадачилась бабушка.

— А у этих военных всегда все неладно, — недовольно сказала Роза.

— Да, плохие у них сказки, — продолжил мальчик.

— Но жизнь у них тоже не сладкая, хоть и стущенку едят.

— Говорю же, не общайся с этими. И что они к тебе повадились?!

— Больше одного не оставим... В крайнем случае с собой будем брать.

— Как «с собой»? — удивился мальчик. — А вдлуг мои мама с папой плидут? А они велели мне здесь их ждать.

Наступила могильная тишина, и чуть позже тоскливый голос бабушки:

— Роза, продолжи сказку.

Еще прошло некоторое время, прежде чем она начала говорить. И начала она вяло, тягуче, так что мальчик не выдержал, перебивая ее, сам продолжил. А потом они заговорили все, будто бы соревнуясь и заглушая друг друга в споре, предлагая разные варианты и все более и более возбуждаясь, с шепота со страстью переходя на крик.

Я все это слышал, и ничего не мог понять, ничего не мог запомнить, и мне даже показалось: может, от ужаса войны они все разом умом тронулись. И эта мысль все больше и больше овладевала мной, навевая жуть, пока после продолжительных разногласий не стала превалировать сюжетная линия бабушки. И тогда я ощутил некоторую канву, даже понял роль и имена некоторых персонажей, и незаметно сам так поддался интриге сказки, так вслушался, затаив дыхание, что когда бабушка замолчала, я чуть не выдал: «а дальше что?» Но меня опередил шепот Розы:

— Заснул.

Я услышал как заскрипела кровать.

— Вот так ему будет свободнее, — возились они.

Потом застыли, но по их учащенному дыханию я чувствовал, что обе женщины не спали, и будто отгадывая мою мысль, Роза сказала:

— А правильно ли мы повели сюжет? Поймет ли он нас?

— С одной стороны, дети нас не часто понимают, да и как нашу жестокость понять. А с другой, наш мальчик уже столько повидал...

— Да-а, — с тяжелым вздохом. — И не простой он ребенок.

— Не простой... Поболее нас понимает, да понять не может.

После этого они долго молчали, и вновь заговорила Роза:

— Анастасия Тихоновна, как вы думаете, завтра зарплату дадут?

— Не дадут, снова в долг возьмем. Ему обувку.. да все купить надо. И елку достать, как обещали, на Новый год.

Больше ни слова не сказали, и не знаю, заснули они или нет. А я хоть и был чертовски разбит, но заснуть никак не мог, ведь это здесь давно ночь и вроде тишина, а для меня, москвича, девять-десять часов вечера — самый разгар жизни.

Наверное, еще час я лежал, боясь шевельнуться, и уже, наконец-то успокоившись, стал забываться во сне, как прямо под нами, видимо, из подворотни раздался сухой щелчок. И не то чтобы выстрел, а вроде пугача или образнее — старого пистолета. На этот «пустобрех» никто не ответил, никто не подержал. Тогда, минут через пять-десять раздались три щелчка и задорный воинственный религиозный клич.

На эту провокацию ответили, и не просто так, а всей силой стрелкового оружия, что имелось в арсенале блок-поста.

— Опять стлеляют, — недовольный голос мальчика, — опять никто не пилетит.

— Спи, спи, все будет хорошо. Это не в нас, — старчески-блеклым шепотом.

Вскоре стрельба прекратилась, да, оказалось, ненадолго.

Вновь под окном возглас, вновь этот ржавый выстрел и оглушительный ответ. И эта стрельба продолжалась до тех пор, пока ее не стал заглушать мощ-

нейший рокот артиллерии, будто сошлись под Грозным две великие армады.

— Как обычно, ровно в одиннадцать, — услышал я голос бабушки.

— Все, — поддержала ее Роза, — до полуночи не угомонятся.

— Лишь бы по центру не стреляли.

— Сюда не будут, блок-пост лядом.

— Хоть одна от них польза... Спи, спи, золотой, спи. Все будет хорошо. Спи, — и еле слышимое чмоканье.

Мне казалось, что от этого то возрастающего, то угасающего гула, от содроганий всех стен и хлопков клеенки на окне я никогда не то что не засну, а просто сойду с ума, и хотел вскочить, бежать, бежать хоть куда, желательно в подвал, в укрытие, чтобы никого и ничего не слышать, и главное, чтобы меня никто не мог достать ни пулей, ни авиабомбой.

Но я был гость, и слыл мужчиной, и скрежеща зубами, скрючившись в клубок, я больше чем канонаду слышал обеспокоенный ритм своего испуганного сердца. Однако жизнь неумолима, и какой бы суровой ни была реальность, а организм берет свое, и я не помню, как это случилось, но я, видимо, заснул... и что я вижу?! Шарик! Да, такой большой ярко-красный, красивый шарик. И парит он, взлетая ввысь, в лучезарные голубые просторы бескрайнего неба, пытаюсь от ужаса людей бежать. А в него с земли все стреляют, и не только из пушки и автоматов, но и из луков и просто камни летят.

— Неужели?! Неужели попадут?! — сжимается мое сердце, мне очень плохо, невыносимо... И вдруг попали!.. И такой ужасающий взрыв, что меня просто скинуло с дивана, а в руках у меня мальчик, он, полусонный, весь дрожит, и сам я дрожу, сердце колотится, ничего не могу понять в смятении.

Тут загорелась керосинка, я осознал, где я. Женщины забрали у меня мальчика, уложили на кровать. А я все так и сидел на холодном, дощатом полу.

— Вам плохо? — склонилась надо мной бабуля. — Вы так бледны, и лоб в испарине.

— Не-не, все нормально, — попытался я сесть на диван, и в это время бешеный взрыв, по-моему, в наше здание, так что я вновь слетел, и пол дрожит, а сверху пыль, штукатурка все падает.

Не знаю, сколько времени я лежал на полу, ожидая нового удара. Потом осторожно приподнялся: керосинка, видно, от волны погасла, только тлеют угли в печи, и в этом страшном полумраке скорбная тень. Плотно прижав к себе мальчика, на кровати сидит бабушка, и, укрывая их со стороны окна, склонившись над ними, стоит Роза.

— Может, нам лучше вниз, в подвал, в укрытие, — прорезался у меня голос.

— В подвале эти, наши бородатые, — разбитый голос Розы.

— Да и мальчик отсюда никуда не пойдет, — сипло поддержала бабушка.

Ожидая нового взрыва, мы вновь затихли, но ненадолго. Мальчик в руках бабушки задергался и — своим решительным баском:

— Что ж они сегодня, совсем оболзели?

— Тс-с! Не шуми! Посиди еще! — шепотом сдерживала его бабушка, — будто бы по шуму нас могли определить. — И вообще, что это за слово? Так говорить нельзя.

— А бомбить можно? — обиженным тоном, и чуть погода — совсем жалостно, тихо: — Бабуля, я описался... и еще.

— Хм, чувствую, — очень ласково, — ничего, ничего... Сейчас. Роза, зажги лампу. Давай теплую воду.

Очевидно, эта процедура была не впервой. Мальчика быстро облили, переодели, и думая, что более взрывов не будет, мы легли, как и прежде спать, как вновь бабахнуло; правда, на сей раз поодаль, послабее. Но все равно сердце мое вновь забилося испуганно, и тут непонятный шум, и мальчик оказался возле меня; лег, прижался, а глаза его в мои в полумраке впиваются, аж блестят, и тут, совсем неожиданное:

— Дядя, ты шалик сейчас видел? Видел? Как он там?

У меня аж судорога по ногам прошла, я онемел, не зная, что ответить. Меня спасли женщины; они быстренько увели мальчика. Вновь укладывая, они ему наперебой о чем-то говорили; наверное, свою сказку. Однако я уже не слушал, не мог, не хотел, я устал, глаза слипались, а я боялся, боялся заснуть, боялся увидеть шарик. Да, я заснул, я куда-то провалился иль улетел, а вокруг какие-то странные картины и видения; мне и страшно и интересно, а в целом, я зачарован происходящим, я в сказке — и потом шарики, много-много красных, ярких шариков на фоне безграничного чистого голубого неба, и я парю среди них, и так легко, и так приятно, и звучит какая-то странная, обрывистая, как горный ручей, музыка, но удивительное дело, именно эта, вроде бы нескладная мелодия, как раз гармонирует с моим среднебесным состоянием...

— Т-р-р-р! — жесткая пулеметная очередь. Я вскочил. В жилище светло, свистит чайник, и мальчик прямо передо мной со скрипкой в руках; такой красивый, с золотистыми кучеряшками; и прямо в глаза мои смотрит, и он уже раскрыл рот, желая что-то меня спросить, но я не удержался и опередил:

— Твой шарик красный был?

Он только кивнул, и уже глядя исподлобья, насто-
рожился:

— А вы там моих папу и маму не видели?

Током судорога прошлась по моему телу, до самой
пятки.

— Откуда ты знаешь, что я видел? — вырвалось у
меня.

— Иди сюда, — отбирая скрипку, бабушка отвела
мальчика, — давайте чай пить, — и, видимо, реагируя
на мой рассеянный вид: — Не от мира сего... Удиви-
тельный ребенок.

Без чая меня не отпустили, и сидя у разбитого
стола, пытаюсь избежать взгляда мальчика, я уводил
глаза, будто осматривал убогость жилища.

— Вам жалко нас? — вновь поразил меня вопрос
мальчика, и в его голосе был такой обличительный
упрек, что я не нашелся, как ответить. А он в том же
тоне продолжил: — Ничего. Жизнь, как сказка.
Плавда, бабушка? А в сказке конец всегда счастли-
вый.

Он сидел на колене у бабушки. И неожиданно
вывернул голову в ее сторону и, как только он
умел, глянул в ее тусклые, выцветшие глаза из-под
линз:

— А разве конец может быть счастливым?.. Ведь
это все же конец?!

— Ешь, ешь... Чай остынет.

Мы все потупили взгляд.

Быстро опорожнив стакан, что-то невнятно гово-
ря в благодарность, я стал прощаться, обещая на днях
вернуться.

— Вы сказку не знаете; значит, больше не увидим-
ся, — почему-то постановил мальчик при расстава-
нии.

Вместе с Розой я ушел. Дворами, тропинками, она вывела меня прямо к такси, к старенькой машине.

— Он знакомый, — указала она на водителя. — Надежный, все ходы знает.

Действительно, миновав все блок-посты, мы выехали за город, вроде вздохнули свободней, и тогда водитель — примерно мой ровесник, звали его Пайзул, вдруг спросил:

— Роза твоя родственница?

И пока я пытался что-то объяснить, он продолжил:

— А мальчика видел? Как играет на скрипке, слышал?.. Жалко... Странный, удивительный ребенок!

— Да, — лишь это смог сказать я, и только тогда, по скрежету пыли в зубах, по пороховому смраду во рту я ощутил запах, жестокость и ужас войны...

...В родное село не пускали. Вокруговую блокировано, всюду танки, солдаты, в небе вертолеты, где-то стреляют, — «зачистка». Однако Пайзул оказался стоворчивым малым, нас пропустили. А дома по мне с ума сходят, думали — пропал.

Поддался я мольбам стариков, на следующий же день окольными путями покинул воюющую Чечню и вылетел в Москву. Знал, что мой должник в Москве, у своей семьи, к Новому году обязательно объявится. А мне как раз к Новому Году надо было погашать банковский кредит.

Видимо, война меня озлобила; действовал я жестко, решительно. Словом, мои финансовые проблемы в основном утряслись. И, правду сказать, не на Новый год, а в первые дни января 1996 года я твердо собирался в Грозный: мальчик звал, ой как звал; и шарик, этот красный шар, каждую бессонную ночь пред глазами

являлся... И купил же я уже билет, и уже готовился вылетать, как позвонили из Чечни: близкий родственник осколками ранен, везут в Москву на операцию.

И тогда и сейчас я могу что угодно городить, но дело в одном — смалодушничал. И пока я вновь собирался в Грозный, кончилась зима. А весной в город вошли боевики, точнее, они всегда там были, но до того враждующие стороны как-то вроде уживались. А тут вновь масштабные бои в центре Грозного, и я туда уже не сунусь, боюсь; все дни смотрел в телевизор, может, хоть дом, где «Детский мир» покажут.

Не показали, и вроде улеглось. И тогда я не поехал в Грозный. Действительно, были дела — готовился к предзащите. Так и лето пришло. А в августе вновь на город напали боевики, вновь там война... И все же есть конец. Подписали дружеский договор. Российские войска ушли. В Чечне вроде мир, вроде свобода.

Как раз в октябре я защитил диссертацию, и еще с недельки две оформлял бумаги, а потом, уже поздней осенью, наконец-то добрался до освобожденного Грозного...

О, ужас! Что я вижу! Да ничего я не вижу. «Детского мира» нет, блокпоста нет, мостов нет, ничего нет. Лишь пустырь, словно и не было здесь громадных строений, не было города, не было людей...

Не найдя утешения на земле, я глянул в небо, вдруг там шарик. А небо низкое, мрачное, холодное, — время вновь к зиме.

А тешил себя иллюзией, что бабушка «Учитал», Роза и Мальчик скорее всего ушли, когда здание «Детского мира» сравнивали с землей. И правда то, что я пытался их найти. А время летело, и я понял, что

больше я Мальчика не встречу... Да оказалось, что я с ним и не расставался, эти, как звездочки, глаза, всегда передо мной. И я хочу, я очень хочу, чтобы Мальчик и с вами не расставался, чтобы был со всеми с нами. Всегда!

...Смогу ли? Не знаю. Но душа болит, и я, как Бог даст, постараюсь донести до вас эту сказку как жизнь, или жизнь, странную, как сказка...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

аже маленький Мальчик знал, что все к Земле притягивается, ею держится, к ней стремится, а тут случилось неладное, удивительное. Как-то, уж очень сильно проголодался он и решил буквально на минутку к блок-посту побежать, хлебушка попросить. А здесь невидаль какая! Война в самом разгаре, кругом бомбят, а кто-то решил жениться, даже свадьбу сыграть.

И вот хилая процессия пересекала мост, и никто бы просто так и не догадался бы, что это свадебный кортеж, да один шарик — большой, ярко-красный, и не простой, а вверх, в облака устремленный — выдал затею.

Через мост, мимо блок-поста без мзды никто не проедет, а при таких мероприятиях — «сам Бог велел», и велел небось немало; так что шел неуместный со стороны процессии торг. И в самый разгар Мальчик подошел:

— Какой класивый шалик! — воскликнул он.

— О, здоров малыш, — отвлекся от службы командир. — Что, шарик понравился? Гм... Ладно, ради Мальчика сжалюсь: отвязывай шарик, и с миром — совет вам да любовь!

У Мальчика и раньше были шарики. Правда, не такие, а маленькие, но с рисунками, но как их ни бить, хоть и легкие, а невысоко взлетали — и к земле. А этот шарик странный: к руке его привязали, а он аж вверх от земли рвет, того гляди с собой унесет.

Позабыл Мальчик о хлебушке, на радостях побежал домой. И как дядя командир советовал, только войдя в подъезд попытался развязать узелок — одной рукой не смог; уже войдя в жилище, ножичком веревочку перерезал, а шарик под потолок — и не достать. Пошел Мальчик на лестницу — там длиннющая палка. А в доме стекол нет, всюду сквозняк гуляет, и шаловливый ветерок заиграл с шариком, пощекотал его бока, поманил с собой в даль небесную, туда, где воля и простор.

С ужасом раскрыв рот, Мальчик видел, как неугомонный шарик, вроде с лентой, с неохотой, цепляясь за верхний карниз, виновато выцолз из его квартиры, а в подъезде во всю прыть устремился вверх по лестничному пролету — и прямо в раскученное ракетой окно.

Бросился Мальчик за ним, крикнул: «Стой! Куда!? Побудь со мной!» И шарик ему внял... С началом революции в Грозном электричества нет, а после и быть не могло, новые грозненцы, будто захватчики, лишь разрушали лихо, а электропровода своровали в первую очередь — как-никак цветной металл; нам не нужен, к свободе идем! И так получилось, все провода унесли, а во дворе Мальчика два проводка остались, то ли не смогли сорвать, то ли поленились. Да случайностей на свете не бывает: угораздило шарик попасть как раз меж этих проводов — там он и застрял.

Заскулил Мальчик, слезу тихонько пустил, а громко плакать не посмел, от этого его отучили. Так посидел он в разбитом проеме немало, додумался в помощь взрослых позвать.

Пришел командир российского блок-поста, да не один, с охраной. Почесали они затылки — высоко; предложили одно — пульнуть.

— Нет, нет, только не это. Вы шалик убьете, — закричал Мальчик. — Уходите!

Только они ушли, как из-под земли объявились чеченские боевики. Эти тоже почесали бороды — то же самое предложили. Попытался Мальчик и этих дядей спровадить, — ни в какую, чешутся у них руки — слышать хлопок, будто мало их в городе.

А вскоре бабушка Учитал пришла. Да что ее слушать — русская дура. И, наверное, назло ей и пульнуть бы, да рядом блок-пост, до ночи подождать придется. Но вслед за бабушкой, к счастью, и Роза подоспела. Вроде и знает мальчик чеченский язык, да что сказала Роза, не слышал. Только видел, как боевики поогрызались и исчезли незаметно, как и пришли.

А была осень. И хоть ясный день, и теплый, а солнышко быстро садится, за руинами скрылось. И шарик будто бы на солнце обиделся, слегка сморщился, потускнел, и даже меньше стал, и тут явно дернулся. Потом еще и еще, и вдруг, когда совсем сумерки среди руин стали сгущаться и провода стали невидимыми, словно их и нет, выскочил шарик из западни и быстро взлетел, пока не достиг высоты, чтоб людские пули не достали. А там, на свободе, на фоне нежно-синего вечернего неба он вновь засиял алым светом и долго-долго там блестел, будто звал с собой Мальчика. И может быть, дозвался бы, да день кончился, солнышко спать ушло, шарик в ночном небе растворился, и вместо него бесконечное множество звезд, и лишь две родные звездочки блещут в слезинках на щечках Мальчика.

— Пойдем домой, холодно, — склонилась бабушка Учитал над Мальчиком.

— Почему он улетел? — с такой обидой сквозь всхлипы. — Почему, объясни ты, Учитал?!

— Ну, понимаешь, — вздрагивающе-натужен голос бабушки, — есть такое понятие, как гравитация, когда все тела в мире друг к другу притягиваются.

Не зная, как продолжить, она тяжело вздохнула, и тогда заговорила Роза:

— Это бабушка как ученый физик-астроном рассуждает, а на самом деле все гораздо проще — не мог красивый шарик ужаса войны видеть, вот и улетел.

— А куда он улетел? Что там?

— Там космос, звезды, бесконечная Вселенная.

— И к какой звезде он полетел?

— Э-э, — замешалась бабушка Учитал, и вновь на помощь ей пришла Роза, по молодости ляпнула:

— К той звезде, где твои папа и мама... От тебя привет передать.

— Давайте и мы полетим к той звезде!

— Не-не, — встревожилась бабушка, — тебя ведь просили родители дома ждать... они сами к тебе придут.

— Что же они так долго не идут? Сколько я их жду!

— Придут, придут, обязательно придут, — склонилась над ним бабушка. — А теперь пошли домой, — и видя, что Мальчик упирается, она, решая минутный интерес, приняла версию Розы и сказала. — Вот, наверное, скоро шарик до них долетит, от тебя послание передаст, и они тебя навелят. Может, даже сегодня, когда ты заснешь... А теперь помаша звездочкам ручкой, пожелай всем спокойной ночи — и пойдем домой вечерять, потом спать, чтобы хороший сон нам приснился.

— Они могут сегодня пидти?! — даже в темноте заблестели глаза Мальчика, и смотрел он снизу вверх одновременно и на женщин, которые знали все, и на звездное небо, где было все...

Ужинали не хитро — чай сладкий, много хлеба и две конфетки для Мальчика, одна шоколадная.

Перед сном ходили к разбитому проему между третьим и четвертым этажами, откуда шарик улетел. Любовались звездным небом, и бабушка Учитал впервые показала Мальчику Млечный путь, Полярную звезду, Большую и Малую Медведицы, созвездие Ориона.

— А на какой звезде мои папа и мама? — повторил Мальчик вопрос.

— Они сами тебе расскажут... Пошли спать, пора.

Ночей Мальчик боялся, но ждал, ждал родителей, что прилетали иногда во сне. Обычно он ложился ничком, прикрывал головку ручонками и под мышки бабушки. А когда начинали стрелять и бомбить, он еще глубже пытался залезть как будто под землю. Но эта ночь выдалась на редкость спокойной: тишина, мирная тишина, так что даже слышно течение Сунжи. И Мальчик в эту ночь не обмочился, но спал тревожно, все время дергался, норовил одеяло скинуть, и смеялся, смеялся, и что-то бессвязно бормотал.

И как обычно, раньше всех с зарею он вскочил, рассеянно посмотрел вокруг, побежал. Женщины думали, что в туалет. А он вдруг тихо простонал:

— Где они? Где?.. Неужто улетели?!

Услышав скрип балконной двери, бабушка о страшном подумала, и зная, что с утра ее кости не послушаются, закричала:

— Роза! Вставай! Быстрее!

Мальчик уже стоял на разбитом балконе и сквозь слезы всматривался в озаренное рассветом небо, что-то выискивая, и в лице его было столько разочарования, вопрошания и мольбы, что мир должен был бы его понять, но миру было не до этого. Напротив, в этот момент раздался рядом оглушительный взрыв. Гаревая волна оттолкнула Мальчика внутрь, в то же мгновение подоспела Роза.

— Ты что!? Ты что?! — надрывно крикнула она, сжав со всей силой Мальчика.

— Они были, были здесь!.. Почему они ушли? Почему они не забрали меня и не остались со мной? — слезы щедро текли из его глаз.

Эти «почему» и «куда ушли» с щемящим унынием повторялись весь день с небольшим перерывом, когда Роза принесла с базарчика блестящую игрушку. Однако игрушка оказалась некачественной, вскоре развалилась, а дело было к вечеру, и это еще больше усугубило гнетущее настроение Мальчика. А когда наступила ночь, ночь в осажденном городе, где с темнотой до предела стервенеют захватчики и канонада, как фейерверк победы, — Мальчик совсем потерял покой, и началась такая безудержная истерия, что он весь покрылся красными пятнами, а потом пошла горлом кровь.

Женщины запаниковали, сами рыдая заметались в беспомощности вокруг Мальчика, и неизвестно, к чему бы это привело, да вдруг Мальчик умолк, как-то странно, даже сурово посмотрел на кровь на полу и своим недетским баском с хрипотцой твердо сказал:

— Нам плакаться нельзя — побыют, — и в упор глянув на бабушку: — Я их столько жду, а они ушли, — развел он ручонками. — Вы ведь, бабушка, знаете, куда они ушли?

— А-а-а, — замешкалась бабушка.

— Знает, знает, все знает, — вступилась Роза. — Вот сейчас ляжем спать, и бабушка Учитал тебе все расскажет, и все будет хорошо.

— «Хорошо»? — насупился мальчик. — Значит, сказку?

— Ну-у, — чуть ли не хором вздохнули женщины. — Ведь сказка — это жизнь, а жизнь — это сказка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

очного возраста, и тем более даты рождения Мальчика никто не знал. Так это не беда. Хуже было то, что ни он сам, и никто иной не знали его подлинного имени и фамилии. Правда, попавшего в «колонию», его по-новому нарекли, но это имя к нему не прижилось, и как принято в таких казенных заведениях, заимел он кличку. Просто спросили его: «кто он такой»? Он по-чеченски ответил — «кант». Рядом стояла более взрослая девочка-землячка; она и перевела — мальчик. Так он и стал Мальчиком.

Сказать, что у Мальчика не было детства — не совсем так. В том-то и дело, что детство первоначально как раз у него было счастливым и благодатным.

Его отец, молодой милиционер, был на редкость чадолюбивым горцем. И несмотря на то, что с началом революции зарплату защитникам правопорядка платили все реже и реже, он как-то изыскивал возможность содержать семью, а для единственного ребенка делал все, что мог, и все свободное время проводил с ним, будто знал, что осталось недолго.

В конце 1994 года в Чечне началась жесточайшая война. Многие предусмотрительно разбежались из Грозного. А отец Мальчика, даже не офицер, простой старшина, поддался уговорам убегающего руководства и с долгом стал исполнять обязанности начальника РОВД одного из районов столицы республики.

Видимо, он был человеком ответственным и смелым. По крайней мере он до последнего, как мог, нес службу, и лишь, когда в здание милиции попало несколько ракет, он покинул пост, и то наиважнейшую документацию, кое-какой архив умудрился перевезти домой.

Однако вскоре здесь, в самом центре Грозного, в двух шагах от президентского дворца, разгорелись самые жаркие баталии. Только тогда отец Мальчика понял, что российские войска явились в Чечню не для того, чтобы навести конституционный порядок, а чтобы воевать, как можно дольше воевать. И он осознал, что долг только один: надо спасти семью.

Где-то в последние промерзшие дни декабря, в утренней передышке от артобстрелов, он посадил жену и Мальчика в свою старенькую машину. И успел только мост через Сунжу переехать, как попал под автоматный обстрел: машина как решето, заглохла, и просто чудо — никого не задело, все выскочили из машины. А короткие очереди продолжались. И тогда, защищая семью, отец Мальчика впервые в жизни применил табельное оружие — два автоматных рожка ушли на подавление неизвестного противника.

Продолжить побег из города он не решился. Прижимая к груди сына, подгоняя жену, пешим вернулся к своему дому. А здесь эпицентр событий. Почти все жители центра Грозного покинули столицу, и только несколько русских семей, и то, в основном, пенсио-

неров, остались тут — им некуда и не на что было бежать.

С десятков жильцов дома «Детского мира» около месяца скрывались в подвале здания, ежеминутно ожидая чего угодно.

Это была не жизнь, а сплошной кошмар. От непрекращающихся бомбежек старое дореволюционное здание постоянно трясло, и казалось, вот-вот оно рухнет, заживо погребая всех.

В одном отсеке подвала кое-как оборудовали печь — там спали попеременно, и только Мальчик оттуда не выходил — его оберегали все, он был лучом надежды и радостью. И еды было мало, очень мало, и первая порция — Мальчику. А самое тяжелое было с водой. Каждую ночь отец Мальчика и еще один старичок совершали рискованные рейды до Сунжи. И илистая вода уже пахла не только пороховой горечью, но и, как неотвязно чувствовалось, даже кровью, и ее пили, ее берегли, ею дорожили.

Этот неполный месяц длился бесконечно, и даже руки вымыть воды не хватало. А вот Мальчика, по настоянию стариков, дважды искупали, и не просто так, а с целым ритуалом, и все принимали участие — это было некое торжество, даже радость, а по существу — борьба за жизнь!

В последние дни января 1995 года взрывы в центре Грозного практически прекратились, как миновавший ураган, куда-то удалились. А потом и стрельба пошла на убыль, и стало тихо, совсем страшно. Будто в могиле провели еще день-два, и даже к реке бегать боялись. Однако голод и жажда похлеще страха. Стали к реке ходить — по два-три раза за ночь, а потом и днем.

Затем то одна, то другая старушка на свет Божий повадились выходить. Родной город не узнать: все в

руинах, в грязи, кое-где еще черный дым валит, всюду трупы; воронья, крыс и диких собак — не разогнать. Да, слава Богу, хоть густой снег повалил, будто хотел всю эту дикость скрыть.

Пару дней центр города пустовал, лишь изредка по проспектам, как на параде, медленно колонны бронетехники проползут. А потом то там, то здесь, из подворотен да из подвалов темные, грязные, измученные люди, а точнее тени, появились, и в больших широко раскрытых глазах только страх, ужас, голод, тоска, вопрошание.

А тут после нескольких мрачных дней ненастья неожиданно яркое зимнее солнце выглянуло. Заблестел снег, заискрился, и морозец легкий, так что румянец на щеках заиграл, и не выдержали — первыми, конечно, старушки, — разбрелись по городу: у кого родня, у кого знакомые, у кого еще где жилье на попечении оставлено.

Вечером в подвале «Детского мира» женский плач, и тема разговоров сквозь всхлипы одна: под руинами многих домов люди погребены, а есть дома, откуда крики и стоны до сих пор доносятся. И к военным обращались — бесполезно, они не спасать, а воевать прибыли. А сколько трупов обглоданных, а какой смрад! И почти что к каждому дому и подъезду военные «Камазы» и БТРы подогнаны — солдатики пожитки грузят, офицеры торопят, хлам не берут, в общем война, мародерствуют.

...И все-таки странная штука жизнь; заиграл огонек в печи, закипела похлебка пожирнее прежнего, а ужин разнообразнее стал, всего и не перечислишь. Расплылся позабытый жир по губам и щекам, и улыбки да смешки появились.

— Ой, девчата, а базар-то стоит, будто война мимо прошла.

— Да, а товару сколько!

— А покупатели — одни военные. Деньжищ у них — полные кулаки. Все берут, даже бананы.

— А таксистов видели? Хоть куда увезут.

— Я спросила: а до Ставрополя? Нет проблем — плати.

— А платить-то чем? Сколько лет пенсии не видим!

— На базаре говорят, за все годы компенсации скоро из Москвы выдавать будут.

Дальнейший разговор отец Мальчика не слушал, известие о том, что у базара есть таксисты, возбудил в нем жизнь — семью надо срочно вывозить. На следующее утро он уже договорился с шабашником о маршруте до родного села и уже торговался об оплате, как по плечу его по-свойски ударили.

— Салам алейкум, — сиял улыбкой офицер его РОВД. — А мы тебя уже две недели ищем, даже в село людей послали... Как раз сегодня нас всех собирают на совещание в министерство.

— А что, министерство есть? — удивился отец Мальчика.

— Конечно, здесь рядом, у стадиона «Динамо»... Пошли, пошли быстрее.

— Не могу, не могу, мне семью надо вывезти.

— Да ты что, наоборот, теперь надо сюда всех везти. А нам сразу же внеочередное звание. А оклады какие! Плюс компенсации, плюс полевые, плюс...

И этих плюсов было столько, что отец Мальчика не удержался: семью содержать надо, а у него денег только до села.

На совещании, которое проходило в небольшом зале, где и стоять места не было, присутствовало большое количество прежних работников; с докладом выступил новый министр из Москвы, говорил

по-военному четко, громко, сурово, под конец, как тост, объявил, что скоро в Чечне восторжествует мир, порядок, законность. В тот же день отца Мальчика принял заместитель по кадрам; тоже полковник, тоже не местный, как министр грузный, также обещающий скорую благодать, и в подтверждение этому:

— Мы отправим ваши документы в Москву, через месяц будете офицером — младшим лейтенантом; а летом на учебу в столицу, в академию.

— У меня семья.

— Ну и хорошо, там как раз общежитие для семейных, а сейчас идите в бухгалтерию, пусть Вам сделают перерасчет по оплате за прошедшие годы.

В бухгалтерии отцу Мальчика посчитали такую сумму, что чуть ноги от радости не подкосились. Правда, было одно «но»: наличные деньги поступят в течение месяца. Так месяц не срок, и отец Мальчика окрыленный вернулся к семье и в тот же день, к вечеру, они из подвала перебрались в свою прежнюю двухкомнатную квартиру прямо над магазином «Детский мир».

Стекол в окнах нет, двери вышиблены; грязь, пыль, обвалилась штукатурка, не говоря уже о том, что нет ни электричества, ни воды, ни газа. Так это не беда, лишь бы не бомбили.

За пару дней привели квартиру в состояние, более-менее пригодное для жилья. Окна «застеклили» клеенкой, оборудовали новую входную дверь, поставили дровяную печь, и каждое утро отец Мальчика бегаёт к Сунже за водой, и так, кое-как, жить стало можно.

Правда, компенсацию ни через месяц, ни через два так и не выплатили. Зато текущую зарплату выдавали исправно и она стала гораздо более высо-

кой по сравнению с тем, что было. Однако, если сравнить ее с характером работы, с тем, какой опасной она была, — зарплата была ничтожной. И отец Мальчика не раз стал задумываться, а не оставить ли эту работу, каждый день он ходил по лезвию ножа, уже не раз побывал под огнем. И не то чтобы он чего-то боялся. Он боялся лишь одного — не оставить Мальчика сиротой.

А криминогенная ситуация в Грозном с каждым днем все ухудшалась, и виной тому негласные указы из Москвы. За красивыми фразами — полное бездействие, а порой и пособничество, доходящее до предательства. Началась какая-то скрытая двойная игра, в которой явно прочитывались чей-то денежный интерес и глобальная стратегия геополитики.

На этом фоне в городе появилось много банд; местные, прикрываясь лозунгами независимости и религии, грабили всех подряд, особенно усердствовали против работников нового режима. То же самое делали и военные, устраивая повсеместно так называемые «зачистки», после которых молодежь навсегда исчезала, а вместе с ними и всякие материальные ценности.

Как работник милиции, отец Мальчика понимал, до чего стала опасна жизнь в Грозном. Да вывозить семью теперь было некуда — именно в предгорье, где родовое село, переместилась так называемая «линия фронта», и там бомбят, «зачищают», так что и оттуда куда попало бегут.

У главы семейства оставалась одна надежда: дожить до лета, получить компенсацию — и на учебу в Москву. Но до этого надо протянуть еще два, а может, и три месяца. Отец Мальчика, благо что жена педагог, стал искать место для ее трудоустройства, и повезло. Буквально через проспект Революции и площадь Ленина — Дом пионеров вновь функционирует, там

много кружков, преподаватель национального языка нужен. Мальчик весь день с мамой, заодно и всякие классы посещают. И так получилось, что его первым делом повели в музыкальный класс. А там преподаватель музыки — Афанасьева Анастасия Тихоновна — просто в восторге от Мальчика: «У него абсолютный слух, с лету все хватает, ему бы школу, хорошую школу, чтобы все развить... А вообще-то очень странный, удивительный ребенок, я бы сказала, не простой. Как он прямо в глаза смотрит, будто сверяет, то ли, что и думаем, мы говорим?»

В музыкальном кружке «Дома пионеров» набор инструментов невелик, а фортепьяно вообще стоит просто для декорации: с начала чеченской революции не звучит. Из новых приобретений — гармонь и балалайка, Мальчика они мало привлекают, а вот к скрипке он тянется, полюбил. Но единственная скрипка — это собственность бабушки Афанасьевой, это ее реликвия, посему она сама изредка выдаст что-нибудь такое, завораживающее, но ребенка особо к инструменту не подпускает, со своих рук более объясняет.

То, что Мальчик удивительный, даже одаренный, отец не сомневается (впрочем, как и многие родители), поэтому он помчался на грозненский базар, думая, что там все есть. А есть только то, что необходимо в войну: пища — в открытую, а оружие — в полукрытую. А вот музыкальных инструментов нет, а скрипка — вообще не местного потребления.

Конечно, ради Мальчика за скрипкой можно было бы поехать в соседний регион, за день бы управился, да выходных нет, увольнительных нет, отгулы обещают в будущей жизни. А сама жизнь в Грозном все напряженнее и напряженнее, и не поймешь теперь, кто свой, а кто чужой; если скрытно стреляют,

то все во всех. И одна надежда у отца Мальчика — дождаться середины лета, а там отъезд в Москву, и Мальчик будет в школе, и в музыкальной школе, и лишь бы он был счастлив, остальное перетерпим.

Уже и лето недалече, вот и кой-какие документы у отца Мальчика дополнительно в отделе кадров затребовали. И все бы вроде ничего, так компенсацию никак не выдают, и ему уже и в бухгалтерию ходить то ли стыдно, то ли бессмысленно, как вдруг сами вызвали, и уже под вечер всю сумму выдали, так что целый пакет пешком через весь город нести пришлось.

А Мальчик что такое деньги, не совсем понимает, но за родителей, что сидят на диване и пересчитывают бесчисленные бумажки — миллионы, очень рад. И допоздна в этот вечер не ложились спать, все выгадывали, что купить в первую очередь, что отложить, — на проверку оказалось, что денег-то, вообще говоря, не так уж много, так что даже озадачились; далеко за полночь, вдув керосинку уже в темноте, уложив меж собой Мальчика, родители все еще продолжали высчитывать, как вдруг в подъезде послышались тяжелые шаги.

Словно испуганные волчица и волк, встрепенулись родители. Отец схватил автомат, что всегда держал наготове, мать сильнее прижала спящего ребенка, а в дверь аккуратно постучали, раз-два.

— Мила ву?¹ — передергивая автомат, кинулся к двери отец.

— Проверка, откройте, пожалуйста, — довольно вежливо ответили на русском.

Искра надежды затеплилась у отца Мальчика — все-таки федералы, а не какие-то там бандиты.

— Я старшина милиции, российской милиции. Приходите завтра, у нас ребенок спит. Или я сам куда скажете явлюсь.

— Ну вы откройте, поговорим, проверим.

— Да что там смотреть!? — другой грубый мат, — а ну открывай! — и бешеные удары прикладом, так что Мальчик вскочил.

— Папа, мама! Что случилось? Что?

— Ничего, ничего, — заметался по маленькому жилищу отец.

Крик и удары усилились.

— Мы сейчас прострелим дверь. Открывай.

Последний аргумент и вёский. Держа в одной руке наготове автомат, в другой удостоверение, отец Мальчика открыл дверь. В квартиру ввалилось пять-шесть вооруженных до зубов верзил, столько же ярких фонариков, один луч надолго застыл над удостоверением.

— По-моему, подделка, — уверенный бас.

— Да вы что, я пять лет в органах, сразу же после армии!

— Хорошо, давайте проверим, внизу у нас БТР, там же компьютер... А, кстати, на оружие добро есть? Давайте автомат, не волнуйтесь и не бойтесь.

Отобрав автомат, отца Мальчика грубо пихнули к выходу.

— Папа! — впервые подал голос Мальчик.

¹ Мила ву? (чеченск.) — кто там?

— Ждите меня здесь! Здесь меня ждите! — уже из подъезда крикнул старшина.

Буквально через пару секунд в подъезде началась возня, крик, а потом стон, стон отца.

— Папа! Папа! — хотел было броситься к выходу Мальчик. Его швырнули в постель, к матери, и, ткнув поночим стволком в лоб ребенка, обратились к ней.

→ Все деньги, драгоценности на стол... либо.

Может быть, они узнали пакет? Как только он появился из-под дивана, быстренько сорвали сержки и тонкую цепочку с матери, видимо, для порядку еще поковырялись в скудных вещах.

Остаток ночи мать металась: то кидалась в подъезд, то обратно, то снова в подъезд, в разбитый проем, то обратно в постель к сыну и рыдала громче него. Потом что-то ее осенило, она вроде успокоилась и стала сына утешать, убаюкивать:

— Спи, наш золотой, спи, наш родименький! А на утро и папка наш любименький придет, тебе вот столько сладостей принесет, и даже скрипку!

Проснулся Мальчик на заре, а перед ним мать... и не мать. Строго, даже празднично одета, да лицо не узнать, за ночь осунулось, потемнело, обмякло; под глазами синющие тени, а сами глаза впали, кровью налились, отрешенно-сухи.

— Дорогой, ты проснулся, марша воГийла хьо ...¹
Наш папка еще не пришел. Мне надо за ним пойти, он ждет меня.

— А где он тебя ждет?

От этого вопроса она будто вернулась в реальность, часто заморгала, глаза сузились, увлажнились.

— Даже не знаю... Побегу в комендатуру, потом где он служил.

¹ Марша воГийла хьо (чеченск.) — приходи свободным.

— И я с тобой.

— Тебя братъ боюсь... Боюсь, дорогой! Слышал, как всю ночь стреляли? А в соседнем подъезде всех стариков просто придушили. Все унесли; все иконы, картины, даже старый рояль не поленились... Что они, на нем будут играть? Как в глаза своих детей посмотрят?!

Вновь ее глаза стали отчужденными, широченными.

— Он меня ждет! Мне надо бежать, надо помочь, надо сообщить.

— Возьми меня с собой!

— Дорогой, — теперь ее глаза увлажнились, стали мягче. — Я быстренько, я очень быстро вернусь... А ты пока позавтракай, я чайник разогрела, стол уже накрыла. Не забудь зубки помыть. Никому дверь не открывай... Нет! — вдруг другим, осиплым голосом сказала она, и глаза навывкат. — Я тебя сверху закрою. Так будет надежнее.

— Хоть ты останься со мной!

— Не говори, не говори так, сынок! — щемяще простонала она, бросилась пред ним на колени и, уткнувшись головой в его грудь, словно умоляла: — Ведь я должна ему помочь! Должна!

— И ты знаешь, где он?

Она отпрянула, глаза ее, как прежде, расширились, остекленели, лишь слезы на щеках выдавали скорбь, а взгляд не на него, а сквозь, далеко-далеко, в вечность:

— Знаю, — очень тихим, чужим, утробным голосом выдохнула она, и очень, очень медленно, но твердо ступая, направилась к выходу.

— Ты больше не вернешься?

Будто током прошибло её. В окаменелой позе она развернулась.

— Что?! Как «не вернусь?» Как «не вернусь?», — только на последнем слове появились родные нотки,

и она, будто и сына отнимают, бросилась к нему, до боли обняла и стала целовать, целовать. Но это были уже не те знакомые, материнские поцелуи, за эту ночь ее губы одеревенели, иссохли, и даже изо рта шел утробный, нежизненный запах. — Он меня ждет, он меня ждет, я должна ему помочь, — уперлась она в сына гнетущим взглядом.

— Иди, иди, я буду вас ждать, — глотая слюну, еле вымолвил Мальчик.

— Да-да, мы оба вернемся, — словно этого благословения ждала она бросилась к двери.

Уже снаружи защелкали замки, и вдруг, на полуобороте замерли. Резко крутанулись обратно. Она, буквально вихрем ворвалась, бросилась к сыну, обеими руками схватила его головку, впилась ледящим взглядом, будто всасывая его тепло, потом обняла, больше не целовала, а тяжело дышала, сопела, нюхала, словно втягивая его дух...

Самым несносным для Мальчика был не первый длинный, жаркий день, который он провел в слезах, в мольбах, в вопрошании, а последующая ночь. Обычно в вечерних сумерках в полувоенном Грозном наступает необычайная тишина. И если днем в городе масса гражданских людей, огромные колонны бронетехники, скопление машин и якобы идет восстановление, так что крик Мальчика был бы что писк в турбину, то ночью — полная тишина, и лишь вооруженные бандиты, словно хищные крысы, мечутся во тьме в поисках очередной жертвы. И боясь ночи, он залез в свою кровать, скрючился в клубочек и накрылся не одним, а сразу двумя одеялами, дабы его всхлипов кто ненароком не услышал.

За весь долгий солнечный день квартира, где на окнах сплошь клеенчатые рамы, раскалилась, духота будто в парнике. А под одеялами пот течет ручьем, не

выдержал жары Мальчик и посмел лишь одно — чуть-чуть носик высунуть. Да к счастью, природа взяла свое, вскоре, измотанный, он заснул, и спал, как дети спят. А на утро он проснулся взъерошенный, весь мокрый от пота, от слез, от мочи. Одежда на полу, к ним с краюшка толстая крыса принюхивается, падаль ждет, а на столе, на остатках еды пара мышей забавляется.

Второй день, как и первый, начался с рева и зова родителей. Однако, вскоре это прошло, живот возобладал. Он поел все, что можно было поесть, даже хлеб после мышей. Набравшись сил он стал впервые действовать — бил во входную дверь, надеясь, что кто-то услышит. Устав, он направился в другую сторону — к окну. Да здесь табу — отец с самого детства его учил, что к окну подходить нельзя — выпадет, а еще спички трогать нельзя, а то мог бы он, как ему кажется, и печь затопить.

После обеда, ближе к вечеру, он нашел в шкафу много конфет, печенья, даже варенье. От этого его настроение значительно улучшилось, и его даже потянуло играть в машину. Но это было не долго. К сумеркам он вновь заревел, вновь стучал в дверь, и вновь жара была невыносимая, и он, помня, что к окну подходить нельзя, все же вспомнил, как отец легко резал ножом клеенку.

Свежий воздух как благодать, и он, позабыв обо всем, бросился к окну, а оттуда — шум жизни, шум города.

— Папа, мама! — даже сильнее прежнего кричал он на улицу, но это место ныне на отшибе, люди крайне редко сюда заглядывают, а проезд транспорта и вовсе перекрыт.

Ночь отогнала его от окна, и тут он нарушил еще один запрет — зажег свечу. Но кричать не смел,

залез под одеяло, и только личико наружу, пока свеча на печи полностью не догорела, вглядывался в нее, думая, что из огня родители появятся, а как огонь погас, он не как прежде, а тихо-тихо заснул, поглубже укрылся и только изредка звал: «Папа! Мама! Вы ведь обещали вернуться! Почему не забрали меня?»

Вторая ночь оказалась плачевнее во всех отношениях — он не только вспотел, но и испачкал постель. Это его очень расстроило, ведь его всегда хвалили за аккуратность. Он хотел было навести порядок, даже постирать, в итоге испачкал и ванную, да еще истратил ведро воды. А к этому еще одна напасть: он стал часто бегать в туалет. Вновь ел сладости, и его даже вырвало.

К обеду ему стало совсем плохо, заболел животик, и, несмотря на жару, было очень холодно, ломило мышцы. Совсем тихо, жалостливо скуля, он лег на диван и, корчась на нем, все звал мать и отца. И теперь просил только одного — воды!

Проснулся он ночью от нестерпимой жажды. Кругом гробовая тишина и темнота, и лишь в санузле где вода, что-то изредка копошится, наверняка крыса, и он все не решался туда пойти. А жажда тянет, голова и животик болят, и он уже было встал, как вдруг с улицы послышались шум, крик, выстрел, а потом очередь, взрыв, и еще взрыв, совсем рядом, так что вся комната озарилась. И как начался ни с того ни с сего этот шум, так же и оборвался — и снова тишина, и даже твари разбежались, а он долго ждал, вслушивался, и когда понял, что шорохов вроде нет, осторожно, на ощупь, двинулся в ванную. Долго искал кружку, а потом жадно, с чавканьем пил, эту и без того не свежую, уже пропахшую чем угодно, сунженскую воду.

На следующее утро он проснулся поздно, весь в жиже, а вокруг роится новая живность — жужжат мухи, стены все в комарах. Сам он весь в волдырях и, быть может, и не встал бы, даже открывать глаза тяжело, да рот буквально пересох. Смертельная жажда потянула его в ванную, а там у самого ведра, та огромная крыса с ужасно-длинным хвостом, на задних лапах стоит, уже морду в ведро просунула; увидев Мальчика, соскользнула, не с испугом, а с ленцой отползла, вроде скрылась из виду.

Ступил было Мальчик за порог ванны, уже хотел кружку, упавшую на пол, поднять, как в последний момент, согнувшись, увидел в упор маленькие, наглые хищные глаза. Ему показалось, что тварь уже готова на него броситься, он с криком отчаяния качнулся назад, отпрянул, о порожек споткнулся, полетел в коридор и без того больную головку ударил о стенку. И может, в другое время так бы и полежал, плача и стоная, но на сей раз страх перед мерзостью оказался сильнее. Вглядываясь в ванную, он попытался сесть, а к его ужасу, крыса даже не шелохнулась, а наоборот, чуть двинулась вперед, аппетитно принюхиваясь, и уже на порожек положила лапку, и Мальчик еще потрясенно попятился, до того эта лапка была похожа на человеческую в миниатюре, точь-в-точь такая же, как на эскизах к сказкам в Доме пионеров.

А крыса, нагло водя усиками, сделала еще шаг навстречу, и тут он не выдержал, из последних сил истошно заорал. Крыса исчезла, он бросился в комнату, даже залез на стол. Но это долго продолжаться не могло, его мучила жажда. Видимо, то же самое творилось и с крысой, потому что в ванной вновь начались знакомые шорохи.

И тут Мальчик ожил, что-то в нем всколыхнулось, он хотел пить, он хотел жить, он не хотел усту-

пать последние глотки воды никому. Конечно же, он не знал, но только так в жизни и бывает, это и есть борьба, это конфликт, война за ареал существования, за ограниченный ресурс.

Сойдя со стола, он стал искать орудие атаки и обороны, хотя средств вроде бы было много, он взял швабру — надо придерживаться дистанции.

Он выбрал позицию и приготовился, с упорством в глазах, и выстоял бы немало, да долго стоять не пришлось. Не обращая внимания на Мальчика, крыса шмыгнула, ловко вскочила на ванну, противно царапая отполированную глазурь, быстро пробежалась по узкой боковине, и уже не осторожничая, сразу же встала на задние лапки — и еще бы миг, прыгнула бы в ведро, как Мальчик пошел в атаку. Ведро с подставки шумя опрокинулось в ванну, крыса исчезла, вода утекла, а на дне немало дохлых мух, упавших в то же ведро.

Мальчик был потрясен, он уже не думал о родителях, ни о чем не думал, он хотел только пить.

— Дайте воды! Я хочу пить! Выпустите меня отсюда! — срываясь на писк, он завизжал, стал бить ладошками в дверь, обессилев, бросился к окну, и махая рукой, практически полностью вылез наружу, готовясь сделать шаг к недалекой реке, шума которой из-за городской жизни даже не слышно, как услышал за спиной стук, еще сильнее стук, окрик на чеченском.

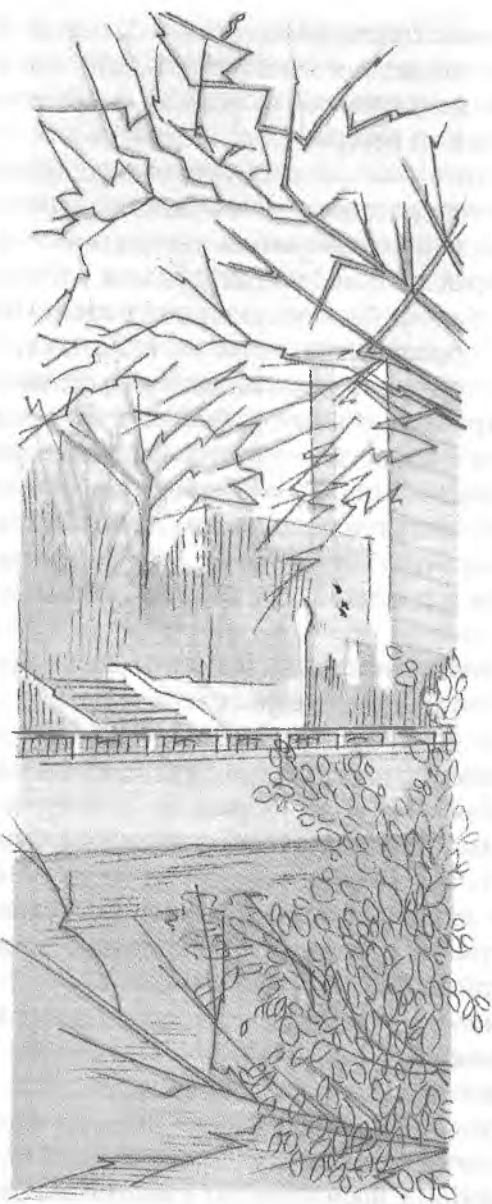
Стрелой он бросился к двери.

— Мальчик, ты здесь? Как ты туда попал? Не шуми! — полушепотом говорили из-за двери.

— Спаси меня, помоги! Я хочу пить! Пить!

— Хорошо, больше не шуми. Потерпи маленько. Как стемнеет, я вернусь.

— Нет! Нет! Спаси меня! Не уходи! Ради бога спашу!

— Хорошо, хорошо, — за дверью голос не менее напряжен. — Только отойди от входа. Подальше отойди.

О дверь что-то ударилось, еще раз, аж пыль и штукатурка посыпалась, но это ничего не изменило. Тогда в ход пошло что-то иное, видимо ноги — дверь не поддавалась.

— Мальчик, слышишь, Мальчик, буду стрелять, в сторонку уйди, спрячься, — теперь за дверью кричат в полный голос.

Мальчик заковылял в маленькую комнату, где они не жили, и только сел на корточки, зажав, как учили, уши, начались выстрелы; хлесткие, одиночные, оглушительные. Потом снова удар и, словно крыша обвалилась пыльная волна.

— Где ты?

Его коснулись грубые, но теплые руки.

— На, пей.

Только тогда Мальчик раскрыл глаза, обеими руками вцепился во фляжку и сунул горлышко сквозь вспухшие, потрескавшиеся, посиневшие губы, так что зубки заскрежетали.

— Не торопись, не торопись, — сдерживал и одновременно успокаивал его молодой, обросший мужчина.

Взахлеб, чуть ли не подавившись, Мальчик почти сходу высосал половину содержимого. Упершись взглядом лишь во фляжку, недолго передохнул, и вновь жадно к ней прилип, и только чуточку не допив, утолившись, он выронил ее из рук и сам, как подкошенный, упал.

— Ой, ой, ой! — все это время сокрушался бородач.

— И кто ж тебя так, дорогой? Кто?.. Ясно кто — война! А ну давай, — взял он ребенка на руки, перенес в обжитую комнату, ища место почище; кроме стола

ничего не нашел, и будто это стол операционный, он бережно положил его и стал скидывать грязную одежду, все время озираясь на дверь, наготове держа автомат.

Потом военный нашел в шкафу чистую простыню, укутал в нее Мальчика, а тот уже в забытьи, стонет, что-то бормочет.

— Дела¹, что я с ним буду делать? — заметался по комнате мужчина, выглянул в окно, потом бегал в подъезд. — Ведь он весь горит! В жару! Его спасать надо! Взяв бережно Мальчика на одну руку и держась стеночки, пошел вверх по лестнице.

— Воды! Воды! — простонал Мальчик, его головка безжизненно болталась на широченном плече.

— Дела, что я делаю? — тут, наверное, впервые бородач внимательно в упор глянул на Мальчика: — Какое создание, просто золотой, $\frac{1}{4}$ и, продолжая словно сам с собой или еще с кем-то, уже строго говорил. — Что я делаю? Ведь он будущее, а я что, не сегодня-завтра труп, в этом доме уже сутки, как в западне. Ну, уложу я еще двоих-троих, ну и что? Им счету нет... А вместе со мной и ребенка могут грохнуть.

Он подошел к разбитому оконному проему, слегка выглянул, потом еще раз, и тогда, чуть отпрянул.

— Эй, вы, идиоты! Слышите меня, недоноски!? У меня еще огромен боезапас, но здесь ребенок, больной!.. Я сдаюсь! Слышите, — он выстрелил в воздух, отчего Мальчик открыл глаза. — До ночи бы я продержался, а там бы — вот вам! Но я сдаюсь, выхожу, со мной ребенок, он очень болен.

Тяжело и часто дыша, читая молитву, бородач медленно стал спускаться. А Мальчик неожиданно

¹ Дела (чеченск.) — Бог.

ощутил какую-то знакомую перемену во всем, и ему почему-то захотелось посмотреть в глаза бородача. Подняв головку, он впился в него взглядом, а на лице густая, черная с сединой щетина, кожа сморщена, выжжена, даже в поры и в глазницы вьелась пыль, пороховая гарь, и лишь глаза горят, широченные, уже отстранены от мира сего, смотрят вроде в никуда, точь-в-точь как в последний раз у матери, и почему-то поняв, что он с этим дядей тоже скоро навсегда расстанется, он прильнул к нему, уложил шейку на крепкое плечо, и тут ощутил запах его тела, запах смерти и войны. И неведомо почему, он дернул его щетину, чтоб услышал, и тихо, на ухо прошептал: «Скажи папе и маме, — я их здесь жду!» Бородач ничего не ответил, правда, словно понимая, кивнул; у самого выхода глубоко, надсадно вздохнул, вяло ступил на улицу.

— Не стреляйте, пока не стреляйте, — он поставил осторожно Мальчика у стены, сам быстро отошел.

— Брось оружие! Ложись! На землю, тварь! — раздалось со всех сторон.

Он бросил автомат, захохотал дрожа, и вдруг, рванул в другую сторону; многочисленные очереди на лету швырнули его к стене, пригвоздили, трясли... но этого Мальчик уже не видел, и даже не слышал, у него подкосились ноги...

Урывками, словно сквозь пелену тумана, помнит Мальчик, как его несли на руках, везли на очень жесткой грязной, а потом мягкой тихой машинах. И где-то он спал в тишине. А проснулся от гула, и все трясло, летало, бросало, и его стало тошнить, стало совсем плохо.

— Проснись, проснись, золотой! — какой-то нежный, грудной голос на русском; гладят его по головке, — ну, пора, пора, просыпайся.

Новый мир, тишина. А перед ним очень доброе, красивое, румяное лицо; ласковые васильково-сияющие искренние глаза; и как и кожа на шее, вся она в белом, и все вокруг в белом, лишь ароматные полевые цветы в вазах пестрят, еще более обновляют вид, наполняя маленькую комнату уютом, теплом и любовью.

Любовь! Так и звали эту красивую молодую женщину, и видимо, все ее любили, все офицеры дарили ей цветы, но, как заметил Мальчик, только у одного, у какого-то молоденького, тоже еще румяньего, она брала цветы с удовольствием, и потом, оставшись одна тайком сладостно нюхала.

— Люба, ну Любовь Николаевна, давайте пойдём в кино, — приглашали ее женщины каждый вечер, а мужчины звали в бар, но она, ласково улыбаясь, всем отказывала, теперь по вечерам у нее появилось другое очень приятное занятие, она купила Мальчику велосипед и все свободное время шло освоение техники: во всем гарнизонном госпитале один ребенок, и все внимание на них.

— А что, похож, даже очень похож, — подтрунивали над ней женщины.

— А может где нагуляла? — полушутя говорили офицеры.

А Любовь Николаевна счастлива, радость свою скрыть не может, часто поглаживает золотистые кудряшки Мальчика, шепчет ему или сама себе:

— Вот, не ждала не гадала, а сын появился... усыновлю. Неужели?! — и она со страхом прикрывала рот, оглядывалась и потом частенько поглядывала на часы, к ночи ее настроение портилось, они шли домой.

Дом — это небольшой кабинет старшей сестры-хозяйки, где теперь вместе с Мальчиком днюет и

ночует Любовь Николаевна. Перед сном они пьют чай со сладостями, обязательно фрукты, в это время каждый вечер смотрят «Спокойной ночи, малыши». Потом она его купает, укладывает спать в кровать и что-нибудь детское читает, со все тускнеющим голосом, часто смотрит на часы и говорит: «Теперь спи, спи, дорогой! Спокойной ночи!» И почти каждую ночь в коридоре слышатся твердые шаги, и, не стучась, дверь дергают, она открывает, Мальчик уже отворачивается и действительно пытается заснуть, а комната наполняется непонятными, не очень хорошими мужскими запахами, и хоть говорить он пытается тихо, а голос командный, грубый, властный.

— Ну подождите, он еще не заснул, — каждый раз слышится печальный голос Любви Николаевны. Они еще пару раз что-то разливают, шелестит фольга. — Не курите, пожалуйста, не курите, ребенок!

— Тогда давай побыстрей.

После этой команды раздвигается диван, тушится свет, вот тогда Мальчик и засыпает.

Иногда он просыпается среди ночи от шума воды, это Любовь Николаевна долго душ принимает. Потом ложится на свой диван и долго ворочается, сопит, и если начала, как обычно, плакать, то вскоре переберется в кроватку к Мальчику, чего он так хочет, и, думая, что он спит, сквозь всхлипы горячо целует, обнимает, что-то заволаживающе говорит.

На утро диван всегда прибран, все блестит, будто и не было ночи, и она будит его, всячески лаская, зовя к завтраку, предрекая праздничный день. Думалось, что так будет всегда, и становилось даже лучше, по ночам никто не приходил, на часы Любовь Николаевна не смотрела, и казалось, еще более расцвела, стала

еще счастливее и красивей. Да это вдруг вмиг оборвалось.

Как-то поутру прибежала Любовь Николаевна вся в слезах, бросилась ничком в кровать, рыдает. Следом женщины:

— Успокойся, Люба. Кобель, он есть кобель.

А еще погода появился пожилой офицер в усах, за ним молодая, высокая, стройная особа, одетая, как в кино.

— Гм, гм! — кашлянул офицер в кулак, еще долго выправлял усы. — Любовь Николаевна, извините, тут дело такое. Приказ есть приказ. Вот новая старшая сестра-хозяйка.

— Это не новая сестра-хозяйка, — вдруг вскочила Любовь Николаевна. — Это новая шлюха, как я.

Молодая особа грубо огрызнулась, чуть не вцепились, их разняли. Все ушли. Появился другой офицер, более молодой, но, как понял Мальчик, тоже из командиров.

— Я десять лет служу, я десять лет мотаюсь по гарнизонам всей страны и мира, — уже более сдержанно говорила Любовь Николаевна, — и неужели я так и не заслужила даже однокомнатной квартиры хоть где-нибудь, хоть на Камчатке!

Офицер тоже что-то говорил, в конце развел руками и ушел. Еще один день Любовь Николаевна не сдавала «позиции», а потом пришел он. Мальчик никогда его не видел, да сразу узнал по шагам в коридоре. Учужала его издалека и Любовь Николаевна, напряглась, насупилась.

— Люба, Любушка, — елеино начал военный. Это был грузный, крепкий, уже в возрасте человек, с очень густыми бровями на смуглом лице.

— Не надо при ребенке, — отстранилась она от его ласк. — Давайте выйдем в коридор.

Вначале слышалось только «бу-бу» мужское и тихое женское, а потом голоса стали выше, и уже все слышно.

— Ну что ты ко мне пристала, что ты ревнуешь, что ты мне, жена, что ли?

— В том то и дело, что не жена. Но вы со слезами на глазах обещали обо мне всю жизнь заботиться. «Дозаботились» — десять лет за собой шлюхой возите. А теперь постарела, другие есть; чтоб избавиться — в Чечню, на фронт. И я рада, я рада вас всех не видеть, но вы мне сколько лет уже квартиру обещаете?

— Это не в моих силах!

— Как не в ваших? — перебила она, — А у вас, как я знаю, на каждого ребенка по квартире, и еще в Москве, в запасе.

— Ну-ну, ты в мои семейные дела не лезь.

— А мне уже тридцать, у меня мать...

— Что-то ты прежде о матери не говорила... Короче, ты еще военная, мы в прифронтовой зоне, на военном положении. Или ты выполняешь приказы, или...

— Александр Вячеславович, Саша, я замуж хочу..

— Ну и пожалуйста, только как медовый месяц — горячую точку — Чечню, потом женись и квартиру получишь.

— Саша!

— Уйди, отстань... Тоже мне, от какого-то «летехи» штечки берет, а может, и «рога» мне наставила...

— Постарела я, постарела, надоела! Сознайся!

— Замолчите! Приказываю!

— Александр Вячеславович, памятью отца. Пожалуйста!

— Не трожь! Отставить! Ты три квартиры прокутила, все курорты объездила.

— У меня ведь ребенок, пощадите!

— Что? Этот!.. А при чем тут ты?.. Два часа на сборы, борт будет в десять нуль-нуль... А с ребенком государство разберется.

Буквально за один день эта женщина резко изменилась, особенно глаза, ставшие из васильковых, задорных — белесо-небесными, большими, думающими о другом.

— Вы моих Папу и Маму увидите, скажите, что я их жду, — вдруг выдал Мальчик, вглядываясь в ее лицо.

— Откуда ты знаешь, что я в Чечню?

Он молчал. Она обняла его, стала целовать, и губы у нее тоже стали жесткими.

— Скажи хоть, как тебя зовут, как твоя фамилия и где тебя я буду искать?

— Я вас сам найду.

— Ты-ы?

Она отстранилась, еще шире стали ее глаза, взгляд далеко уполз.

— Любовь Николаевна — обходной, — в дверях появилась медсестра.

— Да-да, я сейчас, — она встала, двинулась к двери, обернулась, — я вернусь, прощаюсь.

Больше он ее не увидел. Через пару минут пришел какой-то офицер, не дал забрать даже велосипед, взял его за ручку и повел через весь плац в другой корпус, там он попал «под заботу государства».

Эту ночь его никто не кормил, спал он на нарах под шинелью. А на следующее утро тот же офицер его куда-то отвез, и там были люди в форме, как у его отца, — милиционеры, они тоже его весь день не кормили, а все допытывали, как зовут, чей, откуда и прочее. Потом много раз фотографировали, даже пальчики чернилами мазали. А он все плакал, сопел, просил пить, к вечеру его накормили, посадили в

поезд с толстой тетенькой, которая раньше него храпеть стала. И через день он попал к детям, таким худым, исподлобья странно глядящим. Это был «Детский дом», но почему-то сами дети называли это место «колонией».

Мальчика сразу же обрили налысо, переодели в грубую, мрачноватую одежонку, и стал он как все дети — худым, головастым, напряженным, и лишь глаза, эти голубые вдумчивые глаза, стали казаться еще больше, еще печальней, еще загадочней.

Здесь тоже первый день начался с анкеты, и, думая, что Мальчик не понимает языка, а может, и повсе скрытничает, на девичьей стороне нашли переводчицу, долговязую, рыжеватую девчонку, лет десяти, которую по-местному называли Зоя. Именно благодаря Зое появилось имя Мальчик, так и пошло; до выяснения данных — без дисциплин, без чего-либо еще. И кровать ему выделили самую старую, перекошенную, в сыром углу. А на ужине старшие ребята хлеб отобрали, перед сном туалет заставили мыть.

Вот чего Мальчик не мог и не хотел, он хотел спать. В эту первую ночь его сильно били. Он плакал, орал, а его еще пуще били. Вдруг в полумраке коридора все разбежались, а перед ним длинная, худющая воспитательница в очках.

— Это кто здесь вой на всю округу поднял?

Она с силой схватила ухо Мальчика, скрутила, приподняла и швырнула в угол:

— Чтоб до утра стоял! И не пищи, звереныш!

Она ушла в свой кабинет, потушила свет.

Мальчик уже долго стоял, все еще всхлипывал, устал, сильно хотелось спать, и в это время к нему подошел ровесник:

— Меня Дима зовут. Давай дружить, — он погладил Мальчика по руке, — а плакать здесь нельзя. Осо-

бенно в смену Очкастой. Но ты стой, она скоро выйдет, и если еще будешь стоять, она тебя спать отпустит.

Может, Очкастая и вышла скоро, но Мальчик уже спал, скрючившись калачиком на полу. Гнев воспитательницы был безмерным, еще пару раз полусонный он стучался о стенку, так что не только ухо, но все тело заныло. Завыл он: тихо, очень тихо, и звал в тоске Папу и Маму. Родители не пришли, пришел тот же Дима:

– Пошли, иди спать, больше она до утра не выйдет. А утром тебя и не вспомнит, домой убежит.

В следующие два дня были другие воспитательницы, очень добрые, внимательные, и в обиду никого не давали. Так что Мальчик чуточку ожил, даже в компьютер дали поиграть, а это такое чудо! Все горе позабудешь! Да эта печальная идиллия длилась недолго. Прямо по телевизору стали показывать другую игру – боевик, где чеченские террористы какую-то больницу с заложниками захватывают.

Тут не до компьютера, дети вслед за политиками выдумывают свою игру, и разумеется, что все детдомовцы – кавказцы становятся «террористами», а остальные – «российский спецназ». Понятное дело, Мальчик в малочисленном лагере «террористов», и чтоб игра носила ярко выраженный характер, на лице Мальчика прямо черным фломастером рисуются борода и даже очки. Несмотря на то, что в телевизоре итог иной, а здесь, как положено, «террористов захватывают и бьют, бьют жестоко, похлеще, чем в первую ночь, с применением спецсредств, благо что в эту ночь дежурит Очкастая, а она аж в восторге от игры: «Хоть здесь подрастает смена!»

На следующий день всех детдомовцев ведут в город, в цирк. Вывели за территорию, построили в два

ряда, как положено — вперемешку с девчонками, ждут автобус. Зоя Мальчика с первого дня всего раз видела. Она подошла к нему, отвела чуть в сторону и на чеченском:

— Кто это тебя так? Что с тобой?

В это время подошел самый старший из подростков, по кличке Витан, и сходу влепил Мальчику ногой, как здесь говорят, увесистый «подсрачник».

— А-а-а! — завизжала Зоя, и дикой кошкой, ногтями вцепилась в лицо обидчика.

Они повалились, катались по асфальту и трое воспитательниц еще долго не могли девчонку оторвать. Витан в цирк так и не поехал, все лицо в крови. А в тот же вечер, неизвестно как, явилась та же Зоя с двумя рослыми подругами в мальчиковую часть.

— Кто еще моего брата Мальчика пальцем тронет... — и она продемонстрировала что-то блестящее металлическое в руках.

С тех пор Мальчика не только не били, даже обходили. Но жизнь от этого краше не стала, и он нередко, уединившись, потихоньку скулил, слезу пускал, сильно похудел, а в глазах тоска, печаль, страх перед жизнью.

— Ты не плачь, не плачь, — иногда успокаивал его друг Дима. — Скоро все может измениться. Ты видел, нам уже примеряли новые сорочки и шортики. Это значит, появятся покупатели. Нас покупать будут. Мы можем уехать в прекрасные страны. Там иной мир. В том году моего друга Андрея купили, так он фотки прислал — класс, такого даже в кино не бывает.

— А где этот «иной мил»? — оживился Мальчик.

— Ночью покажу.

Как ни странно, в этом заведении Мальчик только ночи и ждал. Это было время, когда забывалось чувство вечного голода, человеческого безразличия и

даже вражды, и снились сны, такие теплые, красочные, после которых серость пробуждения становилась угрюмой.

Однако в эту ночь Мальчик упорно не закрывал глаза, он страстно хотел увидеть «иной», нежели этот мир. И тем не менее, как он ни крепился, а ночь свое взяла, и если бы не Дима, так бы и проспал.

– Т-с-с-с! Не шуми, Очкастая только заснула... Тихо иди за мной.

Пригибаясь, будто за ними следят, они быстро миновали полумрак, где в разноразной сопели дети; кто-то во в сне говорил, кто-то стонал. Потом был сырой коридор, здесь санузел, а напротив кабинеты, в них ночует Очкастая, и даже полный мрак, когда Мальчик совсем испугался и чуть ли не крикнул «Дима!» Но Дима настоящий друг, он вернулся, взял за руку и повел за собой, так как знал здесь все даже во мраке.

А вообще-то Дима был удивительный ребенок, он выделялся из всех, лучше всех учился, все знал, особенно компьютер, и даже в ночи, на ощупь нашел нужный кабинет. От яркого света заслезилась глаза.

– Это кабинет истории и географии у старшеклассников, но я здесь часто бываю, – полупшепотом объяснял Дима. – Вот смотри, это карта мира... Вот Европа, вот Америка, а это Канада. На худой конец, есть и Австралия, вот внизу. Это и есть иной мир, где люди живут... А мой друг Андрей вот здесь, видишь сапог – Италия. Страна не самая лучшая, – и то как в раю, – чуть ли не задыхаясь от зачарованности, продолжал Дима. – Так что делай, как все, и может, повезет, нас увезут в сказочный мир, и у нас появятся новые папа и мама.

– Как это «новые»? – во весь свой басистый голос возмутился Мальчик.

— Так у нас ведь теперь нет родителей, а есть шанс...

— Как это «нет»? — перебил Мальчик, — у меня есть Папа и Мама, и они обещали велнуться, и уже, навелное, ждуд.

— Где ждуд? Какой ты глудый, — уже в полный голос разошелся и Дима. — Мы с тобой сироты, понимаешь, круглые сироты, у нас никого нет.

— Есь! Есь! Есь! — заорал Мальчик со слезами на глазах.

— Тихо! Не кричи! — ткнул его Дима. — Слушай, ты будто маленький... Вот видишь, это наша страна, такая огромная, красная...

— А почему класная? — всхлипывая перебил Мальчик.

— Красная? Не знаю. Ну, так слушай. Мы сейчас вот здесь — это Волгоград. А я жил в Краснодаре, и были у меня красивые и добрые родители. Так они в аварии вместе погибли. Еще в Краснодаре у меня есть бабушка, но она тяжело больна, вот я и попал сюда, в лучший детдом, в нашу колонию. А ты вот отсюда, из Грозного.

— Отсюда?! — впритык подошел Мальчик к карте и даже бережно погладил это место. — Как близко... И зачем нам в ту даль, в иной мир ехать, если мой дом так рядом!

Его влажные глаза расширились, заблестели, и чуть ли не улыбаясь, словно задыхаясь от счастья, он взял за руку Диму.

— Ты знаешь, как у нас класиво! Вот там такой сладкий, сказочный «Детский мил», и все есь, и даже Папа и Мама. И они станут и твоими Папой и Мамой, и ты будешь мой блат, мой лодной блат!

Улыбаясь во всю ширь, он хотел было обнять Диму, но друг, опечаленно глядя, отстранился:

— Ты глуп, ты ничего не понимаешь, жизни не знаешь, а веришь в свои сказки... Там война. Там люди друг друга убивают, и твоих родителей убили, а твой «Детский мир», о котором ты вечно говоришь, — сказка!

— Не сказка, это правда! — насупился Мальчик, и глубоко вдыхая еще что-то, хотел сказать, да Дима вскинул руками, и они услышали шум в коридоре, который до ужаса напомнил Мальчику крысиный.

Скрежаще-противно скрипнула дверь, настужь распахнулась, и в проеме на мгновение застыла Очкастая, будто приносившаяся, вздувая ноздри.

— Что это такое? — завизжала на все здание она, так что стекла задрожали.

Ближним к ней оказался Дима, и он что-то хотел было объяснить, да от неожиданного удара первым полетел под парты и застонал. А Мальчик уже был не единожды бит, и он обеими руками закрыл умело свою несчастную головку, чуть присел, выжидая сгруппировался, от удара уклонился, только вскользь; да делая вид, что влетело, тоже покатился под спасательные парты.

Дима тихо заныл, из его рассеченного лба щедро сочилась кровь, видимо, поэтому их в угол не поставили.

А Мальчик из-под парты еще посмотрел на карту, в тоске выискивая Грозный и сказку «Детский мир», потом, с болью глядя на окровавленное лицо друга, даже брата, теперь понял, почему их мир разукрашен в красный цвет.

На следующее утро был не завтрак, а пир, и ходила по столовой какая-то высокая, красивая женщина, от которой исходили всякие ароматы.

— А это что такое?! Я спрашиваю, что это такое? — остановилась она около Димы, и еще долго властно

кричала, непонятно, то ли на детей, то ли на воспитательниц.

— Хозяйка в гневе, — шептались дети, и когда выяснилось, что Диму в таком виде на просмотр не пускают, Мальчик определил, что это директор — Хозяйка.

После завтрака, под внимательным присмотром всех воспитательниц, дети стали переодеваться в новую, красивую одежду, и только Дима забился в дальний угол и безутешно надрывно выл. Мальчик пытался его успокоить, но Дима отпихивался, еще громче, еще тоскливее рыдал.

А когда всех уже стали строить, с изменившимся, пунцовым лицом Дима подбежал к Мальчику, и резко дергая за руку, заикаясь, полусшепотом страстно зашептал:

— Хоть ты сумей. Улыбайся, прошу тебя, улыбайся там... Ведь ты не забудешь меня? Когда-нибудь заберешь с собой в тот иной мир.

Строем их провели в актовъй зал, где уже сидели девочки, а на первых рядах Хозяйка и несколько незнакомых взрослых людей, которые даже внешне не походили на работниц детдома.

Оказывается, к этому празднику задолго готовились. Дети со сцены читали стихи, пели песни, танцевали. Мальчик — новенький и здесь не задействован, и только в самом конце, когда был общий хоровод, его тоже послали на сцену. А потом выстроили всех в ряд. И непонятные гости все ходили меж них, со всех сторон разглядывали, на непонятном языке быстро тараторили.

А Мальчик, выполняя наказ Димы, все время пытался улыбаться, однако, когда эти люди надолго и окончательно остановились около него, улыбка исчезла, и он с ужасом смотрел на эту худую, длин-

нолицую даму в очках, и на лысого краснощекого толстяка, которые в «ином» мире станут его родителями. И от этого ему стало так больно, так нехорошо, что он заревел. Но это уже ничего не решало. Выбор был сделан, «повезло» ему одному и еще двум девочкам.

А потом был невиданный доселе обед, на котором все дети, даже Дима, отчужденно исподлобья поглядывали на Мальчика.

После обеда тихий час, но Мальчика увели, и в большом красивом кабинете, где в высоком кресле восседала Хозяйка, те же люди из иного мира закружились вокруг Мальчика. Один из этих людей, видимо, был доктором. По крайней мере, все время мило улыбаясь, что-то непонятное говоря, он деликатно раздел Мальчика догола.

— Говорят, что обрезан! — вдруг на русском чуть ли не вскричал какой-то молодой человек, которого Мальчик до этого и не заметил.

— Боже! — взмолилась Хозяйка и даже привстала.

— Ничего, ничего, они даже рады, — с иным настроением продолжил тот же молодой голос.

В это время доктор заглядывал в рот, в уши, в глаза и даже в попку. Потом водил каким-то холодным прибором по животику и спине.

— Довольны, они очень довольны! — нервно пожимает руки молодой человек.

— Что-то очень привередливыми стали, — холодно Хозяйка.

— Кормить, кормить лучше надо, — голос молодой, — а то все серые, будто туберкулезники.

— Чем кормить?! Что государство выделяет, то и даем, а что выделяет, сам знаешь.

— Да-а, не от ласковой жизни весь этот бизнес.

— Какой бизнес! — вскочила Хозяйка. — Раньше по пять, даже по десять брали.

— А этот мальчик, видать, новенький, еще цвета не потерял.

— Да, новенький.

— Тихо!.. Нам повезло. Говорят, просто «породист». И даже картавит, как в их родословной. Эти американцы — миллионеры, хорошо поторгуюсь, что и десятерых отвалят.

В это время между «иными» людьми, их трое, начался очень громкий эмоциональный разговор со смехом, во время которого больше всех говорила длинносица, скуластая женщина. Именно она, став на корточки, мило улыбаясь, стала сама, очень неумело и неуклюже одевать Мальчика, будто он сам не умеет, а краснощекий толстяк все ей прислушивал, тоже мило улыбаясь, что то непонятное, глядя в лицо Мальчика, говоря, и в конце оба его в щечки, еще очень сухо, но уже с лаской поцеловали.

Далее — совсем неожиданное. Лично Хозяйка за ручку выводит Мальчика за высокие стены колонии, и на очень красивой машине везут его куда-то, а там красочный магазин — вот это «Детский мир», и ему «иные» люди покупают новую одежду, потом ведут к игрушкам, — он молчит, и они сами покупают множество всего, даже не запомнил.

Следом они подъехали к какому-то высокому зданию, и здесь все перед ними кланяются, двери раскрывают, и какая-то космическая кабина мчит их наверх, а там, не комнаты, а залы, и такая роскошь, как в кино. И здесь не «иные люди», а многочисленная прислуга вновь раздевает Мальчика, его отводят в огромную ванную, и очень долго отмывают в разных шипучих, сладко пахнущих пенах. После ванны его

не могут одеть — уже куплено столько нарядов, что все выбирают, что же надеть вначале.

И вновь они в кабине, только теперь она плавно пошла вниз, а там их ожидают Хозяйка и тот услужливый, на всех языках говорящий молодой человек. А потом был огромный зал, такой же стол, и еда, очень сладкая еда. И есть он хочет, очень хочет, особенно глаза, да в рот ничего не лезет, что-то распирает изнутри, а с обеих сторон сидят эти «иные» тетя и дядя и все больше и больше гладят его, и все целуют, целуют, аж всего обслюнявили, так что он от этих неожиданных ласк и внимания так устал, что тут же в объятиях то ли заснул, то ли отключился. И попадает он воочию в какую-то странную реальность. Он в родном «Детском мире», и этот мир совсем не сказочный и красочный, а весь разбит, грязен, сер и угрюм, и слышится вой бомб. Зато вдалеке, уже осязаемо, уже наяву, все более и более приближаясь, — пестрый, красочный, сказочный мир, правда, люди там иные, не родные, хоть и улыбаются... А раскрыл он глаза — уже на руках краснощекого, и, действительно, рядом его пухлая, цветущая щека, а хоть и спросонья заглянул Мальчик в его глаза, ничего не видно — очки стеклянные.

В тех же залах та же прислуга вновь облачила Мальчика в лучшие одежды детдома; попал он в теплые объятия Хозяйки, в машине заснул, а когда разбудили — мрак колонии. И прижимая к своим пышным бедрам, Хозяйка опять отвела его в мальчиковую казарму, все уже спали, и она помогла ему тоже лечь, погладила по головке и приказала:

— Смотрите за ним, — самой доброй воспитательнице.

Больше Мальчик ничего не помнил, он очень устал, он хотел только спать... И вновь это странное

видение: он в родном разбитом, грязном «Детском мире», а совсем рядом, недалеко — «иной» сказочный мир. И он не знает, как быть, что делать? Но тут оставаться страшно, он уже слышит, он явственно чувствует, будто не одна, а множество крыс подкрадываются к нему и уже не только принохиваются, а трогают, даже начинают кусать его ноги и руки, и он хочет вскочить, хочет бежать в тот «иной» мир, и с трудом, с усилием, но делает порыв, шаг, другой, и вот он «иной» красочный, сказочный мир. И вдруг в честь него салют, огни, огни, так что все, даже под ногами, меж руками загорелось. Он вскочил, истошно крича, побежал по казарме, бился о кровати, табуретки, тумбочки, а огонь все горит, все жарит его. Наконец, включился свет, он попал в объятия воспитательницы; все детдомовцы спят, не шелохнутся, и только Дима рядом, с перевязанной головой, и он, увидев обожженные руки и ноги Мальчика, заорал:

— Сволочи, гады! Вы будете вечно жить в этом мире, в этой красной стране, меж этих огней и крови.

А воспитательница на руках отнесла плачущего Мальчика в свой кабинет, уложила в свою кровать, стала спешно звонить. Вскоре появился очень высокий мужчина в белом халате.

— Да, детская жестокость порой похлеще взрослой, — констатировал он, бегло осматривая конечности Мальчика. — «Двойной велосипед» — это когда меж пальцев рук и ног вставляются множество головок спичек и одновременно зажигаются... Обычно это применяют в тюрьмах, реже в армии. Но здесь, среди детей? И откуда им это ведомо?

— Колония, — тихо прошептала воспитательница.

— Ему нужно стационарное лечение, наверняка и оперативное вмешательство. Нежная кожа очень уязвима.

— Так отсюда вывозить детей нельзя.

— Хм, только по решению суда продавать? — ухмыльнулся мужчина.

— Да, -тихий голос воспитательницы. — Как раз сегодня были смотрины.

— Я в курсе.

— Как раз его одного и выбрали.

— А-а, вот в чем дело, даже дети ревнуют, завидуют... Дожили, все хотят отсюда уехать... Но ребенка надо лечить основательно, ведь когда вам надо, вы просите разместить ваших детей в нашей санчасти.

— Да-да, конечно... Но я должна сообщить директору. Даже боюсь позвонить. Что будет!?

— Ради Бога, пока не звоните, — настоял врач. — Мы сейчас перевезем пострадавшего, а потом звоните своей Хозяйке.

Вскоре появились носилки на колесах. Мальчика закутали в одеяло. Вынесли во двор, долго везли сквозь темный лес, потом калитка, снова лес, новое здание, запах лекарств. Ему сделали укол, и не один. Он плакал, и пока обрабатывали ручки и ножки, он так и заснул со слезами на глазах.

А на следующий день, видать уже ближе к обеду, он проснулся от шума; доктор и Хозяйка о чем-то громко, эмоционально спорили.

— Видите, вы разбудили больного. Покиньте нашу санчасть, сюда вход посторонним воспрещен, — на очень повышенных тонах напирал мужчина.

Испугавшись директора, Мальчик зажмурил глаза, сделал вид, что вновь спит, и вскоре наступила тишина, а он еще долго не раскрывал глаза, пока кто-то осторожно не потербил его по плечу.

— Просыпайся, — очень ласково лицо доктора. — Мы пригласили главного специалиста области по ожогам. Да и кушать пора.

При обработке ран было больно. Зато потом его кормили с рук, и как кормили, почти всем миром: шесть бабушек, которые лежали с ним в палате. И может быть, Мальчик этого еще и не понимал, оказывается, одна лесопарковая зона была поделена забором на две части: на одной — детский дом, на другой — дом для престарелых, где Мальчик себя чувствовал очень хорошо, если бы не споры самих бабулек относительно его судьбы. Одни утверждали, что ребенку гораздо лучше уехать в Америку, другие рьяно это отвергали. И как продолжение этого, через пару дней явились все, в том числе и «иные» люди, правда, теперь они не улыбались, а были очень озабоченные, но к Мальчику не прикасались.

— У нас решение суда, и этот ребенок их, — со взбухшими на шее венами напирала Хозяйка.

— Знаю я ваш суд, самый «гуманный в мире»! — со злобностью кричал доктор. — Всю страну продали, теперь и за детей взялись, генофонд! Под корень рубите! Вон! Вон из моей санчасти, с нашей территории!

— Вон! Вон! — теперь уже дружно поддержали и больные бабушки.

После этого еще день-два была тишина. А Мальчик уже пошел на поправку. И хотя ходить ему еще не разрешалось, но на постели прыгал он как хотел, и уже скучно стало ему среди бабулек, хоть в колонию возвращайся. И если днем еще терпимо, то вечером все бабульки куда-то гурьбой уходят, и такая тоска, аж жуть, к тому же из коридора доносится почти каждый вечер какая-то до боли знакомая, щемящая сердце мелодия. И он уже не первый вечер к ней прислушивается и почему-то непременно свой

город, свой «Детский мир» и своих родителей со слезами вспоминает. А на сей раз мелодия до того значимая, тянущая прямо за душу, что он не стерпел, хоть и строго запрещено, сполз с кровати и буквально на четвереньках, пополз из палаты. А там дощатый коридор, с картинами на стенах и более просторный холл, где сидят престарелые люди, и что он видит?! На небольшой сцене пожилая женщина со скрипкой.

— Учитал! Бабушка Учитал! — изо всех сил закричал он.

Этот вечер, пока он не заснул, она сидела с ним. И утром, когда он проснулся — она, улыбаясь, рядом. И как ему радостно, хорошо, как давно-давно не бывало. А еще через пару дней ему уже разрешили не только встать, но даже и обувь надевать. И все вроде бы хорошо, да вновь скандал, только Мальчик этого уже не видел. Где-то на подступах к дому престарелых штурм, с судебным приставом и с милицией. Все бабушки и дедушки стали стеной; «инородцев» в свой дом не пустили.

И в тот же день, уже к вечеру, у кровати Мальчика расширенный «консилиум» — здесь почти что все сотрудники и обитатели дома престарелых, и все смотрят на Мальчика.

— Ты как хочешь, — наконец тихо у него спрашивает доктор, — туда, где «благодать», или еще как?

— Учитал! Учитал! — прильнул Мальчик к бабушке. — Домой хочу, домой! Там, где «Детский мил», где Вы меня учили.

— Там ведь война.

— Там уже ждут меня мои Папа и Мама. Там «Детский мил» и там мой дом.

— Мой дом тоже там, — тихо прошептала бабушка Учитал.

— Да, да, наш дом там, — жалобно сказал Мальчик, схватил сморщенную руку бабушки и неожиданно поцеловал.

В тот же вечер доктор привез для Мальчика новую теплую одежду, обувь и уже ночью он же их отвез на вокзал. Ехали на поезде, потом на другом, и на автобусах. И оказалось, что это не так близко, как на карте виделось. И тем не менее, через двое суток, тоже к вечеру, они добрались до Грозного. И этот город был не сказочный и словно не родной. Все разрушено, грязь, мусор, людей мало — и те какие-то хмурые, настороженные, прибитые. Осень в разгаре, идет мелкий дождь, а они — бабушка с рюкзаком на спине, с футляром для скрипки в одной руке, другой держит Мальчика; все стоят на так называемом вокзале и не могут ничего понять, будто в чужом городе, и все здесь действительно иное.

Лишь надвигающаяся страшная ночь заставила бабушку тронуться. Кругом мрак, блокпосты, хмурые люди с оружием, а улиц не узнать, еле-еле по памяти. И все же до Первомайской они дошли. Дом бабушки полностью разрушен, и соседние тоже, и во всех разбитых окнах мрак, ужас.

— Пойдемте ко мне, — почему-то не унывает Мальчик, — там меня ждут Мама и Папа.

Выбора не было. Уже в густых сумерках они тронулись в сторону Сунжи. Здесь та же картина, «Детского мира» давно нет, и уже Мальчик в темноте шепчет бабушку.

— Вот наш дом, — они вошли в сырую, темную, проливаемую арку. — А вот наш подъезд, — будто по интуиции ориентируется Мальчик.

А подъезд хоть и разбит, да кое-как ухожен, и видно — здесь ходят, и даже веет жилищем, теплом. Из-за прятки Мальчика, чуть ли не бегом взойшли на второй

этаж. У закрытой металлической двери мокрая тряпочка, свежие следы.

— Папа, Мама! Я велнулся! Откройте, — застучал Мальчик.

Дверь открылась.

— Тетя Ложа? — удивился ребенок.

— КІант, дашо КІант¹, — женщина села на колени, обняла Мальчика, дрожа тихо заплакала.

¹ КІант, дашо кІант (чеченс.) — Мальчик, золотой Мальчик (сын, ребенок, молодец).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

альчику она приходилась тетей — двоюродной сестрой его матери. По-настоящему звали ее Марха¹. Видать кто-то из предков решил, что она чересчур чернява или еще как. Правда, это имя с ней не прижилось и еще, где-то в начальных классах, ее стали почему-то называть Розой, так и пошло с тех пор — двойное имя, что нередко у чеченцев встречается — по документам Шааева Марха, а в жизни просто Роза.

Сказать, что от смены имени жизнь ее стала цвети, — невозможно. Скорее ее судьбе соответствовало настоящее имя, и не облако, а скорее сумрачная туча.

Ее отец, из-за депортации не образованный, занимался отходничеством, словом, шабашничал где-то в Сибири, дома появлялся только в зимние месяцы, приядно пил, и когда Розе было лет десять, он умер. А Роза, старшая, — еще два брата, — с детства, как могла, помогала матери. Окончив лишь восьмилетку, она устроилась на курсы швей-мотористки, потом более пяти лет занималась нудной, пыльной работой на трикотажной фабрике, и лишь когда самый младший

¹ Марха (чеченск.) — облако, туча.

брат окончил школу, она, как сама считала — уже в солидном возрасте, шел двадцатый год, — наполовину осуществила свою мечту, поступила если не в медицинститут, то хотя бы в медучилище. И отучилась только год, как ей вдруг сделали предложение.

Ни с того ни с сего, а как-то вечером старики пришли, оказались сваты. А сам молодой человек только раз показался. Да и что ему показываться, ухаживать, совсем рядом, в одном из пригородов Грозного живет. Так она его — Туаева Гуту, как «рыжего Гуту», с самого детства знает.

И кто бы мог подумать, что судьба так распорядится. Вроде совсем незаметный был парень, лет на пять старше нее, а в последнее время так раскрутился, что только о нем во всей округе говорят. Ныне рыжий Гута заготовителем шерсти где-то в Калмыкии работает, раз в месяц в Грозном показывается, и каждый раз у него новая машина. И братьям двум машины купил, и дом огромный строит, и вообще, совсем по-иному Туаевы жить и выглядеть стали.

Конечно, все это хорошо, и мать Розы и вся родня согласие дали, да и как иначе, вроде все нормально. Однако сама Роза, может для порядку, хотя до этого особых предложений и не поступало, взяла некоторый тайм-аут, стала все взвешивать.

Минусы есть. Рыжий, синеглазый — такие ей не нравились, но, ей — Богу, и признаться грешно, а иным отныне она мужчину и не представляет, ведь надо как-то разбавить ее «загар». Не образован, или малообразован, хотя говорят, что есть у него «корочка» какого-то грозненского техникума, и якобы, по специальности — бухгалтер-экономист. Так диплом о высшем образовании сейчас не проблема, лишь бы деньги были, а они у него есть. Главное, что Гута уже определился в жизни, свой хлеб имеет, а не как иные

и штопаных штанах ходят. Словом, эти минусы в плюсы превратились. Да минус есть, и еще какой. Роза ревнива, очень ревнива, а ее жених уже был женат, и знает она ту девушку, правда, недолго они вместе жили и детей не заимели. В общем, согласна, к тому же Гуаевы чуть ли не клятвенно заверили — учится Роза, и дальше будет, им в доме свой медработник весьма кстати.

Свадьба была просто роскошной, настоящий пир, и не один день. И подарков ей надарили — мечта: теперь она в золоте, а наряды!

Сам жених больше всех рад. По крайней мере целую неделю, как говорится, «не просыхал», а потом дела, и он уехал ненадолго в Калмыкию, а ее не взял, и это уже нехороший подарок. А следом — медработники Гуаевым не нужны — все здоровы, и она стала просто домработницей, к которой раз в месяц наезжал муж. А ее муж, что дома, что в округе чуть ли не полубог. Полчаса — час посидит с родными, поговорит, главное — деньги для всех выложит, и тут как тут и друзья его уже возле дома околачиваются, гулять начинают, где-то у речки уже шашлыки пережариваются, музыканты разогреваются, наверняка и иные соблазны есть. В общем, в лучшем случае под утро ее муж к ней пьяный является, и ему уже не до жены, спит. Еще сутки, когда двое, от гульбы отходит, и как только может сесть за руль, даже по-человечески с женой не поговорив, не попрощавшись, уезжает, а все в округе твердят — как Розе повезло, на все готовое пришла, и дом новый строится.

Действительно, Гута по соседству хороший участок купил, дом строит, и теперь Розе приходится еще тяжелее, ведь и строителей кормить надо, а она уже в положении, да разве это оправдание — для ее потомства фундамент, да немалый, закладывается.

Где-то через год после замужества Роза родила девочку; маленькую, синеглазую, рыжую — в отца. Ребенок был болезненный, все время плакал, а отец лишь мельком пару раз на дочь глянул, — на лице недовольная гримаса, мол, нам мальчиков, да здоровых надо. И до этого Гута холоден был с женой, а теперь и вовсе отстранился, даже спит в другой комнате — плач ребенка ему храпеть не дает.

А далее стало еще хуже, и если раньше Гута хотя бы раз в месяц появлялся, то со временем и через полтора, два, а потом и три. У Розы дочь, какая-никакая, а семья, и ребенку и питание и одежду и лекарства купить надо, — денег у нее нет, хоть и видится внешнее благополучие.

Оправдываясь перед родственниками, что ей нужны деньги, хотя дело совсем в ином, — она ревновала, — Роза, как давно замышляла, попросила денег у родного брата, на иждивении которого она в последнее время жила, и впервые в жизни выехала за пределы Грозного, аж до Калмыкии, благо адрес мужа она уже давно выписала.

Лето на исходе — пыль, жара. Небольшое село в бескрайней степи. Здесь дома не такие, как в Чечено-Ингушетии, — небольшие, в основном саманные. Да дом мужа поприличнее остальных; во дворе пара разбитых машин, под навесом мешки с шерстью, сыромятные шкуры, запах, мухи и какая-то женщина, никак не моложе нее, весьма упитанная, если не сказать толстая. Подспудно о наличии этой женщины Роза давно догадывалась, и боялась, что не сдержится от ревности при встрече. А теперь на нее она даже не смотрит — мальчишка, уже не маленький — лет пяти-шести, возится возле велосипеда — просто копия Гуты.

Может быть, и не следовало, да сами ноги повели Розу во двор, и она машинально спросила Гуту, и без приглашения села — сил не осталось.

Хозяйка вначале опешила, долго руками стирала густой пот, хлынувший со лба. Потом вроде пришла в себя, даже холодный компот для гостыи принесла, и будто диалог меж ними уже давно шел:

— Меня зовут Оксана. Гута если и приедет, то очень поздно... А я тебя давно знаю, фотографию свадьбы «доброжелатели» подкинули. Однако я законная жена, — она демонстративно показала свидетельство о браке — и как видишь, раньше тебя устроилась, — то ли с усмешкой, то ли с сожалением продолжила она, кивнув в сторону мальчика.

— Эта писулька со звездой безбожников и идолопоклонников не делает ваш брак законным, — сквозь зубы тихо выдавила Роза. — Перед Богом и людьми мой брак и моя дочь — законны, — она встала, стакан в ее руках дрожал, — и как видишь, я ни раньше, ни позже — не «устроилась». И даже не зная о вас, давно жалею об этом браке.

Залпом выпив компот, жажда одолевала, и больше ни слова не говоря, Роза второпях ушла.

Почти что не соображая, немало времени провела в центре села, будто ожидая автобуса до Элисты. И лишь когда солнце покатилося к закату, она встрепенулась — надо где-то переночевать. Тут она увидела смуглого подростка на велосипеде.

— Ты не чеченец? — кинулась она к нему.

— Нет, а чеченцы вон там живут, — указал велосипедист на дом Гуты.

— А еще есть? — встревожен голос Розы.

— Есть, на чабанской точке, вот по той дороге идти надо, — в сторону бескрайней степи.

Туда было тронулась Роза, да голос ее остановил.

— Девушка, постой, заблудишься, там развилочка не сосчитать, — под густой кроной вишни сидит старушка, от зноя скрывается. — Может, у нас перено-

чуешь? А нет, сейчас мой дед тебя с ветерком доставит, и без того туда ежедневно мотается — друзья.

В коляске трехколесного мотоцикла действительно стало попроще. И встретили ее как почетную гостью, аж неудобно, даже барашка зарезали, хоть и говорили, что каждый день это делают. А Розе кусок в горло не лезет, и вроде ничего она и не сказала, а ей уже все объясняют.

— Конечно, твой, или ваш Гута — парень деловой, крутиться умеет, и вроде даже молодец. Так это — как посмотреть... А на этой Оксане он не просто так женился; девок, тем более русских, да гораздо краше — пруд пруди. Да он за этой необъятной все ухаживал, отец у нее директор районной заготконторы. Как на Оксане женился, так и стал Гута главным заготовителем шерсти в районе, а шерсть здесь — все; огромные деньги. А до этого все в колхозе ошивался, вкалывать как мы, не хотел, все время в долг просил, словом, из грязи — в князи, его машин не считать... Правда, времена ныне меняются — шерсть государство не закупает, да и нет уже никакого государства, даже зарплату не платят.

На следующее утро хозяин чабанской точки возился возле старенькой машины; землячку в горе бросать нельзя, решено отвезти Розу до самого Грозного, а это путь не близкий. Жена чеченца, пожилая женщина, всю дорогу молчала, пребывала в дремоте. Розе расслабляться нельзя, надо слушать водителя. А старик, словно не чабан, а заправский политик, всю современную историческую ситуацию разъяснил, ведь она далека от всего этого.

Оказывается, «огромная сильная страна СССР без единого выстрела, лишь росчерком пера трех собутыльников перестала существовать». Горбачев — предатель, Ельцин молодец — всем свободу обещает.

Не сегодня-завтра и в Грозном грядет смена власти — свой генерал объявился, будет сплошная благодать, много работы и наконец-то он с семьей вернется домой.

Эту политинформацию Роза быстро забыла, не до политики, у нее свои проблемы, и не зашла бы она больше в дом Туаевых, да дочь больная заставила, а следом и сам Гута объявился, и не как раньше, а показал, что муж, избил ее основательно. И тогда она не ушла — не хотела синяки родным демонстрировать. А потом позабыла она и мужа и все остальное — дочка совсем плохая стала, слегла она с ней в больницу.

— Ребенка надо в Москву, хотя бы в Ростов везти, — советуют ей врачи, у нас нет оборудования.

Выписалась Роза с ребенком из больницы и как ни странно, муж ее, оказывается, уже неделю в Грозном, и ладно жена его не интересуется, однако, хотя бы дочь проведать должен был. Высказала Роза свои обиды — Гута и не среагировал. Тогда она второпях, пока не убежал, рассказала о здоровье девочки, попросила денег на поездку в Москву.

— Нет у меня денег, нет, — вскипел муж, — надоели вы мне все, надоели.

Конечно, Роза уже догадывалась, что дела у мужа пошли неладно, и уже не впервой он деньги не домой, как раньше, а из дома увозит, что-то распродает, отчето родные им ныне недовольны. И не только Гута, но и все Туаевы носы повесили, помрачнели, и какие-то люди почти каждый день к ним навещают, и не просто так с претензиями, деньги требуют. А следом муже напасть — прокуратура Калмыкии и Ставрополя Туева Гуту разыскивают, и он то дома отсиживался, а теперь и из дома куда-то бежал, как слышала Роза в прием уха, куда-то в горные аулы, у родни отсиживается.

Розе не до этих «разборок», у нее одна забота — здоровье дочери, и оно с каждым днем все хуже и хуже, а родня мужа безучастна — дочери у них не в почете, хотя своих дочерей и сестер любят. Совсем запаниковала было Роза, да времена идут, ее младшие братья, которых она считала юными, оказывается, уже повзрослели, деньги зарабатывают, как услышали о проблеме сестры, тут же откликнулись.

Засобиравшись Роза в Москву, уже и билеты купила, а дочь совсем ослабла, дорогу не осилит; вновь, надеясь ее подкрепить, Роза с дочерью легла в местную больницу, — ничего не помогло, ребенок умер.

Тяжело, очень горько переносила Роза эту потерю, а ее муж так и не появился во время траурных дней, после окончания которых она, как могла, объяснилась со свекровью, и не видя никакой поддержки и теплоты, навсегда ушла к себе домой, попросив, чтобы муж в соответствии с ритуалом, с нею развелся.

Как женился на ней Гута, так и развелся — сам даже не появился, он вроде бы теперь в далеких краях, а так, его братья, будто бы виновато, объявились, что-то промямлили, словом, она свободна.

Казалось Розе, что мир не только померк, но вся ее жизнь закончилась, да братья поддержали.

— Дочь потеряла, конечно, горе. А то, что от Туаевых ушла, — даже хорошо. И нечего долго горевать, ты лучше давай медучилище заканчивай, мы поможем.

Так она и поступила, и среди молодежи ей значительно полегчало, да что-то училище совсем не то. Как и СССР, Чечено-Ингушетия тоже распалась, теперь отдельная Чеченская Республика, и власть другая, и порядки иные, так что и на учебном заведении это отразилось, многие педагоги уволились, зарплаты и стипендий нет. Розе сдаваться нельзя, про-

фессию она любит, и по совету знакомых медиков, да и чтобы братьям особой обузой не быть, она вначале устраивается работать на «скорую помощь», но эта служба дышит на ладан — в Грозном практически свя-ти нет, и тогда ей с трудом удается устроиться санитаркой в городскую больницу.

Работа не из легких, и порой совсем неприятна, но это и есть медицина, и это не простая училищная теория, а колоссальная практика, — значит, рост, к окончанию учебы она уже медсестра, и теперь не только на работе, а даже дома покоя нет — тому капельницу поставить, там укол, и даже как к врачу к ней обращаются, и это тоже уже по новым временам, как и многое другое, — ведь медицина тоже разваливается. Те, кто устраивал революцию, захватил власть, утверждают — нечего болеть, нация должна состоять из здоровых людей, а если Бог не дал здоровья, значит так предписано Им — Слава Аллаху! И вообще, не только праги, но и всякий образованный люд — не в почете! А в почете и у власти — те, кто, вроде бы, храбрее, мужественнее, патриотичней. И может, кто-то и удивился, даже не понял, только не Роза, когда узнала, что ее сосед Гута Туаев теперь большой начальник, на новый манер рыжую бородку отрастил, частенько по телевизору пламенные речи ведет, будто политик, а главное, у него обнаружился новый дар — градостроительный, и он отныне отвечает за все строительство и жилищно-коммунальную сферу столицы республики. И не видит Роза более бывшего мужа за рулем, у него персональный водитель и несколько охранников с автоматами. Туаевы вновь на коне, почти что пол квартала закупили, и если Грозный на глазах буквально хиреет, то на участках Туаевых действительно градостроительный бум. И вроде бы Розе не до Туаевых, но проходя ежедневно мимо их грандиозныхстроек, где даже

работают в основном приезжие — якобы лучшие специалисты, у нее настроение надолго портится. И она внушает себе, что это не от того, что ее судьбу обломали, а хуже — что ситуация в городе более чем плачевная, а уж что творится в больницах, и словами не передать — никакого бюджетного финансирования, зарплату давно не платят, лучшие специалисты бегут, а те, что остались, вынуждены от пациентов деньги брать, и у кого их нет — те в коридорах стонут. В общем, небольшая когорта, воспользовавшись переворотом, всякими способами дорвалась до власти, окружила себя многочисленной охраной и теперь жирует, чулки не замки строит, в то время, как народ бедствует. Как утверждают лидеры — все это «ничего, революции требует жертв, надо терпеть, зато треть, оставшаяся из живых, будет жить в настоящем раю».

Однако кто сколько жить будет, не лидеры решают. Вот и бывший свекор Розы; теперь очень уважаемый, вальяжный человек, отец самого Гуты, вдруг тяжело заболел, возили его на лечение в Москву, привезли, а лечение продолжать надо, в округе, кроме Розы, капельницу поставить некому. У Розы, все твердят, рука легкая, вот и обратились к ней вынужденно, ласкаясь, и хорошо еще, что сходу деньгами не стали прельщать.

По правде, не долго думала Роза, ведь она медработник. Целый месяц через день она по часу пребывала в доме бывшего мужа, старика выходила, и хорошо, что ей денег не предложили, зато чуть позже узнала, что бывшая свекровь ее матери очень дорогой подарок сделала. То-то и в доме Розы, и по соседству заговорили о восстановлении семьи. Но эти разговоры сам Гута на корню обрубил, на совсем юной девочке женился, много дней гуляют, гостей не пересчитать, раз на улице столько дорогих импортных

машин было, что прохода нет, и целую неделю, денно и поцно, из всех видов оружия палат, спать в округе не дают, и, может быть, еще бы кутили, да кто-то кого-то вроде бы случайно подстрелил — праздник перерос в скандал. Говорят, у Туаевых возникли проблемы, старики туда-сюда стали ездить, в общем, в конце концов, видимо, договорились; наверное, просто откупились. И может, от самих Туаевых по соседству слух: «неблагодатная невеста, заботы в дом принесла», — будто невеста кутила и стреляла.

А наша Роза, внешне хоть и безразличие выказывает, в глубине души обиду не может заглушить, и не то что ревнует, что-то к Гуте питает, нет; просто что же получается: мужчины хотят — женятся, захотят — разойдутся, и никакой ответственности перед женой и ни перед кем нет, младших братьев прислали, чтобы те что-то промямлили — и все дела. И плевать на судьбу женщины, на ее жизнь, на ее горе. А вот у других народов — все иначе: развод — дело не простое, и мужчины при распаде семьи страдает не меньше, особенно в материальном отношении. Может, поэтому иначе живут.

Словом, печаль на душе Розы. Не молодая, понимает — далеко не красавица, чуть ли не сутками горбатится, еле-еле одну себя обеспечить может, а впереди никакого просвета; безрадостная, бесперспективная, а главное — бездетная жизнь, одиночество. И чтобы как-то забыться, она все больше и больше пропадает на работе, где тоже все хуже и хуже, и теперь больные не только со своими лекарствами, но себе белье привезти должны. А больных много — жизнь такая! И, устав от этих стонов, крови, слез и мольбы, она бежит домой, и надо же, почему эти Туаевы по соседству оказались? И не то чтобы они мешали, очень хочется ей новую жену Гуты увидеть, и, как в кино, интересно

ей, сможет ли другая там ужиться; что не смогла она, получится ли у той — семью создать.

Наверное, месяц не удавалось Розе свою «наследницу» увидеть, ее только на лимузине развозят; а случайно увидела — рот раскрыла: такая юная красавица! Далеко не чета ей, аж зубы заболели. И тут соседи шушукаются — Гута не дурак! Конечно, не дурак. В Грозном ничего не строится, одна разруха, жилищно-коммунального хозяйства тем более уже нет, что могли, распродали, вот и подался Гута в другую ипостась, в нефтяную; вот единственная отрасль республики, которая на полную мощность функционирует, вот где зиждется сильных мира сего интерес, а Гута на соблазн податлив, к деньгам у него нюх и страсть. И никто бы по соседству о перемене места работы, может быть, и не узнал бы, да Туаева в новой должности по телевизору показали, что-то о росте благосостояния народа он твердил, говорил, что с его назначением президент очень правильно поступил — он самый честный и надежный, и вообще он всегда на трудных местах, его надо ценить и охранять. То-то теперь не просто охранники в машине, а две машины сопровождения, и даже квартал круглосуточно бородатые автоматчики стерегут, даже не знаешь, кого опасаться, а опасаться ныне есть кого — весь город кишит неизвестными, непонятными вооруженными людьми, и чуть стемнеет, по городу передвигаться опасно, и видит Роза, даже ее братья, вроде бы простые люди, а тоже оружием обзавелись, раз у всех есть.

Криминальная хроника в Грозном, похоже, не ведется, раз и милиции практически нет. Так Розе эта хроника не нужна, она в больнице работает, и эта хроника здесь кровью пишется — что ни день, что ни ночь, с огнестрельными ранениями все больше и

больше людей поступает, и все одно в больничных листах — там разбой, там разборки, середь бела дня на улице напали, а то и вовсе случайно в перестрелку попал.

И Роза, наверное, первая узнала о случившемся: на кортеж Гуты совершили вооруженное нападение — двое охранников убиты, сам Гута не пострадал, зато его младший брат поступил именно в отделение Розы с тяжелым огнестрельным ранением. Все Туаевы в больнице. Врачи делают невозможное, и вроде кризис миновал, через трое суток его даже переводят из реанимации, все благодарят Розу. И в эти же дни что-то зачастила бывшая свекровь в гости к Розе.

— Нынешняя молодежь — дрянь. Что за жена, — так, чтобы все слышали говорит она матери Розы, — кукла нарядная, не то чтобы что-то приготовить, даже гладить не умеет, все время спит... И вообще, как вошла она в наш двор — одна лишь беда... А Роза, Роза — беркат¹, одни руки ее чего стоят! И тут же: — С лица воду не пить.

В те же дни новость — Гута развелся. И началось; словно сговорились, все вокруг Розы: и родня, и соседи, и даже на работе ее вновь сватают за Туаева.

Конечно, если не о семье, то о ребенке, и даже не одном, она страстно мечтает. Только этим грезит; однако, снова Гута, — она его не столько за отношение к себе, сколько за его неблагоприятные дела просто премирает.

И надо же такому случиться: говорят, что Гута ото всех скрывается, только при крайней необходимости на работе или когда президент вызовет из своего строго охраняемого дома, нос покажет, а тут — в первый

¹ Беркат — (арабск.) — добро.

раз брата в больнице наведаль и потом вдруг попросил Розу на пару слов отойти: дело есть.

Хоть и была она за ним замужем, а как Гута объясняется в любви, Роза не ведала: понятное дело, не умеет, да и давно знает она, что Гута малообразован, ничего никогда не читал, зато деньги считать хорошо умеет. И сейчас он какими-то междометиями то на русском, то на чеченском, а в целом на еле понятном лексиконе объясняется, мол, ты мне нужна и прочее.

И наверняка в другой ситуации она бы засмеялась от такой беспомощности. Да это больница, кругом стоны, совсем рядом, все слышат, два охранника, но это не главное: главное — его явно постаревшее лицо, и более того, его беспокойные глаза, в них панический страх.

Надо было сказать “нет”, но ничего Роза не ответила, а следом сваты-старики заявили, мать стала напирать, соседи засуетились, сама Роза вспомнила со слезами дочь... согласилась. Свадьбы не было, все было тихо, ее за руку отвели в новый огромный дом Туаевых, и может, не через день, но через два она страшно пожалела. Да было поздно, и не девчонка она, которая может туда-сюда бегать, ей надо бороться за семью, ее создавать. А как?! Что за судьба!

То Гута в течение двух-трех лет за пределы республики всего несколько раз поехать отважился, все боялся российского правосудия, а сейчас, ровно через месяц после того, как Роза в его дом снова пришла, он вдруг исчез, и опять она последняя узнала, что он просто удрал и был в Москве, потом в Европе, и то ли там остался, то ли вернулся и скрывается в Москве.

Роза, как вышла вновь замуж, все в огромном доме одна сидит, с работы не уволилась, отпуск взяла, а к ней и в дом свекра разный вооруженный люд про-

что ломится, и уже ей предъявляют претензии, даже угрожают, а она, как сторож, этот замок одна бережет, всего боится.

И, конечно, знала Роза, что Гута вор, и большой вор, обворовал республику, компанию, партнеров и еще многих, как сейчас говорят, просто кинул. Но не думала Роза, что ее муж такой трус, такие деньжищи хапанул — бросил всех, и не только родню, на произвол судьбы и бежал.

А это самый тяжелый, 1994-й год. И в Грозном даже просто так жить опасно, не говоря уже о таких делах. И Роза о таком в Чечне еще не слышала, да случилось страшное — ее деверя где-то в городе схватили, в общем выкрали, требуют огромный, а это миллионы долларов, выкуп.

Другой деверь ранен, теперь пожизненный инвалид, свекор стар, позаботиться о пропавшем некому. А Гута так и не появился. Правда, где-то стороной шел торг, от Гуты пару раз посыльные прибывали — брата выкупили. Оба деверя с семьями через день покинули республику. Но старикам Туаевым, а Роза их сноха, от этого не легче. От одной банды вроде откупилась, другие стали еще наглее.

— Я боюсь одна в этом замке жить, — стала жаловаться Роза свекрам. — Дайте мне адрес, телефон, я к мужу поеду.

— Ах, тебе «адрес и телефон»! — вскричала свекровь. — Как ты вступила в наш двор, начались эти невгоды.

Ни слова Роза не ответила, тут же собрала свои жалкие манатки и вернулась к своим. Ее братья молчали, мать плакала, и чтобы все это пережить, она на следующий день вышла на работу.

— Как я рад, как я рад! — воскликнул заведующий отделением. — Работать некому, почти все разбежа-

лись... А что будет, а что грянет... — он обхватил руками голову.

— А что будет? — тихо вымолвила Роза.

— Ты что, с Луны свалилась? Война! Война!.. Этого эти изверги добивались, к этому, с обеих сторон, дело вели.

В политике Роза не разбирается, да и разбираться не надо: такое стало твориться в начале зимы! И так видно, раненых привозить не успевают, от крови и стонов ей самой плохо. Трое суток она не выходила из отделения, урывками пару раз лишь удалось где-то в уголочке на полу поспать.

— Иди домой, отдохни, — отпускает ее заведующий, у самого веки красные, лицо обвислое, словно сам воевал. — Вроде все закончилось. Может, на этом перебесятся и успокоятся?

— Что ж это такое? — растеряна Роза.

— Война. Позиция и оппозиция за власть спорят. Москва меж ними кость бросает.

Этого Роза тоже не поняла или не хотела понимать; раз отпустили, она пошла домой, еле дошла и как мертвая свалилась — сама заболела, температура под сорок. Почти без сознания она провалялась в бреду более двух недель, а когда как-то утром глаза ее прояснели, то увидела огонь в дровяной печи, газа уже нет, мать в сторонке кукурузную муку замешивает.

— Фу, вроде пронесло. Как ты нас напугала! — скрывая от дочери, мать стерла слезу со щеки, оставив мучной след. — Пока болела, дважды за тобой прислаивали, просили на работу выйти... Война, страшная война, говорят, начинается.

— Какая война? Война ведь закончилась.

— То, говорят, были игры: А сейчас вся Россия с танками и самолетами на нас наступает... Все бегут, и нам надо.

Ничего Роза не сказала. Несколько дней она приходила в себя. И, будто ничего не будет, — тишина, пушистый снег выпал, не очень холодно, а днем солнышко, да такое яркое, веселое, что не верится в лживость людей. Но война началась. Накануне Нового, 1995-го года, среди ночи стали летать самолеты над самой головой, и как начались взрывы, аж стекла дрожат, огни ходуном, все скрипит и стонет.

В доме Шаевых подвала нет, побежали к соседям. До утра высидели, а утром вновь тишина да тревожные вести: весь центр бомбили, с севера танки идут, вот-вот в Грозный войдут.

— Бежать надо, бежать! — кто-то кличет.

— Нана¹, я должна в больнице быть, — тихо вымолвила Роза.

— Доченька, ты как-никак, а замужем...

— В том-то и дело, что «как» и «никак», — грубо перебила дочь.

После долгой паузы мать почти что виновато прошептала:

— Я-то думала, может, уедешь к мужу, в Москву. Нам было бы спокойнее, а здесь ведь война.

— Моему так называемому мужу, тем более в Москве, — я не нужна. А вот в больнице я нужна и как медработник обязана быть там.

— Да-да, доченька, наверное, так, — очень тяжело вздохнула мать. — Раз выбрала эту профессию, то кто-то должен людей спасать. Твои братья тоже где-то там, не дай Бог что случится — кто о них позаботится?.. А я — как соседи, с ними не пропаду. Обо мне не беспокойтесь — свой век прожила. Вы себя берегите... И знай, дочь, женщина без ребенка — в старости горе.

¹ Нана (чеченск.) — мать.

В предновогодний день, попав под обстрел и бомбежку, всю дорогу дрожа от страха, с превеликим трудом Роза добралась до родной больницы. И как раз весь персонал собирают в актовом зале. Она думала, что людей будет мало, а в зале встать негде, все встревожены, угрюмы, перешептываются — беда одна. Наконец, появился главврач, поднявшись на сцену, снял пальто, на нем выглаженный белый халат. Он поднял руку для внимания:

— Братья и сестры! — тихо начал он, постепенно повышая голос. — Трудные настали времена. Я никого не держу, не имею морального права. У каждого есть семья, есть право выбора. Но мы медработники, и мы обязаны в столь тяжелую годину быть на службе, значит, быть со своим многострадальным народом. Мы врачеватели, а не политики — наше дело лечить всех, подчеркиваю, всех одинаково. Благодарности, тем более вознаграждения не ждите. Я рад и горд, что нас столько в этом зале. Будет тяжело, но мы должны сколько можем выстоять. Все мы в учебных заведениях проходили военно-полевую медицину. К сожалению, придется ее вспомнить, и выражаясь военной терминологией — переходим на казарменное положение. Надо терпеть, значит жить! А сегодня Новый год, поздравляю!

Началась невиданная канонада: именно в эту ночь состоялся первый штурм Грозного. И в эту же ночь поступило более тридцати раненых, снаряд разорвался во дворе, вышиб многие стекла. На крыше и стенах, по указу главврача, стали рисовать красные кресты. Сразу же появились вооруженные чеченцы.

— Убрать красные кресты, вы еще сами креститься начните.

— Это международная практика, обозначаем больницу.

— Рисуйте зеленый полумесяц.

— Могут не понять, это ведь для российских танков и самолетов.

— Убрать! — и для весу выстрел в потолок.

— С такой идеологией нам никто не страшен, — то ли в шутку, то ли всерьез отвечает главврач. — Вот только беда, я в спешке не догадался, зеленой краски нет.

— Сейчас доставим.

Не доставили, видимо не смогли, совсем жарко стало в городе; всюду гул, взрывы, смог. На третий день больница переполнена. Свет от генератора и тепло поддерживаются лишь в реанимации и в двух операционных. Главврач лично дежурит в приемном отделении — решает, кого срочно «на стол», кого в очередь.

— Куда вы его тащите? Это ведь русский солдат, — закричал один из раненых.

— Тут нет русских и чеченцев, — спокойно отвечает главврач, — здесь только медперсонал и пациенты, и отношение соразмерно ранению.

— Эх, разве вы чеченцы? Мне бы мой автомат.

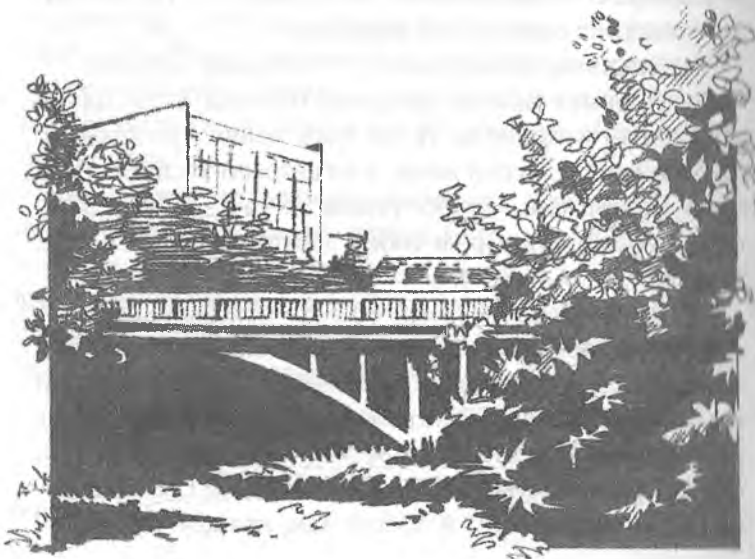
— Автомат против самолета и танка, если мягко сказать, — нелепость. А ты хоть сейчас успокойся, молодой, тебе жить и жить, а не автомат таскать. Твои ноги перевязали, скоро уколы начнут действовать, ночь поспишь, а утром тобой займемся, будешь еще вышивать.

Первую неделю еще как-то продержались. А потом началось самое тяжелое: медикаменты и перевязочный материал на исходе, запасы воды, солярки и еда закончились. В окровавленных, грязных халатах, подняв белый флаг, женщины буквально под бичем ходили с ведрами за два квартала, где в колодце обнаружили воду. А мужчинам-врачам приходи-

лось обследовать покинутые жителями окрестные дома в поисках еды, дров, постельного белья, которое после кипячения шло на перевязку. Но это не самое тяжелое. Наиболее отчаянные искали по округе подбитую бронетехнику, чтобы слить остатки дизтоплива.

Уже были жертвы среди персонала, кладбище разрастается во дворе больницы, в само здание попало несколько ракет, даже был пожар, который с трудом потушили. Словом, сказать, что был подвиг — словно ничего не сказать...

Лишь в нескольких палатах окна забиты фанерой, и там более-менее тепло. А в остальном помещении гуляет сквозняк. Видимо, Роза не совсем оправилась от предыдущей простуды; чувствует она себя плохо, разбита, температура есть, кашель одолевает, — кашляют здесь все, грипп — это не болезнь, на ногах пере-

нести можно, на себя медсестры лекарства жалеют, и может, чтобы не заражать раненых, можно было бы домой уйти. Да куда? Их больница несколько на отшибе, вроде поспокойнее, а что далее творится — постоянный гул.

Из последних сил, как и все остальные, Роза держится на ногах. Благодаря стойкости главврача, больница еще функционирует, даже есть график дежурств, и самое тяжелое суточное дежурство в приемном отделении. Здесь на полу многосантиметровый слой крови вперемешку с грязью. Если на улице потеплело, жижка — ходить тяжело. В последние дни поток поступающих резко сократился — один, два, да учитывая, что медикаментов практически нет, это тоже невыносимо.

— Вы можете говорить? — склонилась она над поступившим, у которого все лицо в крови, голова и предплечье в мелких осколочных ранениях.

— Роза, это я, помоги.

— Яндар, Туаев? — она узнала его по своеобразному голосу. — Ты как в Грозный попал?

— С гуманитарной миссией, как врач. Машину подбили, один вроде выжил.

Этот Туаев — тоже сосед, двоюродный брат ее номинального мужа — Гуты. Однако, в отличие от семьи Гуты, эти Туаевы будто не родственники, в этой семье люди учебой и трудом зарабатывают свой кусок хлеба. А Яндар вообще был для всех примером. Сразу после школы в институт не поступил, ушел в армию. После службы поступил в Краснодарский мединститут, потом ординатура и аспирантура в Москве. Там он с тех пор врачом работает, как говорят, многим землякам помогает.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась Роза, оживившись.

По строгому предписанию главврача, в больнице ни каких озабезам¹ быть не должно, критерий один — степень ранения, лекарств очень мало, последний стратегический запас — для самых тяжелых: невыносимую боль заглушить. А тут Роза до главврача дошла, ампулу попросила.

— Ты что, лишь в особом случае.

— Так это особый случай — он врач, из Москвы, — и, видя, что главврач только задумался, — и мой деверь.

— О-о! Это, действительно, особый случай. В операционную, там потеплей.

В двадцатых числах января ударил сильный мороз, и словно он все сковал, в городе страшная, странная тишина. А в больнице холод — невозможно. И тогда главврач вновь собрал всех сотрудников.

— Всё... Огромное всем спасибо. Мы, что могли, — сделали, свой долг до конца выполнили. А больше у нас ни сил, ни ресурса нет, мы не можем функционировать как лечебное учреждение. Говоря языком военного времени, надо как-то эвакуироваться, да я, и никто из нас не знает, что творится вокруг, куда нам податься и как быть с ранеными. Ведь не бросать же их?

Стали советоваться. Понятно, что город под контролем федеральных войск, но ходить небезопасно, всюду снайперы. Решили двоих мужчин-врачей послать в центр для разведки и наведения контакта. Этого делать не пришлось, в тот же день, к вечеру, больницу внезапно окружили десятки бронемашин, как на штурме, со многих сторон в разбитое помещение ворвались солдаты, стали стрелять, правда, не в людей, всех уложили на пол. Потом стали сортиро-

¹ Озабезам (чеченск.) — досл. тянуть-любить, привлечь внимание.

вать медперсонал и раненых. Медперсонал стали загонять в актовЫй зал, очень грубо обращались с врачами-мужчинами.

— Хотя бы своего деверя забери, скажи, что он здесь работал, здесь ранен, — шепотом посоветовал главврач Розе.

— Там среди раненых наш врач, он не боевик, наш врач, — бросилась Роза и за ней еще несколько женщин в палаты.

Не только Туаева, но еще одного взрослого, нашего мирного жителя, удалось забрать в актовЫй зал, где нет ни единого окна, снег намело.

Там, на корточках, скучковавшись, провели ночь, шпикали; в сумерках в палатах звучали глухие одинокие выстрелы.

А наутро медперсонал поделили на женщин и мужчин, погрузили в разные военные грузовики. Как позже узнала Роза, мужчин-врачей пару дней подержали в подвалах консервного завода и всех отпустили, а с женщинами обошлись хорошо: отвезли в район аэропорта, накормили и отпустили.

Город стал чужой. Разбит, в руинах, горит, везде мусор, ни единой души — и запах, этот запах гари, пороха, крови и смерти. Она вначале бежала, потом запыхавшись, тяжело шла, услышав гул бронетехники, заронилась в развалинах. Лишь к вечеру добралась до своего поселка, ничего не узнать, а их дом без крыши словно спилили.

— Нана! Нана! — сквозь слезы крича, вбежала она во двор, к мрачному строению, что когда-то было домом, но подойти не посмела, представив жуткое, чуть ли не визжа, вновь завопила.

— Нана-а-а!

— Роза, Роза! — из-за дощатого забора сморщенное лицо соседки, улыбается.

— Мать, а где мать, братья? — скользя по снегу, бросилась туда Роза.

— Не волнуйся, они давно уехали в Хасавюрт. О тебе волнуются, был человек, адрес оставили.

Роза думала на следующее утро направиться туда, но не смогла: в соседском подвале тепло, сытно, теперь за ней несколько человек ухаживает. Она расслабилась, накопившаяся хандра взяла свое, и она четверо суток валялась. А как пришла немного в себя, выведала у соседей обстановку и пошла в центр Грозного.

Удивительная штука — жизнь, удивительные люди — чеченцы. Кругом война, все горит, стреляют, а центральный базар в столице на том же месте, еще не кишит, да хлебом пахнет, торговки все в калоши обуты, снегу на товар насть не дают. Тут же стоянки такси:

— Хасавюрт, Назрань, Ставрополь! Прокачу с ветерком в мирные страны!

Словно в сказке, всего пару часов спустя Роза увидела мать и брата, зарыдала, затем долго смеялась, будто жизнь вновь началась. Просто физически она ощущала какую-то легкость, даже блаженство от жизни без войны, и так продолжалось более двух недель, пока, то ли от разговоров матери, то ли от вида чужих детей, ей вдруг стало тоскливо, даже страшно, как в первые дни войны, и ее неотвязно стало преследовать чувство пожизненного одиночества: неужели у нее никогда не будет детей? И ни с кем, даже с матерью, она не хочет своим горем поделиться, так мать сама эту боль тормошит.

Чтобы как-то тоску развеять, да и денег нет, решила она попытаться здесь, в Хасавюрте, устроиться на работу. Пошла в одну больницу — не получилось, в другой не было на месте руководства, и пока

Роза перед корпусом месила грязь, дожидаясь главного, ее имя кликнули, потом еще и голос знаком, — неужели Яндар Туаев? Точно, лица не видно, все перебинтовано, но это он.

— Роза, Роза, моя спасительница, — она попала в крепкие объятия. — Если бы не ты — где бы я сейчас был? Понимаешь, какое-то наваждение, вот только тебя вспомнил, и вдруг выглянул в окно: ты — не ты? И здесь долечиваюсь, наверное завтра выпишусь, полечу в Москву.

Конечно, она ничего не обдумывала, просто слово «Москва» зародило в ней, наверное, сумасбродную идею, и она сходу ляпнула:

— Возьми меня с собой. Правда, денег нет, потом верну долг.

— Ты что? О каком долге говоришь? Это я у тебя по гроб жизни в долгу, и мало того, что мы родственники, мы еще соседи и коллеги... А ты раньше была в Москве?

— Москва! Такой красоты, столько дорогих машин, красивых людей Роза никогда не видела.

— Ты смотри, — выглядывая из окна машины, все удивлялась Роза, — у нас разруха, а здесь цветущий край.

— Ну, ты как медик, — отвечал ей Яндар, — изучала теорию эволюции Дарвина. Вот она, борьба за существование, и как сказал классик: «у сильного всегда бессильный виноват».

— Яндар, я знаю, ты ведь глубоко верующий человек. Неужели ты признаешь теорию Дарвина и вправду считаешь, что люди произошли от обезьян?

— Раньше не признавал. С возрастом стал сомневаться, а, побывав сейчас в Грозном, убежден: некоторые людские особи точно произошли от обезьян, если бы от шакалов.

— Да, за этот месяц войны я себя не раз на этой мысли тоже ловила.

— Конечно, к счастью, или, еще можно сказать, доля этих нелюдей невелика. И что парадоксально, они среди всех народов есть, на любом языке говорят, любой цвет глаз и кожи имеют, и их просто так не отличить. И одна на них управа — это строгость законов и неминуемость их исполнения. А если этого нет, то их алчность, хищность и человеконенавистность начинают выпирать наружу, как сейчас в России, и тем более в Чечне.

— И откуда они взялись? — не на шутку удивлена Роза.

— Как «откуда»?!. Сколько у нас незаконнорожденных выродков — почти все мужчины направо-налево гуляют. А эти браки, не всегда благословенные Богом, — у нас, и без венчаний — у них. А сейчас здесь вообще модны так называемые «гражданские браки», и кто от этих браков родится?

— Что это за «гражданский брак»?

— Когда супруги, в принципе, вольны что угодно делать.

— Это мой брак с Гутой, — просто невольно вышло у Розы, она смутилась, отвернулась.

— Гм, гм, — кашлянул Яндар и больше они не говорили.

Яндар — кандидат медицинских наук, доцент, вот защитит докторскую, уже двенадцать лет работает в Москве, а работа хирурга, Роза знает, не из легких, и тем не менее своего жилья нет — снимает, а семья большая: четверо детей, — да Яндар не унывает.

— Теперь и в Москве, как на Западе, некоторые врачи очень хорошо зарабатывают. Но, правда, это в общей хирургии не относится. Но все равно, жаловаться грех. Врач, тем более чеченец, здесь богатым не

станет, но, работая, без куска хлеба тоже не останется. Так что живи, Роза, у нас и отдыхай.

Жены Яндара ранее Роза не видела, все пережила, а хозяйка почти ее ровесница, оказалась женщиной простой, абсолютно неиспорченной цивилизацией. На следующий день по приезде, повела она Розу в магазин, и, наверное, никогда в жизни Розе не было так стыдно, как во время примерок — пережившие войну ее грубые ботинки и пальто были не только избиты и изношены — пропитались кровью, гарью так, что хорошенькие молодые продавщицы, не представляя такую жизнь, с отвращением воротили носы, вино не желали обслуживать, и лишь когда жена Яндара, как бы между прочим, продемонстрировала тугой пресс американских банкнот, обоняние многих пригупилось.

А потом были в парикмахерской, в косметическом салоне, и не раз, так что через пару дней глянула на себя Роза в зеркало — не узнала, даже расплакалась.

И так получилось, как положено, погостила она в свое удовольствие три дня, сдружилась с хозяйкой и не сдержалась: как-то ночью, за чаем, на кухне поведала ей свою потаенную затею... Как бы там ни было, а она законная жена Гуты Туаева, и не раз, а два раза мужчины совершили меж ними положенное у мусульман брачное благословение. И если в первый раз не сам Гута, а посредством братьев какую-то процедуру развода с ней совершил, то на сей раз ничего такого не было.

— Мне стыдно, даже тебе говорить стыдно, — вытирая платком лицо, пряча слезы, дрожащим голосом продолжает тихо Роза, — но я боюсь старости, боюсь одиночества... Гуте я не нужна, но у нас была дочь, он еще мой муж. И как ни стыдно, может,

и порочно, но я хочу, чтобы он немного пожил со мной, пока я, если Бог даст, не забеременею... А больше мне от Гуты ничего не надо, копейки не попрошу, сама ребенка, законнорожденного ребенка, как Бог даст выращу.. Поймите меня, простите и если можете, помогите... Я знаю, что отношения мои Туаевыми не совсем ровные, но все равно он Яндару брат. И уже всхлипывая: — Может я дура?.. Ты пойми меня, я такое в Грозном видела и пережила, что любой мог бы свихнуться... Хотя, может, так суждено, а я пытаюсь чем-то спекулировать, пользуюсь вашей добротой.

Ничего ей хозяйка ответить не может, сама горше Розы плачет, закрыв лицо руками, головой мотает.

Проснулась утром Роза, голова болит, жалеет о сказанном, да слово не воробей, и она чувствует, что им уже веет, на той же кухне Яндар перед работой завтракает, и жена его, понятно, там, и тема та же — обороты набирает, а земляки ее вряд ли поймут: вне рамок традиций такие нюни распускать.

Дождалась Роза в постели, пока Яндар и взрослые дети не ушли, только тогда встала и, увидев хозяйку, вся виновато согнулась, руки жалобно на груди сжала и молящим голосом:

— Я и так вам много должна. Дай, пожалуйста, еще денег на билет и подскажи, как до Грозного добраться.

— С чего бы это?

— Прости меня, наболтала я лишнего, совсем ума и воли лишилась.

— Перестань, Роза, — как родная сестра обняла ее жена Яндара. — Может, не в таком виде, но эту проблему мы не раз обсуждали.

От таких слов Розе не легче, теперь она стесняется видеть Яндара. К ее радости, Яндар возвращается

домой очень поздно, и как его жена замечает — очень злой.

— Отправь меня домой, — в очередной раз взмолилась Роза.

— Ты что, муж еле-еле с Гутой связался... и пойми, это не только твоя, это нашей семьи забота, ведь мы, как ни крути — Туаевы.

Даже в воскресенье Яндар рано ушел, очень поздно вернулся, позвал Розу на разговор, а она вся задрожала, как во время бомбежек в Грозном.

— Роза, — очень официально начал Яндар; лицо его было сурово и решительно, — с одной стороны я считаю себя сугубо светским человеком; с другой, как меня учил с детства отец, я мусульманин, и как позволяет жизнь в Москве и моя работа, выполняю многие предписания... Гм, гм, — кашлянул он. — С какой стороны ни смотри, а твое пожелание мне кажется абсолютно правильным, чисто материнским. И если смотреть шире, то это проблема не только твоя, у нас масса одиноких женщин, а учитывая войну и крайнюю бедность — будет еще хуже.

Роза как можно ниже опустила лицо, нервно перебила ткань платья.

— Ну, я не буду пред тобой долго философствовать, — продолжал Яндар, — перейду к делу.. Гм, как мне не обидно, но мой двоюродный брат Гута — дрянь, если мягко выразиться. Сидел он в тюрьме — каждый день звонил, записки присылал, мол, вытащи, век слушать буду.

— Он что в тюрьме был? — не сдержалась Роза.

— Хм, был... Я думал, что за все его статьи он лет двадцать получит. И вроде помочь ему некому было, у меня таких денег нет, а он через три месяца на свободе. Что из тюрьмы говорил, быстро позабыл, вновь тем же Гутой стал, вновь те же аферы, те же казино и

прочее, в общем, вновь ему не до нас, и я лишь через его молодую жену Оксану смог на Гуту выйти — важной птицей стал.

— Оксана не молодая, может, старше меня, — как обычно, не сдержалась Роза, еще больше после этого склонила голову.

— Ты, наверное, говоришь об Оксане из Калмыкии? Он ее, как и тебя, бросил... А теперь у него жена, гм, по крайней мере они это так называют, — молодая девица, — не знаю, где он ее подцепил. Да дело, думаю, не в этом. У этой Оксаны отец очень богатый и влиятельный человек — начальник, плюс своя дочь от первого брака, или как это называется?.. А теперь, вроде, и от Гуты беременна. В общем, у них мир, любовь, семья, и нам советовали не лезть в чужую частную жизнь.

И без того смуглое лицо Розы стало совсем мрачным, темные прожилки выступили на шее и висках:

— А у нас, значит, жизни нет, — гневно выдавила она, и бросилась в другую комнату.

Более удерживать в Москве ее никто не смог бы. На следующее утро она вылетела в Махачкалу, к вечеру уже была в Хасавюрте. Будто речь шла о другой, вкратце, без эмоций пересказала матери московские новости, и не вытерпев более материнских слез, вопреки мольбам решила поехать в Грозный.

— Нана, ты за меня не переживай, — успокаивала она мать. — Я хочу быть там, я должна быть там. А ты поживи здесь, пока в Грозном не утомонится, да за братьями присматривай.

В первые дни марта Роза вновь была в Грозном. И хотя разруха, весь город в руинах, но все равно солнышко здесь как-то по особому светит, и птички здесь, не как в иных местах, а по-особому поют — войну перепеть хотят, а ей здесь роднее, и впервые за

много-много дней она тихо счастливо улыбнулась и, глядя в голубое небо, словно в колыбель, нежно прошептала:

— Может, я более не рожу, не судьба! Но этот город родил и вырастил меня, и как могу — я постараюсь возродить его!

Даже не думая, она первым делом направилась в родную больницу.

— О-о-о! Роза! Как я рад! Я знал, что ты обязательно вернешься, не поменяешь родную стихию на чужой покой, — так восторженно встречал ее главный врач. — А теперь все хорошо будет. По крайней мере бриллианты, и не малую, как в России, платить обещают, медикаменты уже завезли, один корпус восстановили... Так что жить в родном городе можно, и главное, нужно — очень много больных, и почти что все престарелые люди.

Трудоустроившись, она хотела решить вопрос с жильем. Жить можно и у соседей, как родные, даже в подвале. Пришла она на свою улицу, сердце защемило, разруха, ни единой души, здесь была «зачистка» — от всех зачистили, трупный смрад кругом, даже собак здесь нет.

Побежала она от этого места к центру города, где люди есть, и лишь дойдя до Сунжа, вспомнила: здесь рядом, прямо над «Детским миром» ее двоюродная сестра живет.

Уже в подъезде она поняла, что здесь давно никто не живет. Все равно поднялась по разбитой лестнице на второй этаж; дверь прострелена, чуть приоткрыта, а внутри бардак, слой пыли, сквозняк, от реки сырость доносит, и свеча на печи, до конца догорела, лишь воск растекся, и кругом детские вещи, она их невольно понюхала, — запах безвинных детских испражнений еще есть, и почему-то ей захотелось здесь остаться.

ся, эти детские одежонки в порядок привести. Однако на улице уже сумерки сгущаются, а в войну они вдвойне темнее, страшнее, не до романтики — наоборот. И думая о ночи, она сквозь весь город бросилась под единственную крышу — в больницу; заступила на бессрочное дежурство, здесь и жила, пока неотвязная мысль — постирать детские вещи — не повлекла ее к «Детскому миру». И почему-то не посмела она эти вещи даже вынести из разбитой квартиры, что-то держало здесь не только их, а теперь и ее. И как только она получила первую зарплату, купила кой-какой стройматериал, попросила у главврача помощи. Организовал главврач белхи¹, строителей больницы привлек. И не только квартиру, а даже подъезд и отчасти двор привели в сносный порядок. Так что Роза здесь стала жить. Прожила все лето, осень, и зима в одиночестве началась, пока, как-то вечером не постучали, она испугалась, а там знакомый басок Мальчикина. Началась новая жизнь. А какой может быть жизнь одинокой женщины и сироты ребенка, если к тому же и родство меж ними есть?! Это жизнь в мечтах... как сказка

¹ Белхи (чеченск.) — обряд коллективной взаимопомощи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

фанасьева Анастасия Тихоновна или, как ее нарек Мальчик, бабушка Учитель, родилась в 1925 году. Ее отец — Гнедин Тихон Иванович, потомственный дворянин, очень богатый и известнейший человек, имевший где-то под Калугой огромное поместье, был царским офицером. Он тяжело переживал отречение царя от престола, противостоял февральской революции, а от октябрьского переворота просто рассвирепел. Понятное дело — стал одним из предводителей белого движения. Дрался до конца, и после поражения на юге России не бежал, как многие офицеры через морские порты, а тайком с горсткой преданных людей перебрался на Урал, потом, выполняя какую-то ответственную миссию, попал на Дальний Восток, и там поражение, а он не мог с этим смириться и боролся бы до конца, и лишь тяжело раненого сослуживцы вывезли его в китайский Харбин.

Жить в Харбине Гнедин не пожелал; как только чуть выздоровел, стал искать пути переезда в Париж; там Европа, где он много раз бывал, он свободно говорит по-французски, а главное, ему кажется, что

оттуда ему легче будет вернуться в Россию, где у него осталась семья — жена, сын и дочь.

Лишь в 1925 году, после семи лет разлуки, под видом новоиспеченного нэпмана, Гнедин смог объявиться на территории, где некогда располагалась его усадьба. Ничего нет, все разрушено, не узнать. Зато семью он нашел, и не в Калуге, а в Орле, подсказали добрые люди. И, наверное, смог бы он семью вывезти из России, во всяком случае все уже было готово, да вот беда — на московском вокзале встретился со своим бывшим батраком. И надо бы потерпеть, проглотить слюну, опустить голову, да Гнедин не смог:

— Ты был холуй, холуем и останешься, — люто бил он бородатого красноармейца.

Тут же Гнедина арестовали. Будучи уже беременной, его жена, Екатерина Матвеевна, еще двое суток бродила с детьми по вокзалу, пытаясь что-либо узнать о судьбе мужа, — ничего. И лишь на третьи сутки, пожалев голодных детей, она бросила эту затею и начала иные поиски: в добрые старые времена у них в Москве было много родственников и знакомых.

Многие особняки были разбиты, в других обоеванался непонятный грязный люд, и лишь в одном месте, в весьма притесненных условиях, она нашла старого знакомого — известного московского врача. Еще больше потеснились, приютили Гнединых, и уже зная порядки, старый доктор посоветовал расстаться с известной фамилией и, когда родилась Анастасия, старинного дворянского рода уже не было, для удобства взяли фамилию доктора, Афанасьев, и только отчество осталось отцовское.

Прирожденная аристократка, мать Анастасии никогда ни в чем не нуждалась, даже в годы гражданской войны: цена ее щедрость и добрый нрав, ее по старой памяти поддерживали крестьяне с бывшего

имения. А тут Москва, разруха, надвигается голод, и старый доктор кормил их как мог, да времена в стране Советов настали тяжелые, и как только младшей Анастасии исполнилось полгода, оставив ребенка на попечение старших детей, Екатерина Матвеевна впервые в жизни стала искать работу.

У нее было две возможности: она владела тремя иностранными языками и виртуозно играла на фортепиано. По рекомендации доктора, ей предложили работу воспитательницы на дому, и семья вроде достойная, из старых дипломатов, и оклад хороший, но она не могла позволить себе быть в чьем-то доме гувернанткой, тем более как ныне принято — домработницей.

За первые два года она побывала на нескольких работах: была почтальоном, референтом в иностранном консульстве, помощником большого начальника, даже кассиром, пока не увидела как-то случайно на остановке объявление: «курсы актерского мастерства приглашают на работу квалифицированного музыканта».

И здесь бы она не задержалась бы долго, да доктор дал совет:

— Доченька, выходи замуж. Не будут к тебе мужчины приставать. А так считают, что зря краса пропадет.

Так в жизни Анастасии, когда ей было четыре годика, появился новый мужчина — отчим, человек юный, интеллигентный, тоже из музыкальной среды. И, казалось бы, жизнь нормализовалась, да жизнь в стране, несмотря на бравые лозунги, становилась все хуже и хуже, и это не могло не отразиться на семье.

Первым заболел доктор, видимо, он заразился вирусом в больнице и вскоре умер. Потом тяжело

заболела младшая Анастасия, следом и старшая сестра. Анастасия чудом выжила, тогда она ходила во второй класс обычной школы и уже заканчивала третий в музыкальной школе по классу скрипки, где ее непосредственным педагогом был отчим.

В 1941 году, перед самой войной, Анастасия Афанасьева в пятнадцать лет окончила музыкальную школу, и чтобы уровнять ситуацию, экстерном сдала выпускные экзамены в общеобразовательной школе. Сомнений не было и дальше, она должна была поступать в консерваторию, но тут отчим как-то тихо сказал:

— В этой стране музыка мало кому нужна — лишь марши да гимны... Может, лучше пойти учиться туда, где специальность есть, хоть на хлеб себе заработаешь.

Это было верно. Мать Анастасии призадумалась, тут началась война, и, хотя фронт был еще далеко, дабы не искушать судьбу, не рисковать, направили дочь учиться в самый ближайший вуз, что был через дорогу, лишь специальность позволили Настеньке выбрать самой, и она выбрала почему-то физику, а конкретно — еще романтичнее, астрофизику.

Осенью, когда фронт уже приближался к столице, Анастасия, как и ее единственный брат, подались в добровольцы. Как от несовершеннолетней, заявление Анастасии отклонили, а брат ушел на фронт; вскоре от него получили сразу два письма, а третье было похоронкой.

К первой сессии на физическом факультете осталось совсем мало студентов и преподавателей. Фронту требовались медработники, и Анастасия хотела было бросить институт и пойти на медкурсы, но ее заявление попало в руки молодого нового декана.

— Вы еще юны и не понимаете нашей исторической миссии, — вежливо советовал ей декан Столетов. — Мы победим, обязательно победим, ибо нами руководит товарищ Сталин. А что будет завтра? Что, вся страна переквалифицируется в медперсонал? Кого вы собираетесь лечить? Мы должны, мы обязаны смотреть вперед, вверх. А будущее — за авиацией, за космонавтикой! Только мы, советские люди, можем первыми открыть путь к луне и к звездам... Афанасьева, у тебя большое будущее, вся наука в наших руках. Учись, и мы с тобой станем первооткрывателями Вселенной! Ты ведь видела звездное небо в телескоп?! Какое это чудо! Вот наш фронт, вот линия нашей атаки! И, несмотря на тяжелейшую войну, партия думает о будущем и мы должны, мы обязаны этому следовать.

Аналогичные речи стал вести Столетов с Афанасьевой почти каждый день, приглашая юную студентку в свой кабинет. Выдав очередной пламенный лозунг, он слегка хлопал ее по щеке, ласково говоря:

— Как ты юна!

Потом каждый раз раскрывал массивный деревянный шкаф, медленно, с чувством разливал в два стакана чистый спирт и воду, быстро опорожнял, долго сопел, закусывал и тогда просил Анастасию присоединиться к еде. Она всегда отказывалась. На этом их диалог заканчивался. Будто ее и нет, декан закуривал длинную папиросу и выходил в широкий коридор, где, заложив руки за спину, медленно прохаживался, глядясь в портреты ученых на стене, видимо, мечтая, что вскоре и его фото будет так же здесь красоваться.

Длилось это недолго. Линия фронта стремительно приближалась к Москве. В городе было тревожно, даже страшно. И зима наступила лютая, отопления не

было, занятий тоже, институт пустовал, а Столетов просил:

— Хотя бы ты, Афанасьева, приходи, а то я один здесь весь день — жуть как тоскливо.

Кутаясь в старую мамину шубу, благо недалеко, Анастасия каждый день бегала в институт.

— О-о! Как я рад, как я рад! Хоть одна осталась студентка, — восторженно встречал ее Столетов, грациозно приглашал в свой кабинет и со временем стал с ней обращаться все более и более галантно, ухаживая как за дамой, опекая как дитя. — Надо выпить. Смелее, это ведь разбавленный спирт, лекарство от простуды, согреешься, станет лучше... Вот так. И закуси, закуси.

Эти встречи стали регулярными, и Анастасия поймала себя на мысли, как ей тяжело и одиноко в выходные дни. А потом был общеинститутский митинг по поводу проведения добровольцев на фронт. И там так эмоционально, так громогласно и завораживающе выступил декан, что все были в восторге, долго аплодировали, несмотря на мороз, а Афанасьева даже заплакала, так он стал ей симпатичен, близок и мил.

И это было неудивительно. Аркадий Яковлевич Столетов — высокий, стройный, импозантный мужчина, с густой шевелюрой каштановых волос, с замесловатой, ухоженной бородкой — нравился многим женщинам. Пойдя по стопам отца, он быстро защитил диссертацию, уже декан, и все бы вроде неплохо, несмотря на войну, да война недалеко, враг у Москвы, и вроде была бронь, а тут Столетову повестка пришла. Кто бы видел его состояние: весь ссутулился, обмяк, бородку сбрил, коротко подстригся, и, как было принято, надел на себя военную форму, высокие хромо-вые сапоги.

— Ты понимаешь, — даже студентке Афанасьевой он пытался разъяснить важность ситуации. — Ведь я ученый, самый молодой кандидат наук, мне и тридцати нет, и если бы не война, уже готова была бы докторская... И меня на фронт! А сколько я учился? Сколько государство вложило в меня средств; и под пули, в окопы? А кто будет повышать обороноспособность? Ведь здесь, в тылу, не легче. Да и какой это тыл, каждый день бомбят.

В эти дни он сильно пил и от страха смерти исплякнул. Афанасьевой стало так жаль этого большого человека, она с ним так сблизилась, что, вспоминая своего погибшего брата, она тоже плакала, даже хотела декана по-родственному обнять, успокоить, да что-то ее сдержало, и взамен она предложила:

— А давайте я вам на скрипке сыграю.

— Что? — округлились глаза Столетова. — Какая скрипка?

Тотчас побежала Анастасия домой.

— Нельзя на мороз инструмент, — взмолился отчим.

— Я обещала добровольцам, — был веский аргумент.

— Ты просто талант, ты виртуоз! — восторгался от игры Столетов. — И как я с тобой расстанусь?! — и в этот момент он ее впервые обнял, поцеловал в лобик, потом в щечку, страстно задышал. Она этого еще не знала, знала только, что так нельзя, и надо бы вырваться, хотя бы уклониться, да за инструмент боится, так и застыла, словно изваяние, быстро шепча:

— Нельзя, нельзя... Мне не положено. Увольте... Мне всего пятнадцать.

— Да-да, — от этих слов он резко отпрянул. — Прости. Я по-братски... Но так играешь! Я так тебе благодарен, ты и твоя музыка вдохнули в меня жизнь...

Сыграй еще, пожалуйста, прошу, — и он очень галантно поцеловал ее ручку. — Ты и завтра принеси скрипку.

Но завтра Анастасия не смогла пойти в институт — заболела мама, потом она сама. Им было очень тяжело, голодно, доедали последние горстки муки. И, наверное, только через неделю Анастасия вновь смогла пойти в институт, а декана уже не было, сказали — на воинских сборах, а с них — на фронт. И тогда, будто родного человека потеряла, она горько заплакала, поняла, как привыкла к Столетову, как он ей симпатичен и как ей с ним хорошо, тепло и даже сытно.

И какова была ее радость, когда она вновь увидела высокого, здоровенного Столетова; если бы эта встреча произошла бы не на улице, то она, наверное, его обняла, а так — улыбалась, словно с войны близкий вернулся.

— Все хорошо, хорошо, — как ровне, делился с ней декан. — Во всем разобрались. Ну, конечно, не без подсказки добрых людей. Словом, такими как и родина должна дорожить. У меня очень ответственная миссия: эвакуация сверхсекретного оборудования в Среднюю Азию. Ну, как понимаешь, я единственный специалист по телескопам... В общем, послезавтра поезд... Кстати, я делюсь с тобой государственной тайной. Тебе можно доверять? Ты умеешь молчать и быть верной?.. Вот и прекрасно, — он похлопал ее по плечу, и рука его, как бы машинально, скользнула в область талии. — У меня времени в обрез, — его глаза странно блеснули, и он наклонился, вглядываясь в ее лицо, — хочешь, плюну на все и завтра устроим проводы... Что молчишь? Ты желаешь меня достойно проводить?

Она лишь кивнула, что-то предчувствуя, смущаясь.

— Тогда завтра после обеда. В два, когда народ разбредется. И скрипку возьми. Обязательно возьми. А я для тебя специально припас шоколад и шампанское.

На следующий день она от всего опьянела, играла самозабвенно, очнулась только от боли, потом плакала.

— Ну, перестань, перестань, дорогая, — успокаивал ее Столетов, — я ведь не знал, что ты так юна... Не плачь. И смотри, никому ни слова. Мы ведь так договорились? А это возьми, угостишь маму, — он совал в сетку остатки щедрой еды. — Я буду тебе писать «до востребования». Я люблю тебя, война кончится, и мы будем вместе, — целовал сухо в щечку. — А теперь иди, уже темно, комендантский час.

Дрожа от страха и стыда, бледная Анастасия с умирающим сердцем пришла домой. Укутавшись в одеяла, мать уже спала, отчим заботливо пригласил поест, но она, сославшись на недомогание, пошла тоже спать, думая, что не заметят. Вроде так и случилось, и она уже крепко заснула, когда ее разбудила мать.

— Ты последняя из Гнединых, — тихо и сурово говорила мать, — честь рода надобно строго беречь... И как бы мы ни страдали, а объедки с чужого стола в наш дом больше не приноси. И эти пьяно-табачные запахи нашей семье чужды.

Остаток ночи Анастасия проплакала, уткнувшись в подушку, чтобы никто не слышал, как она мечтала повернуть время вспять, чтобы предыдущего дня не было. И думала она наутро все начистоту матери поведать. Да утром иные, доселе незнакомые, чувства в ней преобладали, захотелось ей вновь видеть и слышать Столетова, сытно есть, пить, смеяться.

Побежала она через весь город на Казанский вокзал, чтобы напоследок попрощаться с деканом. На

перроне еще были сотрудники института, которые удивленно приветствовали Афанасьеву, и Столетов был; даже не поздоровался, за ручки вел своих детей, и лишь когда вежливо помог подняться в вагон своей габаритной жене, он соизволил повернуть голову в ее сторону, но никакого жеста, никакого движения, только желваки скул недовольно всколыхнулись.

Не из-за наивности, тем более любви, а просто выполняя обещание, Анастасия ровно год ходила на почту и была рада, что писем нет. И ее чувство обманутой девчонки стало проходить, она уже забывала Столетова, как в институте, со спины, увидела эту крупную фигуру, крепкую загорелую шею. Он обернулся, словно чувствовал ее негодующий взгляд: свежим лицом, и при милой улыбке странно щурится: сам в тубетейке, и точно — азиат.

— Настя, Настенька, как я рад, — не стесняйся, при всех, он фамильярно взял ее за руки, поманил в кабинет.

Она повиновалась, и лишь в кабинете резко, даже грубо отстранилась:

— Прошу вас впредь называть меня по фамилии, — не ожидая от себя такой решимости, твердо заявила она и, больше не говоря ни слова, сильно хлопнула дверью, ушла.

Это было полдела из того, что она намеревалась сделать. Другая половина была сложнее. Дело в том, что она уже встречалась, и не просто так, со своим однокашником по музыкальной школе Женей Зверевым. Женя, белокурый, светлый парнишка, специализировался на фортепиано, а они еще со школы исполняли в паре всякие этюды, и у них с первого раза все синхронно получалось. С тех пор, вот уже полгода, они почти всегда вместе, и мать Анастасии очень рада этой дружбе.

Рада и сама Анастасия; любит она Женю и не может этого скрыть. Вот только чувствует она какую-то вину перед ним. И когда Столетов объявился, она повела Женю в институт, показала декана и ничего не сказала, без слез все рассказала Жене.

— Зря, — после долгой паузы сказал Зверев.

— Что «зря»? — удивилась Анастасия.

— Зря рассказала мне... А теперь, прошу, забудь и ты и я. И еще, мне кажется, ты не должна больше здесь учиться. Наше призвание — музыка, консерватория.

Так они и решили. Однако мать Анастасии постановила: Гнедины с полпути не сворачивают: — закончившей хоть заочно свою астрофизику, получи диплом, и потом как желаете.

Снова молодые стали думать; решили в институте переходить на заочное отделение и поступать в консерваторию.

Словно жизнь заново начиналась, так счастлива была Анастасия. Шло лето 1943 года. Фронт ушел на запад, и в победе никто не сомневался. Мама и отчим снова были востребованы на работе, в доме стало веселее и сытнее. У нее был Женя, и всего одна проблема — заявление о переводе должен подписать декан.

Она специально пошла в институт утром, чтобы былолюднее, и, встретив прямо в коридоре Столетова в военной форме, изумилась:

— Аркадий Яковлевич, а вы, оказывается, капитан?

— Майор, майор, а должен был быть уже подполковником, ведь вы что думаете, фронт только там, где стреляют — в тылу еще тяжелее, — поднял он многозначительно палец, снисходительно улыбнулся; вновь отращивал свою мудреную бородку.

— Ну, заходи, заходи, — подтолкнул он ее в свой кабинет, и, на удивление Афанасьевой, демонстративно сел за свой огромный пыльный стол, заваленный бумагой, со следами от стаканов и консервов.

— Подпишите, пожалуйста, заявление, — с ходу о своем начала студентка.

— М-да, — изменился в лице декан, потом чинно постучал пальчиком по столу. — А ты знаешь, что бронь автоматически пропадает?

Только сейчас он оторвался от листка, и вновь лицо его изменилось, губы сжались, сощурился. За прошедшие полтора года Анастасия изменилась, полностью вобрала девичий сок; стала стройной, высокой красавицей, с чарующими большими карими глазами.

— Ты можешь попасть на фронт, — вновь, уже очень тихо повторил он.

— Я еще в сорок первом записалась в добровольцы. А сейчас поступаю в консерваторию.

— Чего? — Столетов встал. — Ты хочешь поменять астрофизику на какую-то песенку? Настя, что ты делаешь? — он резко вышел из-за стола, — через полтора года у тебя диплом, — уже приблизился он и, пытаясь обнять за талию, завораживающим шепотом, — еще три года — и ты кандидат наук.

Еле вырвавшись из объятий, она ушла; на следующий день пришла с отчимом. Столетов сразу же подписал заявление и, отдавая листок, заявил:

— Кстати, вскоре я тоже уйду на фронт.

— Что значит «тоже»? — оцепенел отчим.

— Ну, как вы знаете, с сегодняшнего дня у гражданки Афанасьевой нет брони.

— Она поступает на очное отделение консерватории.

— Ну-у, пока она поступит и документы дойдут до комендатуры, ха-ха-ха, может, и война кончится.

— Не знаю, то ли он ученый, то ли военный, — после встречи со Столетовым насторожен был отчим, — уж больно пакостный он тип с виду и глаза, как у крысы, плутоватые.

Эта тревога оказалась ненапрасной. Анастасия на «отлично» сдала лишь первый основной экзамен по скрипке, как пришла повестка. В те времена шутить с властью было невозможно, могли моментально посадить за дезертирство. Правда, отчим пытался чем-то помочь, взял какую-то справку из консерватории.

— Все решает комиссия, — объяснили в военкомате.

И каково же было удивление Анастасии, когда среди членов военно-медицинской комиссии, помимо врачей и трех офицеров, она увидела сидящего с боку Столетова.

Сама комиссия была сущей формальностью: стукнули по коленкам молотком, посмотрели в рот, попросили наклониться.

— Жаль такую отсылать, — не вытерпел чей-то бас.

— Годна к строевой, — был скорый вердикт.

И когда она одевалась, над перегородкой показалось довольное лицо Столетова:

— Не забудь скрипку взять. Со мной не пропадешь, будет единственное твоё занятие.

Мать рыдала, убивалась, не смогла пойти провожать. Отчим и Женя провожали ее на вокзале более суток. Их состав, будто второстепенный, уступал всем дорогу, ежечасно останавливался, и у станции Сафоново пошел на запасной путь. Среди ночи высадили, построили, и в свете прожекторов она издали, среди командного состава, увидела самого высокого Столетова, и, может, чувства ее к нему остались прежние — с оттенком презрения, однако, теперь она хотела, чтобы он ее увидел, даже стремилась попасть в его поле зрения.

Этого не произошло, женщин отвели в отдельные казармы барачного типа, около месяца муштровали по строевой подготовке, стрельбе, физкультуре. Кормили плохо, так что когда началось долгожданное распределение по назначению, изнуренная Афанасьева уже спрашивала: «не знает ли кто майора Столетова?»

Столетова никто не знал, но когда закончилось распределение, она удивилась калибровке нового подразделения — «спецвзвода особого назначения», — куда попали лица совсем не молодые, даже не армейского возраста и сложения, в основном лысые очкарики, про которых ее отчим только бы сказал — «мерзопакостные типы», и как они будут воевать? А как она будет воевать? Другие девушки медсестры, связисты, а она кто?

Ее настроение было близко к паническому, и она тайком пускала слезу, когда их взвод отдельно через весь разрушенный город повели обратно на вокзал. И здесь, издали увидав Столетова, она бросилась бы к нему, да уже знала — строй нарушать нельзя.

— Товарищ подполковник, спецвзвод особого назначения доставлен в ваше распоряжение, — доложили как положено Столетову.

Сразу же после быстрой поверки посадили в вагон. Столетова вновь не видно, да Афанасьевой стало полегче, вагон не как ранее — комфортабельный, с отдельной кухней, и ее «степенные» сослуживцы стали вольготно, не по-армейски, вести себя, и многие из них друг друга давно, оказывается, знают, и вскоре по кратким репликам Афанасьева поняла, что это в основном специалисты-реставраторы, оценщики драгоценностей и антиквариата.

Долго были в пути, мало проехали. Высадили на каком-то полустанке. С важностью командира Столе-

тов сел в черную легковушку, остальные — в крытые грузовики. Ехали почти весь день без обеда. Не раз застревали в грязи, и тогда лысым «пакостникам» пришлось потрудиться, вымазаться в болотной грязи, отчего они после долго возмущались.

На краю небольшого городка в огромном помещении бывшего завода для них уже организовали место первичной дислокации. У Столетова два заместителя. Из женщин — два повара, две технички, врач, писарь-делопроизводитель — Афанасьева; всего сорок семь человек, не считая отдельную многочисленную охрану.

На первых порах службы никакой нет, правда, реаниматоры куда-то ездили, оказывается, попали под бомбежку — один погиб, двое раненых; привезли какой-то скарб, место которому, по мнению Афанасьевой, где-либо на свалке, а тут «пакостники» поработали и доказывают — мебели более ста лет, а какой-то табурет оценен в такую сумму, что она только смеется, все списывая в инвентарный журнал.

В общем, служба оказалась не в тягость, единственное — отношения со Столетовым, и вроде они глубоко служебные, и даже если он пытается как-то к ней подойти, то она теперь весьма сурова, вновь с презрением косится на него. И потом она догадывалась, выпытывала у Столетова, но он молчал, да ее в первые же дни службы навсегда приучили.

Заместитель Столетова по политчасти что-то ей приказал, она выполнила, а он все недоволен, и она в ответ попыталась поспорить, ей трое суток ареста. Она аж засмеялась, думала, шутка. Тут же еще трое суток, взяв под козырек объявил замполит.

Буквально через полчаса явились солдаты охраны и сопроводили в обрешеченное помещение. И Афанасьева уже готова была впасть в истерику, да это

только цветочки, вскоре ее перевезли на гарнизонную гауптвахту — вот где жуть, мрак, сырость, цемент и даже сесть не на что. А матерые, здоровенные солдаты-охранники аж прыгают от восторга:

— Вот нам девку подарили! Ночью такой хор устроим. Здесь не до истерик, пискнуть она боится, забилась в цементный угол, на корточках сидит, тихо всхлипывает, маму зовет, а от холода и страха — зуб на зуб не попадает, и не знает она, когда ночь настанет — мрак, лишь лампочка в коридоре еле горит. Да ей повезло, либо так было положено или договорено, словом, к ней приставили крепкую женщину, которая, окончательно её сломив, заставила догола раздеться, забрала бушлат, пилотку, часы, ремень и хотела было сапоги, но сжалилась, обувку вернула.

Какой-то вонючей баландой кормили два раза в сутки, и только поэтому она понимала, что прошло двое суток, и она уже вконец обессилела, уже не плакала, а лишь скулила, скрючившись калачиком на холодном полу, как загремел замок — значит, надо встать по стойке смирно и ответить: «рядовая Афанасьева».

Повинуясь страху, вскочила, вдруг ноги ее обмякли и, чтобы не упасть, она отпрянула в угол, как изношенный, грязный, вонючий чулок, тихо сползла. Перед ней на корточки опустился Столетов, благоухая ароматом спиртного, жирной еды и важностью.

— Ну что, рядовая Афанасьева, — не строго, тихо заговорил он, да в голоске его приторная ухмылка, — не хочешь понять, что ты в армии, что война, надо чтить дисциплину, а при появлении старшего по званию, тем более командира, положено по стойке смирно встать.

Она не встала, еще больше обмякла, спрятал голову меж колен, пуще прежнего зарыдала.

— Ну что ж, — чуть строже голос Столетова, — слезами войну не выиграть. Надо соблюдать устав, — уже металлические струнки уловила музыкальным слухом Анастасия. — Я хотел было ходатайствовать о твоём скорейшем освобождении. Вижу, что напрасно, еще рано. А так, мы не сегодня-завтра выдвигаемся на запад, а ты, как получится, может, нас догонишь, а скорее всего, тебя направят в другую часть: служба — она везде служба.

— Нет-нет, — хотела вцепиться в него Афанасьева, однако Столетов резко вскочил, отошел в сторону.

— Ты еще ничему не научилась? Думаешь, это детская, и с тобой кто-либо будет цацкаться, — выше тон богатырского голоса. — Как надо вести при появлении командира.

Хватаясь за стенку, она с трудом встала, попыталась занять стойку «смирно» и — сильным голосом:

— Товарищ подполковник, рядовая Афанасьева...

— Отставить, — Столетов сделал шаг, издали, вытянутой рукой небрежно пальчиками схватил ее подбородок. — Мордочку, эту смазливую мордочку надо поднимать. Вот так. Сопли утри... Мне некогда. Так, забрать тебя, раскошелливаясь и кланяясь коменданту в колени, тебе оставить, как положено по... — он не окончил, лишь еще выше вздернул ее подбородок. — Я не понял.

Она ничего не могла ответить, вся дрожала, слезы ручьем текли, лишь головой мотала.

— Ну что ж, — он сделал демонстративно шаг назад, — если не хочешь по уставу, то, как говорится, давай с возу...

— Нет-нет, — прохрипела она, стала кашлять.

— По уставу, по уставу, рядовая Афанасьева.

— Как прикажете, товарищ подполковник.

Столетов вновь шагнул к ней, заложив руки за спину, ухмыляясь, прогнувшись, вглядываясь в ее лицо:

— А на скрипке будешь играть?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Ну ладно, пойду унижаться перед комендантом.

Она мечтала, что ее вскоре освободят, но время шло, и по тому, что еще дважды приносили баланду, она определила — прошли еще сутки; все тело ломило, охватил озноб, ей стало все безразлично, порой не соображала, а когда сознание прояснилось, она уже жалела, что прогнулась.

— Афанасьева, на выход, — наконец-то прозвучал приказ.

За ней явился замполит, везли сквозь ветер и морозящий дождь в открытом кузове. Прибыв в подразделение, она буквально упала.

— Что за фашизм! Какая бесчеловечность! — окружили ее со всех сторон лысые «пакостники». — Принесите аптечку, врача!

— Ей нужны тепло и покой, отведите ее в кабинет командира, — стал заботливым замполит.

— Да-да, там чисто и тепло, — поддержали все.

Так она оказалась на диване в покоях Столетова, где рядом и его кровать. Пока она болела, командир лишь изредка появлялся, даже давал советы врачу, как ее надобно внимательно лечить. А как только ей стало лучше, среди ночи Столетов заставил ее пить спирт, а потом приказ: «Ублажай!»

Эти несколько недель, пока они не снялись на новое место, были самыми отвратительными в ее жизни. Столетов, этот здоровый и сильный мужчина в расцвете лет, требовал от нее невообразимое, упивался ее молодостью, изяществом и красотой. А она с детства обучена держать данное слово, скрежеща зубами, порой сквозь рвоту, исполняла любую похотливую блажь.

А потом они переезжали дальше за линию фронта на запад, и у нее был отпуск, когда она совсем не

видела Столетова. И если раньше она на всех этих высоковозрастных сослуживцев смотрела как бы свысока, с издевкой, то теперь она принижена, все на нее обидится, даже чураются общаться, а одна повариха назвала ее «подстилкой».

Это было несноснее, чем гауптвахта, и как только завод прибыл на новое месторасположение, Афанасьева попросила у Столетова перевода в регулярные войска, на фронт.

— Пиши рапорт, — бесстрастен голос командира, и как только она написала, он аккуратно сложил листок. — Вот теперь в любое время я отправлю тебя на фронт, так сказать, «по собственному желанию». А пока служи здесь, ты у нас на воинском довольствии. И чем ты недовольна — ночью блаженствуешь, днем службы никакой.

И действительно, службы как таковой не было, они стояли где-то на болотах Белоруссии, Столетов апился, постоянно сквернословил, пил. Теперь не только ночью, а даже днем он издевался над Афанасьевой, сделав из нее обыкновенную служанку. И это продолжалось до тех пор, пока замполит по поручению командира где-то не раздобыл скрипку. Инструмент оказался не ахти какой, будто из сельского клуба, Анастасия не могла его настроить, да у Столетова слух и вкус на уровне цыганских романсов, это получилось на таком инструменте.

Командир нашел забвение в музыке и в спирте — проде угомонился. А лысые «пакостники» оказались ценителями не только древностей и богатства, многие оказались ценителями музыкального искусства. И они, когда Столетов, упившись, спал или отсутствовал, просили Афанасьеву сыграть то одно, то другое серьезное произведение, и услышав, как она без нот, на таком жалком инструменте испол-

няет, пришли буквально в восторг. И теперь длинными зимними вечерами вместо запрещенных карт в табачном дыму — музыкальные вечера, и отношение к Афанасьевой в корне изменилось, стало где-то отеческим, и под этим общим настроем сам Столетов стал к ней относиться более внимательней, теплее.

Эти сольные концерты длились недолго. Вслед за линией фронта вновь тронулись на запад, попали в восточную Пруссию, стали под Кенигсбергом, и тут началась служба. Вагонами, грузовиками, на телегах и в чемоданах стали доставлять всякие драгоценности, которые Афанасьева называла барахлом. Не только днем, даже ночью приходилось вести опись контрибуции. Работы было очень много, у Афанасьевой уже рука от ручки болела, а порой доходило до того, что ей самой приходилось наугад оценивать «барахло», а это ковры, картины, статуи, дорожки, ювелирные изделия, старинная мебель, оружие, книги и еще столько всякого, многому из которого, по мнению Афанасьевой, место на свалке.

Афанасьева думала, что «пакостники» будут довольны столь значительной нагрузкой, — оказалось совсем наоборот: «засучив рукава» они сутками корпели над «барахлом», все это разбирали, проверяли, сортировали, сами выезжали на «объекты». И Столетов изменился, с энтузиазмом следил за всем, возбужденно потирает руки и пьет теперь только шнапс и французское вино, и наверное от этого и манеры его стали для фронта изысканными, и с Афанасьевой он уже внимателен. И по ночам ему не до нее.

Почти каждую ночь командир и еще двое самых пожилых «пакостников» закрываются в кабинете, пить вино за картами, а наутро Столетов вызывает Афанасьеву:

— Анастасия, перепиши, пожалуйста, вот эти акты и эту страничку.. Хм, ошиблись старые придурки. А я из-за них могу под трибунал пойти... Хм, кстати, ты тоже на службе, не забывай, мы все материально ответственные... Так что, молчи всегда, молчи везде, и партия тебя не забудет. Впрочем, о партии. Я думаю, тебе уже пора вступить в нашу партию. Пора... Ты не соскучилась по мне? А я очень! Да, как видишь, дел невпроворот. Я тебе стал верить, даже многое доверять. В общем, мы в одной упряжке, на благо родины служим!

Еще через пару суток, ночью, он вызвал Афанасьеву, был навеселе:

— Анастасия, я во многом был с тобой не прав. Извини. Это тебе, — он накинул на ее плечи роскошную шубу, потом взял руку, сам надел кольцо с большим бриллиантом, поцеловал кисть. — Прощаешь?.. Спасибо. Только это тут держать нельзя. Завтра утром наш курьер отправляется в Москву. Дай адрес и еще что-либо, только не объемное, выбери для мамы в подарок.

Сразу она не сообразила, а потом всю ночь мучилась — брать или не брать, и как к этому отнесется мать. А потом вспомнила рассказы матери, как она после пропажи отца за бесценок продала все свои пригодины и меха, чтобы прокормить семью... И вот дочь сделает подарок. Решено.

С тех пор прошло немало времени, и Анастасия уже забыла об этом, как ее вызвал Столетов; глаза его горели:

— Что это такое? Что? — в руках от сотрясал исподлинный листок. — Видать, твоя мать такая же дура, как ты — «Шуба с чужого плеча», — стал Столетов злорадочно паясничать. — «Чужое кольцо» — «это недостойно Писидиных», — цитировал он, — «мародерство».

— Читать чужие письма, действительно, недопустимо.

— Что?! Дура! Да ты знаешь, что это такое? А если это письмо и другие читали? Ты знаешь, что это такое?

— Теперь знаю, мать объяснила.

— Что? Ах ты дура, ах ты дрянь. А я из нее хотел человека сделать, — он схватил ее за ворот бушлата и стал хлестать рукою по лицу и так, чтоб не больно, а чтоб оскорбительно было.

После этого Афанасьеву перевели в посудомойку. В те же дни готовились к переезду в Польшу.

В Польше спецзвод практически бездействовал. Страна бедная, и без того разграблена и разрушена. Столетов вновь перешел на «подножный корм» — неразбавленный спирт; вновь стал злым, нервным. Только раз за этот период позвал на ночь Афанасьеву — остался недоволен, сказал, что воняет кислыми щами. Правда, не бил, не издевался, ему не до этого, что-то его и пожилых «пакостников» беспокоит. И Афанасьева краем уха слышит, что победа не за горами, армия в Европе, и что хуже всего, создано еще несколько таких же «спецзводов» — конкуренция за контрибуцию крайне обострилась. Все вопросы решаются в Москве, а штаб особой дивизии Столетова в столицу не отпускает.

Смотрела со стороны Афанасьева, как радуют Столетов и «пакостники» о «закромах родины» и ничего не понимала. Вроде точно — настоящие «пакостники», и что им надо: «солдат спит — служба идет». Так нет, эти наоборот — фронта работ нет, безделье для них ужас, вот и мечутся, кучкуются, аж цвет лица потеряли. И раньше замечала Анастасия, что старые пожилые «пакостники» порой подсказывали командиру, как быть, а тут и вовсе, почти прилюдно, его в

штаб отсылают, мол пусть до Москвы дозвонится, не могут они в глубоком тылу сидеть.

Наконец, получилось, командирован Столетов в столицу, да эксперты и сейчас недовольны, общим поездом ехать нельзя — время деньги, война, того и гляди, скоро закончится, вроде наняли они военный самолет. Как бы там ни было, всего пять дней Столетов отсутствовал, а объявился, сразу стали готовиться к передислокации, и, обслуживая за обедом сослуживцев, ненароком слышит Афанасьева:

— Конечно, наверное, лучше было бы в Германию, да Австрия тоже неплохо.

— По крайней мере лучше, чем эта нищая Польша и Чехия тоже.

— А Венгрия как?

— Не-не, Австрия — до недавних времен империя, богатейшая европейская страна.

— Да, можно сказать, столица музыкального мира.

— Черт побери! А среди нас нет ни одного эксперта по музыкальным инструментам.

— Как-нибудь разберемся. Там дерьма не будет.

Так оно и получилось. Будто здесь и не было войны. Они расположились у границы Германии, между городами Линц и Вена, в изумительном средневековом замке Мгольдорф. И как «пакостники» мечтали, работы навалилось столько — сутками сортируй и отгружай. Да тут между экспертами впервые случился спор, и не на шутку, который ночью перерос в настоящий мордобой, и не просто так, а стенка на стенку, Столетов в воздух стрелял, тоже по физиономии получил. На следующий день тишина, все в службе, а ночью «ЧП»: один повесился, а другой почему-то в горы ходил, вроде там оступился, в ущелье упал.

Приезжала комиссия из штаба дивизии, славно справили поминки — в войну и не такое бывает.

А Афанасьева будто не на войне:

— Что ж это такое?

— Хищники добычу не поделили, — констатировала диагноз взводный врач.

Трупы где-то закопали, моментально о них забыли, и вновь закипела работа. Правда, Столетов себя не утруждает, да и как командира подразделения побеждающей армии можно утруждать, тем более в таких условиях. Великолепный замок на склоне горы, а вид! Роскошное ущелье, весна наступает, птички поют. И питание соответствующее — носится Афанасьева сутками с подносом, как бойкая домработница. И теперь, когда даже от врача чувствуется запах спирта, Столетов морщится, возмущается:

— Что за вонь климат портит? Меня от вас тошнит!

Еще бы, из соседнего городка с музыкальным названием Кремс-ап-дер-Донау через день привозится свежее пиво, но это только днем, а вечером, вечером чуть ли не званые вечера, правда, гостей нет, и не дай Бог, все скрыто, но вино, старинное марочное вино, покрытое многолетней паутиной, из прохладных подвалов замка, просто так пить нельзя — потому что не поймут, и после достойной сверхурочной службы, ближе к полуночи, Столетов и та пара пожилых «пакостников» уединяются в огромном зале, и передодетая к этому торжеству Афанасьева полностью заполняет местный колорит: исполняется «Венский вальс», «Голубой Дунай» и «Небо над Альпами».

То, что война заканчивается, чувствуется во всем, особенно в армейской дисциплине. И со временем все меньше и меньше доставляется предметов в «закрома» — каждый взвод стал «спецвзводом».

каждому оставшемуся в живых солдату хочется домой сувенир взять, а у офицеров аппетит соответственно выше.

Вновь загоревали «пакостники», решили: «если гора не идет к Магомету», — в общем, в сопровождении охраны сами стали по объектам мотаться, благо шох и художественный дар есть, и людей, приближенных к культуре и искусству, они любят и ценят, и как ни был удивлен Столетов, а в группу оценщиков включили и Афанасьеву — она должна оценивать состояние музыкальных инструментов.

В первый раз отсутствовали в замке трое суток. Как приехали, Столетов пригласил к себе Анастасию и все расспрашивал, беспокоился, увидев, что устала, сам уложил спать. Когда возвратились из второго «похода», тоже три дня, командир был с ней еще нежнее.

— Да любит он тебя, ревнует.

— Все время тебя вспоминает, — говорили Анастасии поварихи.

А Столетов заявил:

— Афанасьева по приказу и по актам — писарь-депопроизводитель, военную дисциплину воинскую надо соблюдать. Короче, нужнее здесь.

Этим Столетов, может, спас ей жизнь, потому что в очередной «поход» ее группа попала под обстрел: двоих ранило, двоих убило. Всё-таки война!

И слава Богу, что любая война, даже такая кровопролитная и затяжная, как Вторая Мировая, или как для Афанасьевой — Великая Отечественная, в конце концов завершается.

По радио услышала Анастасия эту новость, забылась и прямо в «главной книге» написала крупно — «Ура!»

Особо не праздновали: у «пакостников», как они говорят, — сезон в самом разгаре, пора последние

сливки снимать». А у Столетова и так сплошной праздник. Свою, какую-то сверхважную миссию он полностью выполнил и теперь понукает всех «пакостников», в чем-то упрекает их. А сам, в принципе, ничего не делает.

В штаб особой дивизии его и пряником не заманишь, рацию после обеда, как выпьет, выключает, мол из-за гор «фонит». Все время ходит по замку, заложив руки за спину, и больше не за службой глядит, а как замок построен — добротнo ли.

Вечером командир, ещё двое-трое — теперь уже все знают главных экспертов, уединяются в лучших апартаментах замка. Переодеваются в добротные гражданские одежды, щедро пьют, едят, слушают игру Анастасии (её одну допускают, к ней уже привыкли, доверяют — все ж дворянских кровей), обсуждают многие текущие и будущие дела и даже перспективное обустройство мира.

К полуночи расходились. Столетов уводил Анастасию в огромную спальную комнату, где размещалась расписная сказочная кровать.

— Вот так мы достойны жить! — кричал во весь голос Столетов.

Анастасия лишь пригубляла, а он опорожнял еще бутылочку ароматного вина, изрядно пьянел и позже, уже в постели, был с ней очень ласков, страстно шептал:

— Я люблю тебя, люблю! Если в Москве ситуация после войны не изменится, а военные об этом говорят, то мы с тобой переберемся в Швейцарию; до нас отсюда рукой подать... Купим вот такой замок и будем счастливо жить. Ты согласна?

— У вас ведь в Москве жена, дети?

— Фу, не напоминай мне об этой толстой дуре. Я их на две жизни обеспечил. Ты будешь моей женой

Настя, ты будешь моей женой?.. Ну что молчишь, ответь!

Она не отвечала. Он не настаивал, не грубил, с каждым разом был все внимательнее и нежнее. Ласкал с душою и постоянно рассказывал, как они после войны будут жить, спрашивал у нее советов, делился многим. А она глядела в темноту и поначалу мучилась, и не от чего-нибудь, а от того, что не могла не только сравнить, а просто вспомнить юного Женю. А в Столетову она привыкла, чувствовала некую привычность к этой силе, несмотря ни на что считала его исключительно одаренным человеком; как ни крути, а уже сама подумывала о замке, ведь она княжеских ершней, и что самое удивительное — теперь она сама влада почти: он пробудил в ней женскую страсть, и она поражалась, при видимой расслабленности Столетов, в общем, держал себя в руках, заставлял строго соблюдать воинскую дисциплину.

Как бы он накануне не пил, вставал Столетов в пижамку. Сам варил кофе и приносил его Анастасии прямо в постель, и пока пили, полукомандным тоном молвил:

— Я вчера спяну много чепухи наговорил, так что ты все это забудь.

— И про любовь тоже?

— Я о серьезном.

— Значит любовь это несерьезно?

— Рядовая Афанасьева!

— Слушаю, товарищ подполковник! — она в чем была вскочила, стала по стойке «смирно», и сама не знает, делает она это всерьез или насмехаясь над собой, над своим непонятным положением.

— Настя, ну перестань, перестань, — сильными руками обнимал ее командир, клал на кровать и после жаркого поцелуя, глядя в ее глаза. — Это не шутки.

Твое дело молчать. Молчать всегда и везде. Ты рядовой армейский писарь... А я, зная каких ты благородных кровей, просто тебе доверяю. Понятно? А теперь на службу.

Они быстро оделись в военную форму, и Столетов глядя, на свои часы:

— И еще. Быть княжной Гнединой и жить в СССР будет очень непросто.

— Я до сих пор жила.

— Во-первых, ты не жила, а существовала в нищете и в чужой комнатухе; а во-вторых, ты была юной и в особых войсках не служила, ничего не знала... Короче, Афанасьева, я тебя предупредил: служба есть служба.

И действительно, до обеда Столетов нес службу более чем исправно. Да это не Кенигсберг, хозяева в основном не разбежались, и война вроде закончилась, посему работы у спецсвода не много, и Афанасьева служит без особых потуг. И если даже командир к ней хорошо относится, то остальные перед ней просто заискивают, мелкие подарки поносят, особенно когда некий «заимствованный» инвентарь после тщательной проверки «хламом» оказывается, так что ж его в Москву отгружать, вроде здесь на свалку выкинут, а Афанасьева соответствующий акт подготовит, в «Главной книге» запись сделает. И что она, двадцатилетняя девушка, понимает, что она в жизни мыслит? Кругом ей листки комплиментами осыпают, и лишь взводный врач, немолодая женщина, оставшись наедине, ей твердит:

— Афанасьева, не будь душой, кругом жулье.

На некоторое время Афанасьева настораживается, строже запись ведет, а у «пакостников» более правильный подход:

— На нас вероломно напали. Мы выстояли, понесли много жертв и победили. Кто нас в чем может обвинить? Ведь ты, Настенька, потеряла единственного брата. Как возместить. Самим. Нельзя все на государство сваливать. Как у нас говорится — на кого-то надейся, а сам не плошай... Вот Настенька, специально для тебя, — и ей преподносят то шоколадку, то флакон духов, а то и брошь золотую.

И все же один раз у нее екнуло сердце, ей показалось, происходит что-то плохое, и у нее неожиданно тоже голос прорезался.

— А что вы этот мешок не показываете? Почему сразу в утиль?

Не только группа экспертов, а все, кто в это время был в большом оценочном зале, замерли, лишь твердые шаги Столетова нарушили это оцепенение.

— Мешок на досмотр, — гаркнул он.

Один из пожилых «пакостников» слегка дернул командира за локоть, стал что-то шептать. Столетов осмотрелся, было поздно, много пар глаз следили за ними:

— Я сказал на досмотр, — не громко повторил он, в голосе досада.

Вновь наступила тягучая тишина. Да, главный эксперт, он же замполит, не растерялся, снимая общее напряжение, он слишком наигранно, с жеманством, легко поднял мешок и, выдав какой-то непристойный к его возрасту пируэт, будто на сцене слащаво продекламировал:

— Товарищи красноармейцы! По поручению сверху, — он поднял палец, — проверка бдительности. Молодец, рядовая Афанасьева. Я думаю, в связи с Победой и достойной службой, следует ходатайствовать перед командованием о присвоении внеочередного звания «старший сержант», достойной награды и...

— Надо сразу поощрить, — крикнул кто-то из зала.
— Отдать ей мешок, — все захохотали.
— А что?! — продолжал роль главный «пакостник»,
— Устроим игру. Отгадаешь, Афанасьева, что в мешке
с трех раз — содержимое твое.

— Пусть командир слово даст, командир! — вокруг
оценочного стола собрались все.

Вся эта ситуация с самого начала касалась в первую очередь репутации командира, он как никто другой знал, что кругом, тем более в спецвойсках внедрены соглядатаи, и хотя кошки уже заскребли на душе, он выдал подобие улыбки и, подыгрывая сцене, невнятно прошамкал:

— Я согласен.

Все взоры устремились на Афанасьеву.

— А может, кот в мешке?

— Дерьмо на палочке... Афанасьева, не поддавайся на провокацию!

— Давай, давай, смелей, — кричали сослуживцы.

А Афанасьева с первой минуты, как увидела этот мешок, почему-то была очень серьезной. Ее большие откровенные глаза стали еще шире: в первую очередь она посмотрела на Столетова, потом обвела взглядом всех, осторожно, словно боясь обжечься, положила руку на мешок и тихо произнесла:

— Это скрипка, — по реакции главного эксперта, а он, будто от ужаса, прикрыл рукой рот, все оцепенели, — она задыхается!

Никто не шелохнулся. Афанасьева сама стала действовать. Под грубой, грязной мешковиной, еще мешок, да из дорогой ткани, специально сшит с ручками и пуговками. Расстегнула пуговицы, стеганая овечья шерсть, еще с запахом, среди нее футляр. Она достала — кожа на футляре местами совсем обжелтела, а внутри — скрипка.

У отчима Анастасии была хорошая, очень похожая на эту по цвету дерева скрипка. Видела она еще лучшие инструменты, даже тронуть смогла. Однако, эту скрипку трогать не надо, и так все ясно — шедевр гениального мастерства.

— Она моя! — от радости и волнения распиралась ее грудь.

— Твоя, твоя! — завопили все хором. — Только сыграй, может не работает? Уж больно стара, гляди развалится.

Она тронула пальчиками по струнам, потом очень осторожно положила инструмент на плечо, как к ребенку прижалась щекой; вначале повела смычком медленно, плавно, а потом, от этого неподражаемого звука так возгорелась сама, что все, разинув рот, будто музыка рвалась на простор, — отпрянули. А она буквально слилась со скрипкой, такая же тонкая и нежная, еще долго извивалась, закрыв в блаженстве глаза, под такт искрометной мелодии. И когда она закончила играть, румянцем зардело ее лицо, в глазах сверкающий блеск, капельки пота на лбу, струйкой по тонкой шее.

— Афанасьева, что же ты раньше так не играла? — возмущились сослуживцы.

— А на чем было играть, на гармошке сельклуба, да на нас отвечали.

— Тише вы! Пусть еще сыграет.

Она исполнила еще две мелодии, последнюю совсем тоскливую, душещипательную. Под конец, словно на концерте, исполнила грациозный поклон:

— Спасибо за внимание, — как никогда ранее, будучи в армии, сияла она. — На сегодня хватит. Такой инструмент больше использовать нельзя.

И вроде она не на службе, а взаправду на концерте, взяла все, в том числе и грязную мешковину,

пошла из зала. Кто-то неуверенно пару раз хлопнула все дружно поддержали:

— А на бис?! На бис! Bravo! Ты заслужила ее!

Больше Афанасьева быть писарем не могла, словно заслуженная артистка и хозяйка замка, выправив грациозно осанку, кумиром ходила она. А вечером, когда остались одни, Столетов поцеловал ее ручку:

— Ты очаровательное создание! — благоговейно сказал он, и чуть погодя, вкрадчивым шепотом, — Скрипка очень дорогая, надобно вернуть.

— Кому вернуть? Этим «пакостникам»?!

— О! — удивился командир. — А кто такие «пакостники»?

Она перечислила несколько фамилий.

— Что?! Ха-ха-ха! — разразился хохотом Столетов. — Ей-богу, точно. Точно «пакостники», — еще долго смеялся он, а потом, чуть успокоившись, — Надеюсь, я в их число не вхожу?

— Нет же, нет. Вы мой родной, любимый! — она нежно обняла его шею, и, целуя в щечку, сладостно по ушко, — Вы ведь прилюдно слово дали!.. Офицер!?

— она в упор глянула в его глаза.

— Это дорогая вещь, очень дорогая.

Афанасьева встала, подбоченившись, отвернулась и, будто не Столетову, а стенам:

— Гораздо дороже вещи, и не раз, я в утиль списывала, — мятеж в ее голосе и осанке.

— Отставить! — вскочил командир, нервно дернул китель.

Этот окрик, огромная нависшая фигура, вернула Афанасьеву в реальность. По стойке «смирно» она не стала, не смогла, наоборот, вся сникла, испуганно прикрыла голову рукой, и все же не по-армейски ответила:

— Простите. Больше такого не произнесу, — подавленно прошептала она. — Как прикажете.

Тяжело вздохнув, Столетов надолго уставился в потолок. Потом, выкурив подряд две папиросы, долго ходил по комнате, заложив, как обычно, руки за спину. Однако это была не та поступь, что он хаживал по коридору института. Даже победа его не воодушевляла, груз какой-то ответственности ссутулил его, посеребрил виски: было видно, он на распутье, не знает какое решение принять.

— Настенька, — когда он был добр, так он ее называл. — Ты хочешь иметь эту скрипку?

Ей показалось, что это вопрос Деда Мороза в русской народной сказке:

— Если это возможно, то очень хочу.

— Ты хоть представляешь, сколько она стоит?

— Она бесценна, — шмыгнула она носом, как ребенок утерла слезы. — И, конечно, иметь ее я недостойна. Ведь хозяин у нее где-то есть.

Снова Столетов тяжело вздохнул:

— Только ты и достойна ее иметь, — больше ничего не сказав, он вышел.

Она знала, что в соседней комнате, как обычно, его ждут главные «пакостники», и если стали громче обычного говорить, значит спор — идет торг. Вскоре Столетов вернулся весь багровый, злой.

— Не только «пакостники», а... — он очень грубо проматерился. — Ты знаешь сколько я за эту скрипку и тебя уступил?

Она молчала... Теперь торг, и не вещами, начавшийся здесь.

— Так, Афанасьева. Слушай меня внимательно. Скрипка отныне твоя — ты отныне и навсегда моя. Договорились?

Рядовая не имеет права не договариваться с подполковником.

— Так точно, — по стойке «смирно» попыталась встать она.

— Не-е-ет, — подошел вплотную Столетов, выдыхая аромат вина, схватил ее за плечи, слегка трухнул.

— Ты слово дай, как княжна Гнедина.

Она очень долго молчала, все ниже и ниже опускала голову, понимая, что и без скрипки итог войны для нее был бы не иной:

— Даю, — унылым шепотом.

Она думала, что отныне стала рабыней, получила наоборот; она делала все, что хотела, Столетов молча все это поощрял, а сам был как никогда ранее угрюм, задумчив, где-то далеко витал. И вот в один вечер он усадил Афанасьеву напротив себя и, судя по его сморщенному, постаревшему лицу, она поняла — он с трудом принял какое-то решение.

— На днях будет машина, ты и... — он назвал фамилии двух главных «пакостников», — отправляетесь в Швейцарию.

— Как? А мама? — не сдержалась Анастасия.

— Маму еще увидишь. А сейчас ты в армии; приказы не обсуждают, а исполняют. Понятно, рядовая Афанасьева?

— Так точно.

— В общем, ты под видом перебежчицы уходишь, потом будешь выполнять наши задания.

— А вы?

— Через два-три месяца я выйду на тебя, будем жить, наверное, в Лондоне.

— А мама? — вновь она о своем.

— Маму скоро увидишь... Никому ни слова. Ни маме, ни тем более, как ты их называешь? Ха-ха, этим «пакостникам». Понятно?

— Так точно.

— Отставить. Теперь ты вроде гражданский человек, хотя служить отечеству придется всю жизнь, — он закурил. — Далее. Завтра отправишься в город, купишь

одежду такую, как носят местные фрау. И возьми теплые вещи; последний переход будет через горы Альпы, а там, говорят, еще снег.

— А скрипка?

— С собой можешь взять всего одну поклажу. Хочешь, скрипку сохраню у себя.

— Нет, возьму с собой.

— Как хочешь... Только остерегайся «пакостников»; они на нее, да и на тебя, глаза, по-моему, навострили.

— И вы меня в эту компанию?

Он в упор, исподлобья, уставился на нее:

— Служба такая, — со свистом, тоскливо выдохнул он.

— Служба, которая имеет дело с людьми, не брезгующими изменой.

— А? Что? — рассеяно спросил Столетов.

Она не продолжила тему. На следующий день, без какой-либо охраны, сама отправилась в город, а вернулась к вечеру — в подразделении переносилок одна группа попала под обстрел, много убитых, а два самых главных «пакостника», приятели командира, вовсе исчезли, слух — захвачены в плен. А Столетов у себя заперся, лишь Афанасьеву впустил, изрядно пьян, глаза на выкате — красные, гневные.

— Обвели, как мальчишку обвели — сволочи! У-у-у! — он с бешеной силой ударил кулаком по массивному столу, так что все разлетелось. — Найду! Обязательно обоих найду, растерзаю твоих «мерзонакостников», — и он бросился на Афанасьеву.

Столетова вызвали в штаб дивизии, говорили, что лишился уже присвоенного звания полковник и орден на «Славы». Спецвзвод тоже отозвали в распоряжение дивизии, расформировали. Афанасьеву опреде-

шли в женскую роту, и оказалось, что именно женская рота первой возвращается на Родину.

Счастью Анастасии не было предела. Столетова видеть она не хотела, и лишь, когда объявили, через два дня отправка, она подумала: надо бы попрощаться. И, словно угадав ее желание, в роте объявился один из рядовых «пакостников».

— Афанасьева, Столетов тебя вызывает.

Ее повезли на машине, недолго, всего минут десять от части. В лесу, на склоне горы, у маленькой шустрой речки — небольшой, аккуратненький, как все у немцев, домик, далее что-то вроде баньки, там валит дым. Во дворе солдаты-узбеки готовят в большом казане плов, здесь же рядом на вертеле жарится поросенок. И первым, кого она увидела, — Столетов: трезв, все пуговицы застегнуты, как по Уставу, несет поднос с едой.

— Афанасьева! Настя, ты? — он чуть не уронил поднос, положил ее прямо на землю, и, отводя ее в сторону: — Как ты сюда попала?.. Вот гады, вот паскуды! Беги, беги быстрее по той дороге, там часть — и не высовывайся...

— Столетов. Подполковник, — хмельной голос за его спиной. — С кем ты там скрытно от начальства обнищала? А-а! Вот она, Шехерезада Столетова! Вот с кем он забавлялся, пока нас вокруг носа не обвели.

— А что, недурственна, недурственна, — появился в шкелях другой генерал.

— А скрипку взяла?

— Пригласите даму за стол! — из маленького домика вывалило много генералов и полковников.

— А Столетов не дурак.

— Вот такие наши девки! А местных видели? Ужас!

— Я сказал вам: русскую женщину, советского войска-победителя на почетное место, за стол.

— Столетов, бегом в часть за скрипкой.

— Эх, гульнем напоследок... Водки, наливай!

За столом, который и без плова и поросенка уже ломился от яств, все было более-менее чинно, благопристойно, если не считать непрекращающегося мата. Афанасьеву заставили «до дна» выпить «За Победу!», «За Родину и Сталина!» и «За советских женщин!» Больше она не пила и не могла, опьянела как никогда, ведь стаканы граненые.

В какой-то момент она искала и расспрашивала Столетова. Прямо за столом отключилась. Чутьочку очнулась, когда ее тащили в баню... Ночью какой-то офицер буквально «прополоскал» ее в студеной горной реке, отвел в часть.

Утром Афанасьева не смогла встать: все тело болит, озноб, голова болит.

— Так ей и надо, шлюха, — крикнула взводная повариха. — Пока на скрипке играла, столько народного добра гады растаскали.

— А ну, замолчи! Пошла отсюда, — вступилась взводный доктор. — На тебя никто не позарится — вот и трещишь понапрасну... Расступитесь, — склонилась она над Афанасьевой и осмотрев всю. — Ей нужна срочная госпитализация. Может быть, гематома головного мозга.

Когда Афанасьеву положили на носилки, она ухватилась за руку докторши:

— А скрипка где? — хрипло прошамкала она.

Та склонилась, и на самое ухо:

— Вчера шмон был, твой мешок забрали. Тогда же Столетов объявился, тоже скрипку спрашивал. С ними ушел.

Афанасьевой стало еще хуже, будто вконец всю душу истоптали.

Она была последняя, кого в этом госпитале опе

рировали. И ей еще повезло: ее хирург, главврач госпиталя, распорядился свою пациентку поместить в медпоезд, чтобы всю дорогу до Москвы была под наблюдением.

В первых числах июля 1945 года, бледная, совершенно лысая, она предстала перед родными. Несколько дней не выходила на улицу, почему-то не смела. Матери рассказала почти все — плакала. Отчиму рассказывала о своей скрипке. Он не верил, при помощи разбитой стремянки лез в антресоли, вытянувшись на цыпочки, с трудом доставал далеко припрятанный футляр, оттуда скрипку, долго любовался, глядел, потом сам играл, просил Анастасию, и все спрашивал:

— Неужели у той звук был лучше?.. Жаль, жаль, хоть бы раз увидеть, поиграть.

Можно сказать, в первый раз она улыбнулась, даже беззаботно засмеялась, когда появился Женя. Он и сумел вывести ее в город. Москва, столица победившей державы, ликовала. И она тоже хотела ликовать, расслабиться, веселиться — ведь сколько об этом она на службе мечтала. Но ничего у нее не получалось, что-то терзало, довлело над ней, неумедные искренние поцелуи и ухаживания Жени ей теперь казались подростковой чистотой. Женя был счастливым человеком, он остался там же: если не в горочестве, то в юности точно, лишь в музыкальном деле он рос, а жизни не знал. Милый, добрый, благоуханный Женя ей, конечно же, нравился, и, следуя пожеланиям матери, другого и не надо, но кто бы знал, как ей с ним скучно; ну поболтать, чуть-чуть посмеяться, погулять, и самой чувствовать себя как мать, вечно инфантильного Женю опекать, оберегать — нет, никак не может. Она сама фактически выросла без отца, всю жизнь мечтала об отце, о род-

ной силе, которая ее бы вырастила, хранила, повела бы по жизни за собой и далее в светлый путь. А Женя? Женя славный малый, и на его просьбы «пожениться» она снисходительно улыбается, понимает — скоро скажет «да», тем более, что ее мать настаивает на помолвке, с венчанием, с соблюдением всех православных традиций.

Женя на все согласен, так он любит Анастасию. Вот только родители Жени о помолвке и слышать не хотят, они атеисты, коммунисты, и вообще из какой древности эта Анастасия Афанасьева и ее мать и куда смотрят компетентные органы?

Словом, мир испокон веков полон этих мирских противоречий, и не дай Бог иных. Так Анастасия жила в обыденную жизнь, как пришла повестка о властью шутить нельзя. В сопровождении отчима, со знакомым трепетом в груди, явилась она в комендатуру, а там ей улыбаются, поздравляют:

— В Вашу честь, в честь фронтовиков, в Вашем родном институте, откуда Вы уходили на фронт, будет торжественный вечер, ждите сюрпризов.

Сюрприз она ждала. Как к особому событию стала готовиться к вечеру, и главная забота — найти подходящий платок: надо скрыть шрам на голове, сюрприз Столетова. И этой интригой она захвачена — как поведет себя бывший командир. Интриги не получилось, Столетова не было, о нем у Афанасьевой спрашивали, а толков было всяких — от того, что сослан в Магадан, до того, что на дипработе в Америке. И в то, и в другое Афанасьева верила — первого он заслуживал, ко второму стремился.

А сам вечер хоть и был по-большевистски организован, от того несколько вычурный, скучный, да все же сюрпризами, особенно, для Афанасьевой, был богат. Оказывается, пока их спецзвезд мотался с мис-

та на место, за ней не успевали награды. А теперь она гвардии старший сержант, кавалер многих орденов и медалей.

— И главное, товарищи, — пламенно кричал какой-то полковник, верно, тыловая крыса, видать, тоже «пакостник». — В последние дни войны, при штурме Берлина, у самого логова Гитлера, советский воин-освободитель — эта славная, смелая девушка была тяжело ранена в голову.

Такого сюрприза она никак не ждала. Без всяких отговорок ректорат постановил, что Афанасьева уже является студенткой выпускного курса, отличница, что близко к истине, и ее портрет отныне и во века будет висеть на Доске Почета. Браво!

В эти же дни выяснилось, что Афанасьева ушла добровольцем на фронт из стен консерватории, будучи студенткой второго курса. В консерватории, понятное дело, люди иные, и вечер был более раскрепощенным, действительно праздничным, с шутками и музыкой. И Афанасьева уже по иному подготовилась: отчим, скрепя сердце, свою скрипку дал, весь вечер охранял, то ли падчерицу, то ли свой инструмент. А после вечера, когда Афанасьеву, не из-за исполнения, а ради скрипки, обступили, отчим через головы молил:

— Не трожьте скрипку. Пожалуйста!.. Настенька, нельзя столько эксплуатировать инструмент, он давно свое отыграл.

— Да, действительно, — поддержала его какая-то толстая женщина, одетая в военную форму, далекая от музыки и консерватории, зато большевистского толка, — Это, видать, редкий экспонат. Почему не в музей, не общенародная собственность? Что за мелкособственничество! Мещанство!

У отчима от ужаса рот раскрылся, глаза на лоб полезли; растолкав всех, он грубо выхватил у Ана-

стасии скрипку и бежал. Лишь поздно ночью объявился дома, извинился перед падчерицей; жене, на всякий случай, объяснил: скрипка, наследственная реликвия в их роду, спрятана на подмосковной даче друга.

Однако судьба решила не оставлять эту приверженную музыке и искусству семью без достойного инструмента.

На следующий день после торжества в консерватории Анастасия с Женей ходили на вечерний киносеанс. Вернулась Анастасия домой поздно, а родные еще не спят – смятение в их лицах.

– Вот, доченька, – руки у отчима дрожат, – приходил какой-то импозантный, как иностранец, мужчина; просил тебе передать... Мы не выдержали, раскрыли. Смотри, я и играть не решаюсь.

Первый порыв – бесконечная радость. Она целовала и обнимала свою скрипку. А когда начала играть, отчим от восхищения аж сел. С трепетом попросил дать и ему попробовать, но только чуть-чуть:

– Такого звучания у нас в стране нет, – выдал он в удивлении, потом, до глубокой ночи, он с помощью лупы исследовал каждый миллиметр скрипки, обнаружил два клейма, – и стонущим шепотом:

– Настенька, такую вещь держать в доме нельзя. Это...

– Это моя скрипка, – перебила его Анастасия, как обыденную вещь взяла, стала упаковывать: шел было как и прежде – футляр, прошитый шерстью мешок и сверху грязная мешковина.

– Да, Настенька, я забыл, – от потрясения отчим буквально постарел на глазах, – вот этот листок был в футляре.

На редкой по тем временам лощеной бумаге крупно: «музыка – слово».

— Что это значит? — поинтересовалась мать.

— Не знаю, — спрятала глаза дочь.

Этот мешок спрятали на ту же антресоль и еще забаррикадировали всяким хламом. Эту ночь никто не спал. А на следующий день отчим с утра отправился в архивы.

— Это скрипка Мальдини. Спору нет, — шепотом, словно их подслушивают, говорил он, пребывая еще в большем страхе. — Такую вещь в доме держать нельзя. Это музейная редкость. За такую ценность войны бывают.

— Война и была. А за что мы воевали? — стала нахрапистой Анастасия.

— Надо ее вернуть, либо отдать государству, — бесполомился отчим.

— Вот свою и отдайте, — взбунтовалась падчерица.

— Вещь ворованная, надо отдать, — наконец вступилась и мать.

— Я ее не воровала! — закричала дочь. — Я ее честно послужила, заработала, завоевала! Посмотрите, вот, — она в гневе сорвала косынку. — А показать вам остальное?! Показать остальные раны, которые никто не видит! Они во мне! Во мне! Я ее заслужила!

В судорожной истерии она бросилась к антресоли, раскидав все, достала мешок:

— Я уйду от вас, уйду! Даже скрипка вам мешает.

Чуть ли не на коленях умоляя, ее удержали, еле уложили спать, а на утро, виновато, отчим снова о том же:

— Может, мешок тоже туда, на дачу.

— Нет! — вскричала Анастасия, второпях достала скрипку и как стала играть; такая душа, такой звук, и так они слились, и такое очарование, такая трогательная, щемящая тоска, будто что-то навсегда улетает, так, что у всех слезы навернулись.

— На этом инструменте иного и не выдашь. Давай, пожалуйста, и мне сыграть, — попросил отчим. Потом мать.

Больше споров не было. Зато каждый день, только по утрам, чтобы городской шум заглушал звуки, поочередно играли, получая невероятное упоение даже от прикосновения к такому инструменту..

Записку, присланную Столетовым, Анастасия сразу же выкинула. Теперь о данном когда-то «слове» и речи не могло быть. Да, Столетов был ее первым и единственным мужчиной. Он ей был симпатичен, и более того, даже сейчас, нет-нет, да и вспоминает она его с женской истомой. Но о данном «слове», о какой-то верности и речи быть не может после случая с генералами. И, конечно, она понимает, что тогда подполковник Столетов был в принципе никто, сам ходил с подносом в прислуге. Да это ничего не меняет, захотел бы — смог бы как-нибудь ей помочь, а то бежал, зато скрипку не забыл; и хорошо, что доставил, — значит совесть еще есть, и если бы записку не приложил, быть может, добрыми однополчанами они остались бы. А так. Нет, о «слове» и речи нет. И видеть она это не желает, да тут приснился сон: она в замке со Столетовым. Ноги сами повели ее в институт, узнала адрес бывшего декана, два дня все выслеживала во дворе. Пару раз видела жену и повзрослевших детей Столетова. И как рассказали ей бабушки-соседки, сам Столетов важная птица, то ли военный атташе, то ли посол, то ли черт знает что, словом, из заморских стран редко навевывается.

В общем, как мужчина Столетов оказывает на Афанасьеву свое влияние, во всяком случае явственно в снах, но как человек он давно причислен к категории «пакостников»; и как и должно было быть, со временем фронтовые тяготы позабылись, остались в

прошлом, а Анастасия вновь окрепла, вобрала в себя цвет и сочность девичьей красоты. И теперь не только Женя, но еще несколько парней пытаются за ней ухаживать.

— Только Женя, — настаивает мать, и желая скорейшей свадьбы, самому Жене говорит: — Так, молодой человек, ты или женись на моей дочери, или оставь в покое, а эти «шуры-муры» мне не нужны. Моя дочь уже не ребенок. Пора замуж. Но без моего благословения и церковного венчания моя дочь детей не родит.

Под таким напором будущей тещи, Женя буквально «уломал» своих родителей — дали они благословение, правда в Подмоскowie, где в заброшенном селе еще сохранилось подобие действующей церкви; они не поехали, послали бабушку.

В июне 1946 года Женя и Анастасия сдали выпускные экзамены, уже готовились к свадьбе, как пришла повестка в следственный комитет военной прокуратуры на имя Афанасьевой Анастасии Тихоновны, в качестве свидетеля.

Кто бы знал, какой страх охватил Анастасию, она вспоминала ужас гауптвахты и не могла ни есть, ни спать. Допрос был не долгим, чисто формальным, и вопросы просты: где служила, кем и с кем? Какие награды, поощрения и замечания? Впрочем, следовательно и без нее все это знал, попросил расписаться и отпустил.

Вроде все улеглось. Да промежуточный итог есть: родители Жени, ее суженого, заявили — «на нормальных советских людей, тем более молодых девушек, повестки не приходят», и «чего можно ожидать от церковного мракобесия?» А сам Женя даже до прокуратуры ее не проводил, у него, оказывается, срочное прослушивание.

По инициативе Анастасии решили со свадьбой повременить, хотя Женя каждый день приходил и со слезами на глазах объяснялся ей в любви; и оказалось, не зря. Через месяц после первой пришла вторая повестка, сходу ей предъявили ордер на арест. Она только плакала, все дрожала.

Первые же допросы все обозначили — перед ней положили теперь уже до боли знакомую военную документацию: акты, опись матценностей, журнал прихода и расхода, «Главная книга», где она в день победы написала «Ура!». Победа оказалась не за ней. И она сперва хотела было рассказать все, что помнит и не помнит, все начистоту. Но удивительное дело, как только она указывает, что выполняла приказ командира Столетова, ей говорят: «это несущественно» — и уводят речь к тем сослуживцам, которых по их рангу можно назвать «мелкопакопостниками», и она поняла, что арестовали ее, писаря-делопроизводителя, двух простых счетоводов и еще может кого из мелких, словом, стрелочников нашли, все грехи на них повесят, а об остальных, самых главных, даже не упоминают.

После месяца отсидки оклемалась Анастасия в тюрьме, решила сочинять письма-жалобы во все инстанции, вплоть до Сталина, невзирая на то, дойдут они или нет. И тут случилось неожиданное: разрешение на свидание с матерью. Мрачная, сырая комната, кругом решетки, слабый свет, женщина-надзиратель рядом горой стоит.

— Это как? — один из первых был вопрос дочери.

Мать сразу поняла, вопрос о скрипке.

— Поменяли местами. Гм, гм, — кашлянула она, — был обыск. Забрали отчима инструмент, некоторые письма и фотографии... Кроме нескольких фото, все уже вернули... Настя, был этот, высокий мужчина.

— Столетов?

— Тише, доченька... Это он организовал свидание и передачи тебе. Просит не писать и молчать: «ничего не помнишь». Обещал, что так будет всем лучше.

— Кому «лучше»? Мне светит десять лет! Я в лучшем случае выйду в тридцать три года, старухой. А они будут шиковать по Европам, за счет меня! А за что? За что?

— Доченька, не знаю, сама не знаю, — плачет мать.

— Господи, что же мне делать? Как мне быть?

Только сейчас Анастасия увидела — за месяц с небольшим ее мать сдала, осунулась, явно постарела. Анастасия через силу в кулак собрала свою волю, не то мать загнать недолго.

— Мамочка! Да ты что? — выдавила она улыбку. — Успокойся. Я не виновна. Разберутся и меня отпустят.

— А может... это лучше отдать? — снова вопрос о скринке.

— Ни в коем случае! — сурово лицо дочери, — это ничего не интересует, — и снова, выдавив подобие улыбки.

— Ты лучше побереги себя. Подумай, что я буду без тебя делать? Ты ведь у меня одна-единственная!.. Лучше расскажи, как там Женя?

Мать склонила голову, пряча выплаканные глаза:

— Хорошо, тебе привет передает. Хм-хм, почти каждый день у нас бывает. На работу в Госконцерт устроился.

Больше Анастасия жалоб не писала, на допросах, в основном, молчала, говорила, все забыла. Видимо, это и следователя устраивало. Во всяком случае вскоре состоялся суд. Учитывая, что «Афанасьева А.Т., 1925 г. рождения, имеет фронтовые награды, поощрения, ранение... осудить на пять лет лагерей с правом переписки раз в месяц».

«Почему же Женя мне не пишет?» — жаловалась Анастасия матери в одном из первых писем.

«Дорогая доченька! — отвечала мать. — Женя постоянно в разъездах с гастрольями. Но он тебя любит, постоянно о тебе справляется... И ты знай, вы с ним обвенчаны перед Богом, он твой суженый. Фундаментом вашего законного брака должен стать долг, стержнем — взаимное доверие и уважение, а главной целью — продолжение рода, освященное Богом! Аминь!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

у, золотой, вставай. Пора. Сегодня у нас очень ответственный день. Надо еще разок порепетировать, ведь иностранные гости будут, — Анастасия Тихоновна бережно будила Мальчика, с чувством чмокнула пролежень на розовенькой щечке. Мальчик с лендой сел на кровати, сонно зевнул. В это время тяжело скрипнула входная дверь, кто-то заволновался в коридоре.

— Роза, ты? — настороженно спросила бабушка.

Вот видишь, тетя Роза уже пришла, нам свежей водички принесла. Сейчас умоемся, зубки почистим и, пока чайник вскипит, повторим репертуар.

— Мне не нравится плелюдия Сола, — несколько капризно сказал Мальчик, — слишком грустная, как та ночь.

— Не Сола, а Соре, р-р-р, как трактор, — на ходу пыталась поучать бабушка, в это время зашла Роза, сняв с головы платок, не глядя кинув его на диван, она, сняв, склонилась над Мальчиком, тоже поцеловала.

— От тебя класиво пахнет, — пробасил Мальчик.

— Да? — заискрились глаза Розы.

— Про запах «красиво» не говорят, — опять исправила бабушка, потом махнула рукой. — Да, у него свое мышление.

— А на улице действительно красиво — весна! — Роза в восторге потянулась. — Будто и нет войны... Давайте на окне клеенку чуточку разрежем, как форточку, воздух освежим.

— Ночью снова стлеляли, — недовольно проворчал Мальчик.

— Вот! Это твои друзья: Бага да Голова — всю ночь тут в войнушку играют, — возмутилась Роза. — Ты ведь их просил не стрелять.

— Плосил, — насупился Мальчик. — Но они говорят, что лады моего будущего воюют.

— Ой-ой! Какие защитники! — недовольно подбоченилась Роза. — Знаем мы их «заботу»! Те-то ладно, — она небрежно махнула рукой в сторону, где находился российский блок-пост, — а этот вроде наш, Бага, что вытнюрчет? Знаем мы этих «защитников». Кто действительно защищал — либо погиб, либо в горы подался. А...

— Ладно, ладно, не заводись, — перебила ее бабушка. — Мальчик, давай вставай, время с утра летит, идика в ванную, — если нужна буду — позовешь, — и когда Мальчик скрылся в ванной, она полупшепотом, будто их подслушивают: — Странное дело, тебе вчера забыла сказать. Возвращаемся мы с Мальчиком накануне. И не напрямую — там лужа после дождя, а под арку, — и что ты думаешь, покуривая, мирно стоят два бородача — с черной Бага, с рыжей — сержант с блокпоста, заместитель Головачева. Нас увидели, сквозь зубы проматерились и вместе ушли.

— Ой, ой, ой! Вам повезло, что Мальчик был. А то могли, — и она в страхе даже рот прикрыла.

— Сама понимаю. Только не пойму, что у них общего, ведь, вроде...

— В том-то и дело, что «вроде». А на самом деле так называемые наши вашим всякую травку и таблетки поставляют, а те взамен оружие — вот и «воюют» до утра.

— Так ведь они всю ночь друг в друга стреляют, убить могут.

— Просто так — для видимости, свою деятельность обозначают; конечно, за вознаграждение. Пока. А будет приказ, мы уже это проходили, с остервенением друг на друга пойдут и нас заодно перекосят.

— Боже! Не говори! — в волнении сжимая иссохшие руки, заходила Анастасия Тихоновна по комнате, внося тему. — Чайник вскипел? Надо еще воду подогреть, а то скоро свет отключат.

— Сегодня в центре не отключат — гости, концерт.

— От них что угодно жди... Мальчик, — голос у нее стал мягче, — ну, давай побыстрее.

Из ванной появился Мальчик. Его васильковые бирюгисто-нежные глаза уже пробудились, искрились озорством:

— Шоколадку когда? — с капризом в баске.

— Шоколадку после кашки и чая, — постановила бабушка, прижала к себе Мальчика, прикрыв глаза, внюхалась в аромат его золотисто-курчавых пушистых волос и поглаживанием взъерошила их. — Скоро мне по самое плечо будешь.

— Да, явно подрос, — тут же рядом очутилась Роза.

— Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, — сплюнула бабушка, сделала жест, словно перекрестилась.

— Да-да, — умиление исчезло с лица Розы и она что-то прошептала на чеченском.

— Пока завтрак готовится, надо позаниматься, — требовательный голос бабушки. Поставив у разбитого серванта скрипящий табурет, она сверху осторожно

достала футляр, будто на нем пыль слегка сдунула, мягко погладила и, уже доставая скрипку: — Вот память. Сколько раз в руки беру, сразу мать и отчима вспоминаю, — глубоко вздохнув, тяжело села на край дивана, уставилась в одну точку, явно что-то вспоминающая, и из-под ее толстых линз по огрубевшей щеке, застревая в морщинах, потекла скупая старческая слеза.

— Вы плачете? — приблизился к ней Мальчик, взял за руки. — Вам плохо?

— Нет, — она как-то виновато улыбнулась. — Разве мне может быть плохо с тобой?!

— А отчего плачете? — как только он умел, стал Мальчик пристально вглядываться в ее глаза.

Бабушка попыталась отвести взгляд, поняв, что бесполезно, сняла очки, протерла глаза и сдержанно-спокойным шепотом:

— Думала, скрипку отчима некому будет передать по наследству, думала, пропадет, а тебя мне Бог послал, — и вставая, уже твердым голосом. — Надо все передать, надо заниматься.

Довольно быстрыми движениями она достала из угла грубо сделанный из дерева самодельный пюпитр. Поставив на него большую пережившую жарь войну нотную тетрадь, стала торопливо перелистывать:

— Вот, пожалуй, начнем с этой гаммы. Она придаст нашим пальчикам гибкость. Поиграй пока со, чтобы руки «разогреть».

Взяв скрипку, Мальчик моментально изменился: стал серьезным, вытянул худую спину, как учила бабушка, какая-то грациозность появилась в его фигуре. Он принялся старательно выводить каждую ноту.

— А теперь всё то же самое на полтона ниже. Да нет же, я сказала «на полтона», а ты берешь си бемоль, — руководила бабушка. — Еще разок. Ну, что же ты!

Играй. Не жалея себя. Это упражнение следует повторить помногу раз. Ну, вот так, та-а-к...

Но Мальчик уже отвел смычок:

— Я не могу это играть — очень грустно. А на улице весна, надо что-нибудь ладостное.

У бабушки прямо плечи сникли, она почему-то озадаченно посмотрела на Розу и, видимо, не найдя поддержки:

— Ну, тогда играй что хочешь... Только запомни: чтобы стать настоящим музыкантом, надо много и усердно упражняться... И, пожалуйста, играй не по памяти, а по нотам. Та-а-к, — она снова стала листать тетрадь.

— Возмись хотя бы за Баха. Тебе следует его подучить.

Полился плавный, чистый насыщенный жизнью шук.

— Ровнее, ровнее, — поправляла его бабушка. — Ровное, спокойное и насыщенное звучание, все звуки сильные, яркие, глубокие... Сто-о-оп! Переход на кульминацию должен быть куда значительнее. Возьми еще раз из-за такта... Не задерживай смычок на «ре»... оторвись, решительнее оторвись от предыдущей фразы... Вот так... Теперь каденция... А здесь можно и помягче. Легче-легче, еще легче... Т-с-с, совсем тихонечко.

— Bravo! — захолопала Роза.

— Но-но, — предостерегающе подняла палец бабушка. — До « bravo » еще далеко — работать надо, — вроде строг ее голос, а на лице довольство родителя.

Она вновь стала листать тетрадь:

— Тебе нужно много и упорно заниматься, — не уставала повторять она, в то время как Мальчик и Роза заговорщицки перемигивались. — Давай-ка Корелли, дружок. Начали, и... — Мальчик обожал

«Жигу» и потому заиграл на сей раз с каким-то особым воодушевлением. А старая учительница внимательно вслушивалась в хорошо знакомое звучание скрипки, вновь и вновь поражаясь удивительным способностям своего любимца: глубине и необычайной зрелости исполнения, невероятной для его возраста виртуозности владения инструментом. — Бой мой, неужели ему суждено достичь вершин мастерства, стать знаменитым, — размышляла она, равномерно раскачиваясь всем телом в такт музыки. — А Мальчик все играл и играл, проворно перебирая сложные пассажи ловкими почти крошечными пальчиками.

Потом репетировали «Вариации». Здесь дело явно не шло.

— Ты все забыл. Где твоё портаменто? Я не слышу портаменто, — сердито объяснялась Анастасия со своим учеником на непонятном для Розы языке. — А это, по-твоему, арпеджио?.. А ну, дай покажу, — она взяла скрипку, повела смычком, Мальчик слегка улыбнулся.

— Посмотри-ка на него, — беззлобно возмутилась бабушка. — Уже над учителем посмеивается... Пальцы не те, не сгибаются, не слушаются, а мелодии тонкость нужна — и ума, и слуха, и души, и рук.

Еще и еще заставляла повторять Анастасия Тихоновна сложный фрагмент. И так продолжалось до тех пор, пока сама ни сдалась и, устало опустившись на стул, ни произнесла: — Хватит! Сегодня это не идет. Давай лучше Вивальди учить, он как будто ближе к весне.

Но и этим исполнением бабушка осталась недовольной.

— Ну, все, — скомандовала она. — С утра устал, пора подкрепиться.

От разнообразия стол не страдал. Обе женщины смотрели не в свои тарелки, а как ест Мальчик, все пытались ему подложить.

— Ну, еще вот этот бутербродик, и шоколадку с чаем можно, — уговаривали они его.

За чаем разгорелся спор о репертуаре предстоящих выступлений.

— Лезгинку надо включить, — живо настаивала Рода.

— Бабушка не любит, когда я без нот иглаю, — тушево заметил Мальчик.

— Без нот нельзя: вдруг забудешь мелодию, вдруг остановишься. В концерте подобное недопустимо, — противилась Анастасия Тихоновна, как внезапно, подпытывающее глянув на Мальчика, спросила: — А что, может попробуешь поимпровизировать?

Мальчик нерешительно улыбнулся.

— Твой папа ведь любил лезгинку, — вдруг ляпнула Рода.

Наступила неловкая пауза. Даже послышалось, как тяжело плотнул Мальчик. Нарушая суровую тишину, он медленно, не по-детски вздыхая, встал, бережно взял инструмент:

— Для Папы и Мамы, — тихо промолвил он, положил скрипку на плечо и только коснулся щекой корпуса, как явно изменился, даже повзрослел, и глаза потускнели, прикрылись.

Начал он тихо, медленно, печально, так, что душная тоска сжала всем грудь, а потом была жалоба — паневная, щемящая, тающая в звуках кавказской мелодии. Вдруг заторопился смычок, страстностью, известной лишь скрипачу-виртуозу, озарилось лицо Мальчика, он весь задрожал в зажигательном ритме лезгинки; мелодия стала бурной, мятежной, огненной, — так, что зажгла женщин. У Анастасии Тихо-

новны очки поползли вниз, вот-вот упадут, она в волнении сжала кулаки, вся напряглась, поддалась вперед. А Роза стала в такт постукивать по столу и так прониклась исполнением, что сама запела на родном языке всем знакомый мотив. Мальчик тем временем совсем разошелся: играл почти иступленно, неистово, импровизируя с небывалым для юного музыканта воодушевлением... Внезапно и близко послышались выстрелы.

Мелодия прекратилась, все взгляды к окну, а оттуда восторженные крики, хлопки, весна. Роза осторожно выглянула, истерически хохотнула, а вслед встревожено закричала:

— Прекратите, идиоты. Убирайтесь!

— Почему Мальчик на самом интересном месте перестал? — с улицы хриплый голос Баги.

— Убирайтесь! Под носом у блок-поста гарцевать стали.

— Мы у себя дома, — кичливый тон, — и когда хотим и где хотим танцуем.

— Ба-ба-ба-ба! — рядом тяжело застрочил пулемет.

Роза бросилась под подоконник, видимо ударилась о чугунный, давно нетопленный радиатор, тихо заскулила:

— Вот дряни! — обращалась она уже к бабушке, которая теперь тоже лежала на полу, укрыв собой Мальчика.

В этом положении они еще находились некоторое время, ожидая продолжения перестрелки. Благо на сей раз вроде обошлось, и они стали спешно готовить Мальчика. Это было очень важное выступление, которое, как и два предыдущих, должно было состояться в актовом зале «СевКавпроекта», где сейчас располагалось правительство.

— Говорят, и центральное телевидение будет, — возбужденно говорила Роза, перед небольшим зеркалом обихаживая свою прическу.

— Конечно, будет, ведь иностранные гости, — в очередь лицеизреть себя стояла и бабушка, держа в руках уже подсохшую губную помаду.

Розу не впустили в здание, милиция не выписывает пропуск.

— Тогда и я не пойду, — встал в позу Мальчик.

С особой тщательностью Розу осмотрели, впустили.

— Вот! Вот настоящее и будущее Чечни! — прокричал репортер, десятки камер устремились на них. — Это Анастасия Афанасьевна — преподаватель музыкальной школы. Скажите, пожалуйста, сколько у вас в школе обучается музыке детей?

— А в Грозном уже давно нет музыкальной школы, одно название может быть.

— Это вырежьте, уберите, — закричала какая-то красивая женщина, не из местных, видимо редактор.

Тем не менее бабушке задали еще несколько вопросов, и том смысле, что жизнь в Грозном безусловно улучшается. Затем и у Розы взяли интервью, и даже у Мальчика.

Бабушка и Роза сильно волновались, а Мальчик наоборот, был невозмутим, с детской непосредственностью он вышел на сцену и к ужасу Анастасии Тихоновны полностью изменил ранее оговоренный репертуар и даже лезгинку не сыграл. Все равно зал аплодировал стоя, просил исполнить на «бис».

— Чудо, чудо! — восторгалась Роза.

— Не, не, не то, — недовольна бабушка, — он утром перегорел, выплеснул все эмоции и силы.

Мальчика все хвалили, гладили по головке, даже целовали. Подарили много подарков, даже деньги в конверте, и главное — телевизор.

Уезжали с концерта на военной машине, представленной высоким начальством из Москвы. Сопровождающие офицеры с любезностью сами донесли подарки до квартиры, а там — дверь раскурочена, в квартире все перевернуто.

— Здесь сегодня утром была вылазка боевиков, — пояснил военный. — Видимо, после этого зачистка.

— Вот дряни! — любимую фразу вновь выдала Роза.

— Вы это о ком? — удивился один из офицеров.

Роза не ответила, сконфуженно склонила голову, бабушка натужно кашлянула в кулак.

— Это о всех, кто носит олужие, — вмешался, поясняя, Мальчик.

— Гм, зря, зря, — грубее стал голос военного. — Мы с добром, для вашего же блага.

— А вы тогда мой телевизол установите, — лишь о своем думал Мальчик, — вот будет благо!

— Телевизор? — озадаченно спросил офицер, почему-то насупившись, надолго уставился в свои часы.

— Ничего не надо, мы сами все сделаем, — несвойственной скороговоркой вмешалась Анастасия Тихоновна, и, словно провожая, она явно стала теснить военных к выходу. — Спасибо вам большое! Как бы мы без вас все это донесли?! — любезностью блеснули ее очки.

— Гм, да, — военный сделал шаг к выходу и вдруг остановился. — Ради Мальчика все, что угодно, сделай бы. Но времени в обрез: нам надо сопровождать иностранцев. Служба! — развел он руками, уже вышел в подъезд и, вновь остановившись, небрежным махом руки подозвал бабушку и, думая, что никто больше не слышит, командным шепотом. — Неужели этот Мальчик чеченец?

Афанасьева ничего не могла ответить, этот вопрос просто вогнал ее в конфуз, так что рот самопроизвольно широко раскрылся, верхняя вставная челюсть чуть не выпала, она поперхнулась, боязливо отпрянула и все-таки попыталась сказать: «извините, пожалуйста».

— Всегда пожалуйста! — гаркнул офицер и буквально припрыжку скрылся из виду.

Потирая шею, будто получила увесистый подзатыльник, бабушка вернулась в «перевернутую» квартиру, села рядом с Розой на диван, так же, как и она утонула в потрескавшийся лак паркета, обеими руками поддерживая отяжелевшую за жизнь голову.

— Так когда ж мы начнем устанавливать телевизор? — о своем продолжал Мальчик. — Я так долго хотел иметь телевизор. Навелное, мультик уже заканчивается.

— Нам ныть нельзя, — горестно вздыхая, после небольшой паузы постановила бабушка. — Мы обязаны, несмотря ни на что, Мальчика вырастить, вывести в люди... Если б не он, что бы я делала? Одинокая старость — страшное горе! Иди сюда, золотой мой, — она его крепко обняла, поцеловала, улыбнулась так, что даже морщины сгладились на лице. И Роза не увержалась, сразу же оживилась, тоже потянулась к Мальчику.

— Ну, мы будем телевизор доставать? А вдруг меня уже показывают.

— О-о! — как ужаленные вскочили женщины.

— Антенны нет, — как физик руководила процессом бабушка, — Роза, принеси из той комнаты проводку.

Когда установили телевизор, оказалось самого главного нет — электричества. (Это по просьбе Мальчика командир блок-поста, капитан Голова-

чев, в обход всех инструкций самовольно провел проводку до квартиры. А так бы жили они в потемках.)

— Как теперь быть? — не шуточная потеря.

— Я пойду на пост, — решил Мальчик, и пока женщины испуганно переглядывались, — Вас они все лавно не послушают, даже не подпустят. А нам свет нужен — чай согреть, и пилочки с валеньем, и главное — телевизол.

— Мы за тобой из окна будем смотреть. Ты не выдерживайся, — зная, что Мальчик не отступит от своего, заботилась бабушка.

Выскочил Мальчик во двор: тепло, весна щедро берет свое. Солнышко уже клонилось к закату, чуть потускло, но все равно с озорством заглянуло в лицо Мальчика. В редких ветвях раскуроченных выстрелами тополей спорят воробьи, радость, что пролетела первая муха, в луже купаются пушистые облака, и что он видит: на месте, где разбит асфальт, появилась травка, такая тоненькая, нежная, застенчивая. Он сел рядом, погладил:

— Какая ты маленькая... ой, даже остлая. Холошо, что ты вылосла. Вместе будем все лето жить. Летом холошо, и звезд больше видно. А зимой плохо: все время тучи, оттого папа и мама ко мне не плилетают, — он пальчиком гладил травинку. — А мне телевизол подавили! Да, такой большой, цветной. Сейчас я буду пилочки есть и мультик смотреть... Ой, совсем забыл, света нет.

Он хотел было тронуться, да вновь присел:

— Тлавушка, юная, а где ж твои папа и мама? Ты совсем одинокая, тоже клуглая силота. Но ничего, скоро много тлавы выластет, и у тебя будут доблая бабушка и Лоза... А летом, я велю, к нам с тобой обязательно папа и мама плилетят. Они на самой класи-

вой звезде, там лай... шоколад и мороженое, и никто не стелляет... Да... Ой, ты, навелное, голодная и пить хочешь. Я сейчас тебе водички плинесу.

Он побежал к ближайшей луже, зачерпнул щедро в ладошки.

— Мальчик, что ты делаешь? Выходной костюм! И пальчики беречь надо! — из разбитого оконного проема, откуда улетел шарик, кричит бабушка.

На блок-посту тишина, никаких пробок, досмотров, — в городе иностранные гости, так что приказ чин чин, вот и поборов нет; трезвые, злые.

— Эй, мальчуган, здоров, — кричит сержант, — ты что это вырядился как жених, аль Роза иль бабка замуж выходят?

На это Мальчик ничего не ответил, даже не поздоровался, сразу перешел к делу:

— Мне капитан Голочев нужен.

— Не Голочев, а Головачев, уже не маленький, пора знать.

— Так они командиру кликуху дали — Голова, подошел еще один военный.

— Да, башка, — процедил сержант, смачно сплюнул.

— Позовите, пожалуйста, командила, — чуть ли не по стойке смирно вытянулся Мальчик.

— Свет отключили, сразу прибежал. Что ж ты для этих козлов на скрипке играешь, а здесь и свет и хлеб берешь?

— На концелте гости были.

— Я не о концелте, а об этих бородатых козлах говорю.

— Так у вас тоже болода.

— Ха-ха-ха, — захохотали военные.

— Вот паршивец, твою мать, — страшно выругался сержант.

— У моей мамы папа есть, — нахмурился Мальчик, исподлобья глядит. — А папа мой тоже милиционер, и у него тоже автомат есть.

— Вот волчонок, уже зубастый. А ну вали отсюда, пока я добрый.

— Я тут живу, папу-маму жду, валить мне больше некуда, — совсем напрягся Мальчик, пару шажков сделал спиной, а потом, боязливо оглядываясь, боком стал отступать.

— Отставить! Мальчик, здравствуй, ты куда? — из железобетонного помещения появился капитан Головачев — высокий, выбритый, в отличие от подчиненных, подтянутый.

Как родного, он обнял Мальчика, нагнувшись, поцеловал.

— Повзрослел, — гладил он его курчашки. — Что ж ты так долго не объявлялся?

— Концелты, каждый день лепетилуем, — бодрее стал голос Мальчика.

— Наслышан, наслышан о твоих успехах.

— Да, мне сегодня вот такой телевизол подалили, — и он по всю ширь развел ручонки. — А света нет, вы ублали.

— Здесь сегодня зачистка была. Настоящий бой.

— Этих козлов прямо в подвале гранатами закидали, — вмешался сержант. — Наверняка всех уложили, мать их...

Командир лишь искоса глянул на сержанта, тот умолк.

— А провода лично комендант города перерезал; бдлзал, логово боевиков освещаем, — оправдывался капитан.

— Нечего было козлам на скрипке играть, — вновь выступил сержант, закуривая сигарету.

— Я для козлов не иглаю, — полушепотом, да твердо ответил Мальчик.

— Во дает, вот чему эта бабка его учит! — взмахивая руками придвинулся сержант, увидев взгляд командира, чуть отошел.

— Бабушка Учитал учит меня только доблу. А иглаю я для всех людей... холоших людей.

— Вот и сыграй для нас, — говорливей всех тот же сержант. — Принеси скрипку и сыграй: обещаю, свет будет. А так — приказ коменданта.

Мальчик пристально, в упор взгляделся в командира, не дождавшись какой-либо нужной реакции, побежал, на ходу крича:

— Я сейчас со склипкой велнусь.

Во дворе он остановился. Солнце совсем склонилось, стало прохладней. Тени от близлежащих руин так зловеще удлиннились, что прикрыли молодую травинку — ее совсем не видно. Он присел, легонько тронул побег.

— Я и для тебя сыглаю.

— Мальчик! Ну что так долго? — голос бабушки из окна.

Вскоре он вновь прибежал на блок-пост, капитана не видно.

— Бабушка инструмент не дает — семейная реликвия. Сама идти не может: больная, устала, — задыхаясь, торопливо отчитывался Мальчик. — А вот, сколько стемнеет, будет тишина, я вам с балкона сколько хотите сыглаю.

— На войне как на войне, — вновь первым словом взял сержант, — не дает скрипку, старая карга, — не даем свет — баста!

— А телевизол?! — совсем дрогнул голос Мальчика. — А чай и плитку?.. Лоза на пилочки тесто замесила.

— Вот и прекрасно! Ты на скрипке играй, бабка пусть тебя учит, пока не околеет — пора, а Роза пусть

гесто месит, вкуснее будет. А свет, зачем вам свет? Свет только там, где мы. А вам никогда более света не видать.

— Неплавда! Неплавда! — как и тело, задрожал голос Мальчика, аж привычный басок пропал. — Я сегодня залаботал конвелт денгег. Я-я, — уже заиваясь, пустив слезы, — я буду учиться иглать, еще лучше иглать, получу целый мешок денег, у нас будет свет, и мы с бабушкой и Лозой постлоим здесь новый, светлый «Детский мил», самый лучший в миле!

— Ой, небось бабка вновь сказки болтает.

— Бабушка Учитал, и не болтает, а говорит... что у нас будет «Детский мил», лучше, чем даже в Волгогладе.

— Это там, где ты в колонии сидел?

— Я не сидел — иногда в углу стоял.

— Вот там бы, со своей бабкой, и оставался бы.

— Лучше бы вы там оставались.

— Ах ты, звереныш! — сержант хотел было схватить мальчишку за ухо, тот увернулся, стал убежать. — Стоять! Кому говорю, стоять! — одиночный выстрел автомата в воздух; Мальчик с испугу упал.

— Отставить! — услышал Мальчик громовой голос капитана, и непривычный из его уст мат.

— Мальчик! Мальчик! — изо всех сил бежала Роза, упрямая, облокотившись о стенку одной рукой, другой сжимая грудь, вглядывалась бабушка.

Роза, бегло оглядев Мальчика, бросилась в сторону сержанта и, не доходя пару шагов, сотрясая кулаками:

— Что ты от ребенка хочешь? Почему ты стреляешь? С такими, как сам, воюй!

— С кем надо воюю. Вот сегодня Багу замочили, будешь много болтать, и тебя...

— А-а-а! — в бешенстве кинулась на него Роза, и оказалась такой крепкой, что сержант не мог с ней справиться. Военные их растащили.

— Ах ты шлюха! — хватался сержант за автомат.

— Ты дрянь, анахист, а породившая тебя мать — шлюха! — отвечала разошедшаяся Роза.

Проезжающие мимо блок-поста машины остановились, толпа местных людей обступила скандалистов.

— Роза, уймись, успокойся! — обняв Мальчика, изо всех сил пищала наконец подоспевшая Анастасия Тихоновна. — Хоть о ребенке подумай!

— Разойтись, проезжайте! — заорал капитан Головачев. — А ты пошел вон, — ткнул он в плечо своего сержанта, и когда, с уходом последнего, страсти улеглись, подошел к Мальчику, с виной в тоне: — В семь комендантский час — свет подам, но только до утра.

Даже в восемь света нет, зато пирожки поспели — Роза дровяную печь затопила, и вместе со светом керосинки по всей округе аромат мирской выпечки. Правда, здесь печаль, и не из-за света и скандала:

— Бага-Бага, дурак, — вновь и вновь шепчет Роза, слезу тайком стирает, чтоб Мальчик не видел.

— Да, совсем молодой, ему бы жить да жить. Бахвальство сгубило, — сокрушается бабушка.

А Мальчик поглощен своим:

— Вот сколо и «спокойной ночи» плойдет, а свет не дают... Ластопили, жалко, — он выходит на балкон, с немим упреком, даже завистью, недолго поглядел в сторону блок-поста, где рыжим пламенем горели прожектора.

— Мальчик, зайди, там опасно, — забеспокоилась женщины.

Он не ответил, любовался иным миром. Весенняя ночь над Грозным была прохладной, слегка уны-

лой, зачаровывающей. На темно-синем, бездонном небе множество манящих звезд; на востоке уже всплыла спелая, сочная луна; на юге, куда, отходя от их дома, уходила вдаль улица Ленина, игристая стайка серебряных облаков, и, словно подпирая их, остроконечные фосфоритовые вершины Кавказских гор. И такая пугливая тишина, даже пробудившейся по песне на перекатах Сунжи не слышно, все залито лунной истомой, ночная блажь, мир замер, ожидая весны творения. И казалось, в природе наступил покой, полная гармония и понимание, если бы не те рыжие языки пламени с блок-поста, что теперь рокут взгляд Мальчика, вроде хотят сжечь идиллию жизни.

И почему-то в этот самый момент захотелось Мальчику сыграть на скрипке, и не в комнате, в каморке стен, а на балконе, на просторе, чтобы мушкетер в унисон этой сказочной лунной ночи понеслась по всему городу, по всей Чечне, до самых снежных гор, и оттуда взметнулась к звездам, где ждут его юна родители.

Решительными движениями он вернулся в квартиру, бережно достал из футляра инструмент.

— Мальчик, ты что? — встрепенулась было Роза, но бабушка, увидев странный блеск его глаз, Розу одернула.

Вновь выйдя на балкон, старательно приладив скрипку, он поднял смычок, как бы призывая мир к еще большей тишине, и сам так застыл, еще раз вслушавшись, только ноздри слегка вздулись, внюхивают аромат цветения, а вопрошающие, широко раскрытые глаза устремляют взгляд то к луне, то к горам, то к звездам, словно перед ним раскрылась тайна нот беззвучной ночи, и он начал тихо, плавно, убаюкивающе, в такт спокойной лунной ночи.

— «Тоска по Кавказу» Ганаева, — прошептала бабушка.

— В депортации написана, — сказала Роза и затаила дыхание.

А мелодия все лилась и действительно то была тоска, цепенящее уныние разбитого, разграбленного города, и так стало тяжело, беспросветно, что женщины, не имея более сил терпеть, горько заплакали, и в их слезах не только общая печаль, но и потаенное личное горе.

— Эй, Мальчик, хватит тоску нагонять, и без тебя тошно, — закричали с блок-поста.

Женщины встрепенулись, видели, что Мальчик не среагировал на злобный окрик, да мелодия явно встрепенулась; началась импровизация — мелизмы, или украшения, расцвечивающие, орнаментирующие основную мелодию.

— Хватит брэнчать! Кому говорю! — вновь крик, и вдруг автоматная очередь, видимо, в воздух.

С криком ужаса бросились женщины на балкон, как ни сопротивлялся Мальчик, его затащили в квартиру, и когда отпустили, он будто оковы скинул, вытянулся, неожиданно для женщин встал в вызывающую позу, и в свете мерцающей керосинки и тлеющих углей то ли он сам, то ли его плавающая в полу-мраке тень, стала явно взрослой, даже мужской.

— Я плошу вас, — уже не детский басок, а подростковый охрип появился в его тоне, — позволить мне сыграть еще одну композицию.

— Играй здесь, — почти хором взмолились женщины.

— Нет, я обещал капитану сыграть на балконе.

— Все равно свет не дадут, и уже поздно.

— А мне их свет и не нужен... Как и в нашей скатке, у нас будет свой свет, свое солнце.

— Мальчик, дорогой! — хотела было дотронуться до него Роза, да как-то странно убрала руку, не посмев. Еще жалобней продолжила. — Ведь то сказка, а ты видишь, ты ведь сам теперь знаешь, и очень жестока и коварна.

— Знаю, — твердо сказал он, — но сделать сказку былью моя задача, — таинственно сверкнули его глаза, он перевел взгляд на бабушку. — Ведь так вы меня учили, Бабушка Учитель?

Никто ему не ответил, лишь в печи треснула головешка, полетели искры на пол, но это никого не тронуло, другой, более яростный и упорный огонь подражающей жизни разгорался и начинал полыхать прямо под глазами.

— Я уже не маленький, чтоб сказкам велить. Однако, как говолиться, — сказка ложь, да в ней намек, — он вроде усмехнулся. — Конечно, я знаю, что мои подданные сюда уже не велнутся. Но я велю, что они где-то есть и меня видят, на меня надеются. И я уверен, сколько смогу, буду жить здесь, буду ждать их здесь, и лаз они по ночам, хотя бы во сне, плиходят ко мне, я должен их достойно встлечать. И когда-нибудь мы вместе постлоим здесь новый «Детский мил», новый голод, новый свет!

В этот момент то ли специально, то ли случайно, но пальцем тронул верхнюю струну. Раздался четкий, звонкий пульсирующий высокий звук.

— Я обязан сыграть на балконе одну мелодию, — безапелляционно заявил он.

— Но ты уже сыграл, — не унимались женщины.

— Ту я сыграл для нашего несчастного голода, тот самый действительно Грозный, прежде всего для нас, — он впервые четко выговорил «р» и вместе с этим сделал твердый шаг в сторону балкона, остановился. — а эту, именно с балкона, я хочу послать папе

и маме, чтоб они услышали, ко мне ночью прилетели... и еще, — он глубоко вздохнул, — посвящая Бага. Как бы там не было, он любил меня.

С этими словами он уже беспрепятственно ступил ногой на балкон, и через порожек, слегка обернувшись, как показалось в свете луны, уже по-детски, добро улыбнувшись, поднял торжественно вверх скрипку и смычок, и прежним родным баском:

— Вот наше оружие! С музыкой в руках и в мыслях надо жить, а не воевать!

Вновь над ночным городом полилась нежная, ласковая мелодия, но не тоскливая, как прежде, а с огоньком, с задором, со стихией!

— Прелюдия Шахбулатова, — вроде для себя прошептала бабушка.

— Лезгинка! — поддалась азарту Роза.

В это время искрометная трель, кульминация, понеслась вихрем музыка! И что все слышат?

— Хорс-тох! — прямо под ними кто-то гарцует, видимо один, сам себе хлопает, Мальчику подбадривает, кричит.

— Бага!? — обалдела Роза.

— Ба-ба-ба! — застрочил с блок-поста крупнокалиберный пулемет.

По привычке женщины рухнули на пол. И лишь после этого уловили — скрипка разрывается в неистовом порыве, и это уже не мелодия, а настоящий бунт. И танец под балконом продолжается, вопль стоит, и на фоне пулеметного — хилые выстрелы из пистолета.

Мгновенно пригнувшись, женщины бросились на балкон. Роза буквально на руках внесла Мальчику. На сей раз он не противился — весь дрожал, словно в продолжении ритма лезгинки тело его сотрясалось, он был в холодном поту. Сам лег на кровать, свернул

ся калачиком. Женщины укрыли его одеялом, и, потрясенные, еще долго стояли в виноватой позе над ним, пока он не успокоился, и вроде заснул, как вдруг ослепительно вспыхнула лампочка. Мальчик сквозь закрытые веки зажмурился, перевернулся на другой бок, и еле слышно:

— Уберите их свет.

Вскоре он заснул. Его сон был беспокойным: он опять вспотел, что-то бормоча, постоянно пытался сбросить одеяло.

— Что же с ним? Неужели заболел? — трогала его любик Роза.

— День у него был тяжелый, эмоциональный — не выдержал нагрузки.

— А как он изменился, не по годам повзрослел.

— Еще бы, — печален голос бабушки, — столько повидал, пережил... Здесь фронт — год за три.

В подтверждение этого вновь застрочил пулемет, где-то далеко что-то взорвалось, а над городом повис нарастающий гул самолета-разведчика, так что кле-тка на окне задрожала от вибрации.

— Надо его вывезти, насильно, — словно в прозре-нии оживилась Роза.

— Давно пора. Да сам не поедет... Боюсь, нанесем еще большую травму, — Анастасия Тихоновна тяжело опустилась на диван. — Поверь моему опыту: этот ребенок — как национальное достояние; таких раз в сто лет Бог народу посылает.

— Дала! — взмолилась Роза, на родном попросила для Мальчика долгих, счастливых лет жизни, и переи-то ни русский: — Как быстро он освоил скрипку?! Просто чудеса!

— В том-то и дело: уникальный ребенок, талант.

— Правда, и вы с ним немало возитесь. Можно сказать, круглые сутки.

— Да, других соблазнов у нас нет; скрипка — единственная радость, а у него божественный музыкальный дар... Вот теперь телевизор будет его отвлекать.

— Может, проверим телевизор, включим? — предложила Роза.

— Мальчика разбудим. Да и устала я, день суматошный был.

— Здесь все дни суматошные, — Роза осторожно закрывала балкон, — и мне завтра на работу. Давайте спать.

Задули керосинку, легли. Над городом странная, давящая тишина. Лунный свет заглянул в окно, пошел по полу прямо к кровати Мальчика, осветил его лицо. Он сквозь сон стал что-то оживленно бормотать, задергался, и вдруг залился искрящимся, чистым счастливым смехом, да таким, что бабушка и Роза никогда такого от него не слышали. А Мальчик, все смеясь, неожиданно встал, и ничего не задумав, прямо по лунному свету пошел к балкону, у самой двери остановился, хотел было развернуться, и тут женщины четко услышали:

— Скрипку не брать? Там все есть?... Лечу! — и он ухватился за ручку балкона, дернул... Первой подошла Роза, они уложили его на большую кровать, меду собой, держа за обе руки. А он сквозь сон все рывком куда-то, просил отпустить, пока жалобно не застонал, стал плакать, сопеть. Женщины пытались сонного Мальчика успокоить, сами в растерянности плакали, пока он окончательно не затих.

А лунный свет тем временем заполз и на эту кровать, и вновь к лицу Мальчика, и вновь он улыбнулся, стал что-то невнятно бормотать.

— Роза, завесь одеялом окно, — мистически прошептала бабушка.

В комнате воцарился мрак, гробовая тишина, а потом — шорох, страшные шаги в подъезде, во входную металлическую дверь тихо постучали. Они вздрогнули, сильнее обняли Мальчика. Стук повторился. Роза осторожно встала, стала шарить у печи, выискивая топор.

— Роза, это я, Бага, — наконец заговорили за дверью. — Открой, я ранен... Помоги.

Вскоре, при свете керосинки, в соседней комнате Роза обрабатывала окровавленное плечо.

— Ой-ой! Больно, — сетовал раненый.

— А откуда ты узнал о «зачистке»? — по ходу выуживала медсестра.

— Мир не без добрых людей, — пытался бравадовать Бага.

— Это на блок-посту?

— Хе, на блок-посту одни пешки, менты. А у нас... как это в мире называется? О, да, глобализация! — Он здоровой рукой постучал по нагрудному карману, откуда торчала антенна рации. — И у нас глобальная связь, даже с Москвой.

— Вот и позвони в Москву, чтоб нас не бомбили.

— Ну, я-то звонить не могу, но иногда получается дослушать.

— И что они говорят?

— Худо дело, война им, видно, нужна, ой-ой! — он зыркнул.

— Так всюду твердят, что войне конец и Грозный деактивировать будут.

— Брехня! Вам бы отсюда уйти пора. Да знаю, Мальчик не уйдет, — он тяжело вздохнул. — Как играть научился, особенно лезгинку, — не удержишься.

— А что ж ты даже раненый гарцуешь?

— На зло!

— Дурак ты, Бага, — с сожалением вздохнула Роза.
— Жить-то надо не «на зло», а в добро.

— Ой-ой, наслушалась старушечьих, христианских сказок. А Мальчика совсем испортили, — знаешь, что находящаяся в соседней комнате бабушка по-чеченски не понимает, говорил он.

— Чем же мы его испортили? — рассердилась Роза, ткнула чуть сильнее тампоном.

— А-а! — застонал Бага. — Да я пошутил. Вижу, как возитесь с ним... А бабка упертая — быстро научила его играть, — тут он отчего-то кашлянул, и уже иным, с нотками враждебности, тоном: — А вот с Носом она, конечно, перегнула. Ведь наши ученые доказали, что от пророка Ноха произошли мы, нохчи¹, и ...

— Какие «ученые»? — перебила его Роза и как заливлась смехом! — Ха-ха-ха, ну ты, Бага, точно дурень!

— Роза! — в темном дверном проеме появилась Анастасия Тихоновна. — На всю округу слышно! Да и Мальчик спит.

Быстро закончив перевязку, выпроваживая Багу уже в подъезде, Роза говорила:

— Завтра к обеду вернусь из больницы с медикаментами, надо как следует обработать рану при свете дня. Только как тебя позвать?

— Пусть Мальчик сыграет наш гимн! — хорохорился стым голосом.

— Ваш гимн, как и ваши ученые, — чуть не прибилась смехом она, и в догонку: — Мальчик сыграет до гинку.

С зарею Роза ходила несколько раз на Сунжу за водой, потом мыла подъезд от следов крови. Как и договаривались, в тот день и на следующий она обрабатывала Баге рану. А еще через сутки, до зари, в пе

¹ *Нохчи* (чеченск.) — самоназвание чеченцев.

квартиру грубо постучались, требовали открыть по-русски. Дабы дверь не взломали, Анастасия Тихонова открыла: военные в черных масках ворвались, ни слова не проронив, грубо схватили Розу и под истерический вой Мальчика и вопрошание бабушки потащили в подъезд, и уже на улице один, сжалившись над старушкой, бросил:

— За пособничество боевикам.

В то же утро, взяв с собой Мальчика и скрипку в футляре — все свое состояние, — Анастасия Тихонова ринулась за помощью в больницу, где работала Роза. Потом в милицию, в комендатуру, на военную базу в Ханкалу — все бесполезно, ее даже близко к объектам не подпускают, везде охрана — никаких следов, никто о Розе не слышал, не знает, не ведает.

А в городе, почти каждую ночь, вот так же, не известно кто, людей из домов забирает — многие бесследно исчезают, какие-то истерзанные трупы за окрестной столицей случайно находят. Некоторые трупы родственникам продают. В общем — война, лес рубят — щепки летят.

Через три дня поисков силы бабушки иссякли, и не знает она — куда еще идти, что еще делать? — как к ним прямо на квартиру явился капитан Головачев, с подарками для Мальчика.

— Что-то скрипки совсем на слышно, — пытался шутить он, видя, что здесь не до музыки. — Здесь вся техника ходит без номеров, но через мой пост, и я многое знаю. БТРы, что увезли Розу, принадлежат, — и он назвал одну из спецслужб России, — и они дислоцируются на территории таксопарка.

В тот же день, к вечеру, были у таксопарка. Здесь та же картина — никого и близко не подпускают, и спросить не у кого — лишь изредка из ворот грязная бронетехника выезжает, на ней военные, и в масках и

без них, да все одинаковые, словно на одно лицо. Как-то странно, бесчувственно смотрят они на бабушку с ребенком, газанув, обдают их копотью дизеля, — вот и весь ответ на вопрос.

Уже в потемках, усталые, вернулись они ни с чем домой; собирались спать, да вновь гость — Бага.

— Если знаете, где примерно Роза, то полдела уже сделано. А в этом бардаке, на территории этой республики вам могут помочь только иностранные представители.

— Так я играл для них на концерте, — воскликнул Мальчик.

— Вот и еще сыграй, — как обычно не унывает Бага. — И что вы в трауре? Включите свет, включите телевизор, играйте на скрипке, — только так здесь можно выжить.

На следующее утро, видя что к представителю от Совета Европы тоже близко не подпускают, бабушка, доставая скрипку из футляра, заметила:

— А Бага вовсе не дурак. Я бы и не догадалась. А ну-ка, Мальчик, играй, да погромче, и то же самое, что на концерте, чтобы вспомнили нас.

После первых же аккордов, из-за высокого железобетонного забора с колючей проволокой, выскочили двое охранников в морской форме, сжалившись над музыкантом, кинули в футляр по десять рублей:

— А теперь отчаливай, — потребовали они.

— Я не попрошайка, — глядя исподлобья, уперев Мальчик, — к иностранцам пустите.

А ну, проваливайте, да поживее, — это уже в бабушке.

— Да-да, — Анастасия Тихоновна засуетилась, делая вид, что они уходят, и как только охранники скрылись за забором, они вновь вернулись. — Давай,

быстрее, повеселее, и погромче, — стала дирижировать она.

Опять выскочила охрана, да Мальчик не унимался, пытался играть, бабушка его загоразивала, началась перебранка. Дело в самом центре Грозного, сразу собрался народ.

— Уже и на скрипке играть нельзя?! — крикнул кто-то.

— Да они ненормальные, музыку не слышали.

— Оставьте ребенка и старушку в покое, — разгорался скандал.

— Играй, играй, Мальчик! — чуть ли не орала бабушка.

В итоге концерт, сопровождаемый нешуточным противостоянием, состоялся, искусство взяло свое — появился импозантный молодой человек, с явной камерской внешностью. Мальчика узнали, признали, пригласили с бабушкой в апартаменты.

— Сделаем все, что можем, — нервно теребя седящую бородку, говорил важный представитель Совета Европы. — А Мальчик одаренный... его бы отсюда в Европу. Я могу помочь.

— Это не надо. Вы туда лучше моего друга Диму возьмите, — стал захлеб говорить Мальчик, вспомнив детдом, где он находится. — А мы к вам, в Европу, с концертами будем приезжать. Правда, бабушка?

— Правда, золотой! — скрывая слезу, ответила Анастасия Тихоновна.

— Так ведь здесь невозможно жить, — искренне заболтался представитель Европы.

— Можно, можно, — отстаивал свое Мальчик. — В детдоме гораздо хуже, и папа с мамой там меня не навещали.

— А где они? — удивился дипломат.

Бабушка в растерянности отвела печальный взгляд.

— Они ждут, пока мы построим новый «Детский мир», — с искрящимся азартом в глазах отвечал Мальчик, — а мы должны жить, здесь жить! Играть на скрипке и жить, и даже в сказке так.

— В какой сказке? — совсем недоумевая, обратился дипломат к бабушке, и не дождавшись ответа. — Да, здесь как в сказке, точнее, как в кошмарном сне... А народ живет, значит, будет жить, раз такие дети есть!

— Да, живет, — невесело ответила Анастасия Тихоновна, и уже покинув представительство, поглаживая головку Мальчика, она про себя подумала: «Надо выживать!»

С этой мыслью они отправились на базар, как никогда прежде щедро отоварились, после обеда, как обычно, долго репетировали, вечером у Мальчика бананы, шоколад, мультики по телевизору, и уже собирались спать — прямо под окнами, в этот поздний час шум двигателя.

— Роза, — прошептал Мальчик. И действительно, в подъезде шаги, стук, появилась Роза или ее тень в платье изодрано, всюду синяки, а в глазах ноющая тоска.

— Мальчик, бабушка! Думала, больше не увижу, — не своим голосом прошепелявила она, тихо зарыдала, в бессилии повалилась на кровать, как-то блаженно ухмыльнулась — передних зубов нет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

полне понятно, что раз Афанасьева Анастасия Тихоновна, хотя и в полувоенном Грозном еще жила, то какой-то почтовый адрес у нее должен был быть. Однако ни она, ни Роза этого адреса, естественно, не знали, даже о существовании почты в разрушенном городе не подозревали, а тут почтальон с уведомлением; оказывается на республиканском телевидении, куда первоначально поступил запрос из Москвы, сообщили точные координаты бабушки.

Некто Зайцев Николай Евгеньевич случайно увидел Афанасьеву по центральному телевидению, проявил настойчивость, разыскал, и даже в Грозный, в фактически чужую квартиру, принадлежавшую Мальчику, поступило письмо на имя бабушки.

В отличие от многих старушек, Афанасьева не любила вспоминать свое прошлое, особенно молодость. Да на сей раз она напрягла свою память, как ни старалась, а однокурсника по московской консерватории Зайцева вспомнить не смогла. На памяти был лишь один — Зверев Женя, некогда обрученный с ней, но его она уже давно попыталась позабыть, слишком много страданий доставил он ей.

Содержание письма, набранного на допотопной ручной машине, вроде было деликатным, даже теплым, но оно сквозило туманностью, недосказанностью, и не раз, не два — нижайшая просьба ответить, приехать, так как сам приехать в Грозный корреспондент просто боится.

И хотя это письмо было абсолютно приветливым, какое-то чувство, и не то что волнение, а некая брезгливость овладела Афанасьевой. Конечно, как человек благовоспитанный, она на корреспонденцию должна ответить, но не письмом, писем она давно не писала, тем более незнакомому человеку, а есть контактный телефон.

Пошла на единственный в Грозном переговорный пункт, выстояла длинную очередь, думала, средь двояряд ли кто на домашнем телефоне будет, — она ответа не получит, и на этом ее миссия закончится. Однако трубку сразу же подняли, и с первых же слов она его узнала — едва заметная старческая хрипловатость не смогла скрыть явный пожизненный фальцет.

— Женя, Зверев? — удивилась Анастасия Тихоновна.

— Да, да, это я! Как хорошо, что ты позвонила, — чувствовалась радость на другом конце.

В Грозном противоположные чувства, и хотели Афанасьева, как Роза крикнуть — «дрянь», да, видимо, воспитание ее сдержало, а в трубке все говорили и говорили, задавали массу вопросов. Она скупо отвечала или не отвечала вовсе. Наконец не своим голосом выдавила:

— У меня деньги на исходе.

— погоди! — закричали в трубке, — и гораздо тише и таинственнее. — Она у меня.

Афанасьева знала, о чем речь, но молчала, иду сопела отдышкой в трубку, боясь, не сдержавшись, наругать.

— У меня скрипка, — великая тайна прозвучала в телефоне.

— Евгений Николаевич! Хоть под старость лет выражайтесь правильно. У вас моя скрипка, моя порученная честь! И впредь оставьте их себе. Прощайте.

Наверное, на день, от силы на два дня этот эпизод несколько выбил бабушку из колеи. Но не более. Ныне она не жила и не хотела жить прошлым, и не жила она настоящим, она знала, что будет безгранично участлива в будущем, и это будущее — ее золотой Мальчик, которому она хочет отдавать все хорошее, что накоплено ею за ее немалую и нелегкую жизнь. А посему тратить остатки драгоценного времени на какие-то воспоминания, расстраиваться из-за них, переживать — ей просто некогда. У нее с Мальчиком разработана четкая программа репетиций, и главная радость — сам Мальчик, который, несмотря на свой детский возраст, в ему то ли десятый, то ли уже десять лет, проявляет завидное упорство, трудолюбие и даже странную, не характерную для ребенка заинтересованность в совершенном овладении инструментом. И как внушил он сам себе или кто другой, только это позволит ему построить здесь новый, светлый «Детский мир», куда наверняка вернутся его папа и мама!

Роза по-прежнему, почти каждый день, на работе и в больнице. А бабушка и Мальчик, оставшись одни, весь день репетируют, и это без натуги, все в охотку, да с усердием и со взаимной лаской. И все бы ничего, вот только на базар ходить надо, отовариваться. время терять, а то и Бага или Головачев могут заявиться в гости, на чай под музыку. А тут вновь телеграмма срочная: «Пожалуйста, позвоните. Зайцев».

Если бы послание было подписано — «Зверев», то Афанасьева, может быть, и позвонила бы, а Зайцева она не знала и знать не хочет.

А на улице уже апрель. Все цветет, благоухает, дышит возрождением. И кто бы знал, что такое весна в послевоенном городе! Это ощущение мира, свободы, безмерной радости жизни, и счастливая уверенность в том, что в тебя в данный момент никто не целится. И над головой летают не истребители и бомбардировщики, а задорные ласточки и голуби.

А война вроде и вправду заканчивается. По крайней мере по телевизору, а они теперь каждый вечер и него любят, прямо из Москвы утверждают, что в Чеченской Республике наступает мир и порядок, и все силы брошены на это. К счастью, на сей раз слова и дела, в целом, якобы совпадают. В Грозном оживилось строительство, появилось очень много людей, транспорт, даже светофоры.

А к дому Мальчика уже дважды приезжали какие-то важные люди — комиссия; будто бы дом, да и весь квартал, будут спешно восстанавливать. А свет и газ обещают подвести в первую очередь. Словом, перемены к лучшему налицо. В городе практически не стреляют, даже ночью. Бага, конечно же, где-то здесь, изредка появляется, но он не тот взбалмошный джигит, ожидающий своего часа реванша. Нет, видно, как говорит Роза, у него тоже приказ — «не высовываться», в общем, жизнь потихоньку налаживается, уже и аэропорт и железнодорожный вокзал в действии, кое-где и школы функционируют.

По велению бабушки решено Мальчика отдать в школу с нового учебного года, а сейчас все силы на музыку. И мало того, что ныне телевизор влечет к себе Мальчика, на улице весна в разгаре, и он рвется туда, все время порезвиться на природе хочет. И вроде глядит он в нотную тетрадь, а одним глазом все время к окну его манит: там солнечные зайчики прыгают, воробьи неутомно щебечут, перекрывая городской

шум, а набережная Сунжи хоть и разбита и фонтан убит, — все же порхают там уже бабочки и всякая прочая насекомая живность, природа влечет к себе. Много то что еще отвлекает Мальчика от занятий, а тут какой-то разговор затеяли прямо под окном, и якобы прозвучала фамилия бабушки.

— Ты не отвлекайся, сиди, — как строгий педагог сказала бабушка Мальчику, сама подошла к окну и, издав какой-то гортанный непонятный звук, чуть отступила, потом медленно, очень осторожно выглядела вновь и словно оцепенела.

Учительное дело — ровно полвека назад, в конце ее первой в жизни войны, она впервые увидела этот, с виду грязный мешок из грубой мешковины, и сразу же догадалась, что в нем находится скрипка; и даже не будучи при ней, эта скрипка приносила ей постоянно немалые проблемы, словно проклятие. И надо же было такому случиться, вроде все давно произошло, улетелось, и о скрипке и о ней самой все всё позабыли, и она — скрипка, под конец этой, уже второй ее войны, вновь так неожиданно объявилась.

Невольно вспоминая прошлое, Анастасия Тихомирова, очень долго, будто изучала, смотрела на этот зловещий мешок, лишь потом, медленно, перевела встревоженный взгляд на пришельца. Конечно же, годы взяли свое, и встретить она этого пожилого мужчину в толпе, может быть, и не узнала бы. Однако это был Женя, и несмотря на возраст (она сравнила с собой) он здорово сохранился; еще румянец на щеках, и хоть очки, а глаза еще ясные, живые, и волосы, не такие же густые, да как и раньше, рыжие, выкрашены — в чем? Вот только ссутулился, а так — просто молодой — войны его не коснулись, видать, хорошо жил. И бабушка Учитель, как ее называл Мальчик, никогда прежде вроде бы такого за собой не замечала, а сей-

час, увидев некогда нареченного перед Богом, она сто не то чтобы еще больше возненавидела, она его просто стала презирать, как человека.

Однако, хоть и поздно, и ей это ныне ни к чему, он все-таки явился, и явился не куда-нибудь, а в беспокойный город Грозный, и инструмент привез. Может, совесть под конец жизни появилась? В любом случае он под окнами, ищет ее, и ей не хотелось бы, даваться некуда.

— Вы не меня случайно ищите? — специально не называя ни старую, ни новую фамилию, официальным тоном крикнула Афанасьева.

Он явно опешил, на лице гримаса, то ли боль, и, вроде бы, уже видел он ее по телевизору, да, наверное, он воочию до сих пор представлял ее молодой, красивой, а тут — дряблая старуха. Право, длилось это мгновение; как заправский артист, он в момент преобразился, уж очень широко, по-родственному улыбнулся, сделал театральный жест поклонения кавалера, и, словно молодой ухажер:

— О! Настя! Анастасия! — не вписывающаяся в окружающую разруху напыщенность интонации.

Так получилось — в этот день на обед и Роза с работы пришла. В честь столичного гостя все, что было, на стол выложили. Да гость оказался чересчур разборчив в еде. В последние годы он потребляет лишь мед, творог, кисломолочное, только не молоко, а в основном, предпочитает свежие овощи и фрукты. Из перечисленного в наличии репчатый лук, капуста, и та квашеная.

— Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, — все время улыбается гость, но видно, что это ему дается с трудом, и он даже к кружке прикасается с некой брезгливостью. — Я частенько голодаю целыми неделями. Пью, как сейчас, лишь кипяченую воду, — он сделал глоток,

сморщился. — А вы, Анастасия, не пробовали голодать? В нашем возрасте очень полезно, — он сделал еще один глоток кипятка со свистом. — Вот только вода здесь со странным вкусом и... запахом.

— А это Сунжа так пахнет, — пояснил Мальчик.

— Вы из реки воду пьете? — смятение на лице гостя, больше он к кипятку не притронулся, твердо перешел на «весьма полезное» сухое голодание.

Обычно и во время еды бабушка что-то передавала, учила Мальчика жизни. На сей раз она и слова не проронила. А Розе неудобно, даже стыдно, гостя не так на Кавказе встречают:

— Мальчик, пойдем на базар, — предложила она, — для гостя особую еду купить надо.

Когда остались одни, приезжий подошел к окну, чтобы не высовываясь, долго осматривал панораму разрушений:

— Да-а, не ожидал я, не ожидал я такого увидеть, — наконец сказал он, хрустнув при этом костяшками пальцев.

— Что, не ожидали меня такой найти? — наконец говорила Афанасьева. — А ведь вы и по телевизору были, вроде, видели.

— Да нет, что вы! — не оборачивается гость. — Я о городе, как после войны.

— А что ж здесь, если не война?

— Ну, по телевизору все как-то иначе.

— Красивей, моложе.

— Я о городе, — он кашлянул, обернулся. — Как-то худшей, — подошел к столу, и совсем иным тоном вновь переходя на «ты». — Настя, Анастасия, здесь жить просто невозможно. Как ты здесь, в этой дыре существуешь и застряла?

— Не без вашей помощи, — сдавленно-утробным голосом,

— Моей?! — он напустил мину непонимания на лицо, но видя, что на него даже не смотрят, сказал задумчивое: «м-да», скрипя старым диваном, сел напротив нее. — Настя, если можешь, прошлое забудь, прости. Гм, я приехал, а сюда мало кто посмеет сунуться, искупая свои грехи и надеясь вызволить тебя из этого ада.

— И давно вы стали ад и рай признавать, — едва заметная ирония. — Насколько помню, вы, да и ваши родители — убежденные атеисты. Даже венчаться со мной еле согласились.

— Времена были иные, коммунизм!

— Времена те же, «коммунизм» переименовали, просто вы состарились, и волей-неволей думая о грядущей смерти, и там хотите теплое местечко ухватить.

— Я вас не узнаю, не ожидал! — вскочил гость. Вы были в тюрьме. А времена были, действительно, страшные, послевоенные. Сталинизм! Всюду сыск,

— И как же вы умудрились вместе со скрипкой скрыться? — уже не ирония, а сарказм в ее тоне.

— Настя, — он вновь сел, нервно теребя пальчиками, долго молчал, взял кружку, но пить не стал, и совсем потупившись, согнувшись, пуская слезу, стал говорить о прошлом, да совсем не так, как это делали Афанасьева.

В 1947 году, после того как внезапно скончался отчим Анастасии Тихоновны, двоюродный брат отчима сообщил матери, что у него на подмосковной даче запрятаны скрипка, рукописи и еще кое-что. Скрипкой уже интересовались, искали, посему мать Афанасьевой не знала, как ей с нею быть. И в это время свои услуги предложил Женя, он тоже давно оценил уникальность инструмента.

Несмотря на то, что дочь в письмах из тюрьмы уже и не упоминала о женихе, чересчур набожной

мать считала, что молодые пред Богом повенчаны, Им благословлены, и это раз и навсегда. Значит, Женя Зверев родной, и ему, а не престарелому брату мужа лучше доверить то, что так самозабвенно любил дочь. Больше ни скрипки, ни самого Жени никто не видел. Правда, мать, вопреки своим предубеждениям, исполняя волю дочери из тюрьмы, ходила много раз к этим «безбожникам»-родителям Жени, они твердили одно — единственный сын уехал на гастроли за Урал, с тех пор лишь одно письмо, сами сына разыскивают.

А в конце 1948 года на свидание с Анастасией Тихоновной, в ту далекую северную глушь Печорского края, прибыл сам Столетов. И якобы интересовался ее судьбой, да на самом деле, как без труда поняла Афанасьева, его интересовала только судьба утерянной скрипки. И еще поняла она, что инструмент интересуется не самого Столетова, а кто-то в этих поисках его неволит и понукает.

Через полгода, уже комариным летом 1949 года, Столетов прибыл к ней на зону вновь, и после этого, за полтора года до истечения срока, Афанасьеву досрочно освободили из заключения, и, как ей строго предписал пожизненный командир — всеми силами надо найти жениха.

Не год и не два моталась Афанасьева по огромной стране в поисках Жени. И знала, что не только она и Столетов, а гораздо более значительные люди заняты тем же, но сами они не ездят, лишь приказы отдают.

Их усилия ничем не увенчались. Правда, они оппали на его след, он пропал где-то за границей, нуш Женя умудрился бежать. В общем, пропал. Хотя мать Анастасии Тихоновны до самой кончины не сомневалась: вот-вот он сам объявится, что в конце концов и случилось.

— И как ты умудрился фамилию поменять так скрыться? — повторила вопрос Афанасьева, дальнейшего она не знала.

Конечно же, гость не все рассказал, как было. Она кое-что сама домыслила. Оказалось все очень просто. Скрипка, точнее мешок, был тщательно замурован в гараже. И никто не догадался обыскать гараж рядового инженера, кем являлся отец Жени.

Связь с родителями, хотя и редкая, раз в году у Жени была. Свой побег родным он объяснил тем, что его преследуют подельники Афанасьевой, тоже уголовники, как и его бывшая невеста.

Зверев знал, что его уже ищут или скоро будут искать. Он действительно ездил по стране с гастролями, все время ожидая преследования, и не раз сожалел, что присвоил скрипку, и готов был ее отдать, конечно же, под нажимом и за вознаграждение за сохранность, но только не Афанасьевым, о которых он пытался позабыть.

В итоге судьба привела его в Ленинград, где ему сделали предложение быть солистом-пианистом в оркестре военно-морских сил СССР. На первом же концерте он покорила неискующую публику. И некий военный адмирал, по-барски хлопая его по плечу, представил Женю своим супруге и дочери, последним, между прочим, тоже всерьез занимается музыкой, тогда учится в ленинградской консерватории.

Позже он, конечно же, вспомнил, что Анастасия куда искуснее в музыке и гораздо привлекательнее. Но дочь адмирала есть дочь адмирала. Недаром Женя по курсу актерское мастерство, а это очень необходимо для гастролирующего артиста, имел только «отлично». В ход пошли и знания; и природное обаяние, и предложение «позаниматься лично с дочерью». Следовательно, Женя покорила не только адмирала, его супругу,

но и дочь. Свадьбы еще не было, но она намечалась. А до этого сводный оркестр военно-морских сил должен был проехать с показательными гастролями по портам Европы. В Польше и в Германии ему не понравилось, видать, эти страны еще не оправились после войны. А вот Дания свела с ума. В Швеции он вообще был в восторге, а в Англии уже сбежал, попросил политическое убежище.

Пару первых лет было совсем не легко. А потом и никак выучил, и его как музыканта и гражданина принимали. Появилась работа, жилье, а вскоре и жена, конечно же, как он выразился, «уродина», в этом деле он явно регрессировал; зато тоже музыкант, в его же оркестре, и он окончательно утвердился в Англии. А когда родилась дочь, его дела совсем, казалось бы, устладились. Да не тут-то было.

Оказывается, как он подсказал, — его «пасли» бывшие соотечественники. Была встреча и жесткие условия — либо он работает во благо СССР, либо... Разумеется, он хочет жить, и не то, чтобы его советские спецслужбы завербовали; он русский, и с охотой готов для родины служить.

Так, в целом не плохо, он прожил в Англии еще около десяти лет, пока на чем-то «не прокололся» (тоже его сленг). С виду он человек невзрачный, любой кажется тихий, да бежать горазд. Не без помощи своих (а где у него «свой», где «чужие» — сам черт не разберет) он бежал из Англии и тоже на советском корабле.

Видимо, он прилично поработал, выслужился. В Москве его встретили, конечно же, не как героя, но формально.

Помогли с жильем, устроили на работу по основной профессии: без отрыва от «производства» и пенсии — на вспомогательной. Сами же предложили, для надежности, поменять фамилию и имя.

С помощью новых покровителей он пытался играть в лучших оркестрах страны, очень этого хотел. Однако, страна Советов ежегодно выращивала новую плеяду талантливых музыкантов, и Николай Зайцев даже под патронажем спецслужб не смог выдержать конкуренции, стал чиновником в отрасли культуры, и заодно — почетным офицером запаса.

Еще дважды был женат. Еще одна дочь. С дочерью в Англии никакого контакта — просто запрещено. А дочь от русской жены сама перебралась куда-то в Европу, раз в год, как и он со своими родителями, выходит с ним на связь, и то по электронной почте, спрашивается — жив ли? А то хорошая квартира в центре Москвы может без наследства пропасть.

— В общем, один, совсем одиноким остался, — вновь пуская слезу, заканчивал он свой рассказ. — Ты не поверишь, Настенька, бывает целый месяц пройдет, и даже никто не позвонит, разве что оплатит коммунальные услуги.

— А ее где хранили? — кивнула Афанасьева в сторону мешка.

— Честное слово, до самого 1981 года, пока гаражи не стали сносить под реконструкцию, даже не тронул, — он бережно погладил мешковину. — С тех пор в квартире и зазря выйти боюсь, охраняю. А дотронусь — тепло, аж тебя вспоминаю, молодею.

— И не побоялись сюда приехать? — все же явственен ее голос.

— Конечно, боялся, — даже встал. — Но мне помогли, попросил, — он молодецкато выпрямил осанку. — Я ведь всякое поведал.

— И всякое натворили, — почему-то и Афанасьева встала. — А скрипку зачем сюда привезли?

— Но без нее не мог, — он артистично развел руками. — Она как верительная грамота. Посмотри, — он

стал быстро развязывать мешковину, в спешке запутался, долго возился, прежде чем достал до боли знакомый ей футляр.

Анастасии Тихоновне стало плохо, она дрожащей рукой прикрыла глаза, вспоминая молодость, роскошь австрийского дворца, еженочные застолья с изысканными яствами, а потом страстные ухаживания Столетова, опьяненного старым вином и ее юным телом... Это была единственно яркая, радостная страница в биографии ее жизни, и она сгорела в мгновение, как искра, оставив лишь страдания и на все последующие годы.

— Вот это вещь! Посмотри! — он бережно взял в руки скрипку, провел смычком. — Звук! Я ее для тебя сохранил. А иначе, — он попытался заглянуть в ее глаза, — давно бы ты с ней рассталась.

— А я давно с ней рассталась, — все еще туманно взгляда Афанасьевой.

— Нет же, нет, — возбужден гость. — Мы удем, выгодно ее продадим и будем до конца жизни в свою угоду жить.

— Хе, и долго вы еще собираетесь «в свою угоду» жить!?

— Ну, а что? Еще бодр. Слежу за собой, — он вином подтянул осанку. — Настя, мы должны срочно из этого кошмара убираться. Ты нужна мне, — он попытался дотронуться до ее плеча, она отпрянула.

— О! Какая скрипка! — из полумрака коридора послышался голос Мальчика.

— Вернулся! — Анастасия Тихоновна аж засияла, ожила. — Иди ко мне, золотой! — она обняла Мальчика, будто давно не видела, поцеловала в головку.

— А можно на ней поиграть?

— Конечно, конечно можно, — потянулась бабушка к гостю.

— Да ты что? Ты что? — попытался огородить инструмент гость.

— Простите, не утруждайтесь, — доселе неведомым Мальчику леденящим голосом напирала бабушка, почти что в борьбе выхватывая скрипку. — На, сыграй, — уже иным тоном. — Это достойный инструмент. Попробуй.

Как бы приноравливаясь к новшеству, Мальчик очень внимательно рассматривал скрипку, прилаживая ее к плечу.

— Струны другие, — сразу определил он, — и пахнет подвалом.

— Верно! — улыбнулась бабушка, подбадривая, виновула.

Мальчик внимательно осмотрел древний, уже потрескавшийся у рукоятки смычок, бережно приложил его к струнам, словно чего-то остерегаясь, медленно заиграл, сделал паузу, вновь заиграл и вновь остановился, вопрошающе глянув на бабушку.

— Что, звук иной? Так ведь сколько лет никто руками струн ее не касался, — продолжала бабушка, — давай настроим.

— А вы попробуйте наш творог и мед, — в это время засуетилась вокруг стола Роза.

— Нечего трогать инструмент, — возмутился было гость, даже потянулся, но перехватив строгий взгляд Афанасьевой, осел и, поглядывая на стол: — Да, можно попробовать местные продукты, сутки толком не ел, — он посмотрел на часы.

По ходу обучения Мальчика, бабушка довольно долго возилась со скрипкой.

— Поосторожней, поосторожней, Настя, — не сдерживаясь, кидал тревожные реплики гость, заедая русский творог медом. — А что, вкусно, очень хорошо, — и вновь в сторону скрипки. — Вообще-то, ты пони-

маешь, что это инструмент не для упражнений, тем более в руках ребенка... Раритет.

Увидев жгучий, искоса брошенный взгляд настройщицы, он потупил взгляд, как бы поглощенный трапезой, и все же не сдержавшись, будто про себя:

— Я за все эти годы изредка на ней играл, лишь для поддержания звука.

— Нечего чужое использовать, — едко среагировала Афанасьева, передавая скрипку Мальчику.

Он вновь заиграл. Вначале медленно, прислушиваясь, и вдруг остановился, светло улыбнулся:

— Какой звук! Как послушна! — и вновь стал играть, теперь уже веселее, увереннее, полностью поглощаясь своей игрой.

— Вот это да! — с набитым едой ртом изумлен гость.

— Теперь плавно переходи к вариациям — поучала бабушка. — Вот так... Так... Молодец! Играй спокойно, не загоняй темп...

— Сколько ему лет? Кто его обучил? — изумлен гость, встал.

— Природа! — не глядя на пришельца, ответила бабушка.

— Что ж вы его здесь держите?! — артистично взмахнул руками мужчина. — Его надо в столицу! На любом конкурсе он не останется в тени. А это сегодня — популярность, деньги! — он вновь посмотрел на часы. — Впрочем, не зря я приехал... Нам пора.

— Кому это «нам»? — встrepенулась Анастасия Тихоновна.

— Ну, — несколько жеманно улыбнулся гость, и почему-то обратив взгляд к Розе. — Нас здесь, на блок-посту, ждет специальная машина... Я с благим намерением, — и совсем вкрадчиво, — мне кажется, и

должен вам хоть чем-то помочь. Как-никак, а мы когда-то с тобой были повенчаны и...

— Молчите! — не своим, визгливым голосом заорала бабушка, при этом так ударила костлявой ладонью по столу, что посуда зазвенела, а Мальчик с испугу отскочил, чуть не упал, выронил смычок.

— Прости, прости, — бросилась она ребенка обнимать, и не оборачиваясь к пришельцу: — Прошу вас, граждане, как вас, — Зайцев или Зверев величать, — она вывернула в его сторону голову, чуть заметно тоже поправила осанку и с напускной надменностью, — пойдните, пожалуйста, нас, и побыстрее. А то спецмашина без спецчеловека уедет.

— Настя, да ты что, что? — он попятился к выходу. Впрочем, она всегда была такой, — вновь апеллировал он к Розе. — Бог миловал, — он воровато потянулся к пустому мешку, потом сделал неуверенный шаг к Мальчику, которого все еще обнимала бабушка, поладил его кудряшки. — Чудо-ребенок. Жаль, пропадет, — и он стал забирать скрипку.

— Не каркай, дрянь! — впервые на «ты» перешла бабушка. — А пожалей свою «пропавшую» жизнь.

Что-то бормоча под нос, гость спешно стал упаковывать скрипку.

— Очень хороший инструмент, — неожиданно выдал Мальчик.

— Тебе понравился? — склонилась бабушка к нему, и не дожидаясь ответа, сделав решительный шаг, оттолкнула гостя, выхватила скрипку, держа на обеих руках, торжественно преподнесла Мальчику. — Дарю! Больше нечего, так обе скрипки тебе завещаю.

— Дура! Совсем с ума сошла, — сделал попытку вернуть инструмент пришелец. — Да ты знаешь, что это такое?

— Знаю, — грубо отстранила его притязания Афанасьева, — это — моя погубленная честь.

— Ха-ха-ха! Что значит — твоя «честь»? Это исторический шедевр, который разыскивает «Интерпол» уже...

— Прочь! Я сказала — прочь! — вновь закричала бабушка.

— Ух, ты! — защищаясь руками, как от удара, попятился гость. — А от своих барских замашек даже в этом дерьме не избавилась.

— Прочь!

— Хе-хе! Не зря я приехал, не зря! Эту скрипку не продать. Хранить — ярмо. Кто узнает — убьет. Выбросить — невозможно. В общем, твоя «честь» пусть с тобой и останется, а моя совесть теперь чиста, — чутили не присвистывая, он торопливо стал спускаться по лестнице.

— Совесть?! Какая совесть? — прошептала Афанасьева дрожа, она еще раз, как впервые, осмотрела скрипку, и что-то вспомнив, крикнула вслед. — Мразь! Мразь мерзопакостная!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

айское солнышко рано встает. Вместе с ним пробуждаются и ласточки. Прямо над балконом Мальчика полуразбитый карниз. Там, Мальчик помнит, издавна было свито ласточкино гнездо. Еще по прошлую зиму, в разгар войны, пустующее гнездо, вместе с частью карниза обвалилось от содрогания старого дома под бомбежками. И в прошлую весну здесь и Мальчика не было, и гнезда не было, и, значит, ласточек в городе не было.

А теперь вроде мирная жизнь в Грозном возрождается, стреляют все меньше и меньше, вовсе не бомбит, лишь далеко в горах, посему и ласточки прилетели, гнездо на прежнем месте свили, птенчиков еще нет, да с самой зари птички хлопочут, все щебечут и щебечут, Мальчика первым пробуждают.

В одних трусиках вышел босоногий Мальчик на балкон, беззаботно зевнул, потянулся. Первым делом посмотрел на гнездо, поздоровался с ласточками, а потом стал любоваться утренней зарей, овладевшей городом.

У самого дома сплошь разбитый асфальт, где когда-то пролегал шикарный проспект, а теперь

пробивается неугомонная зелень. На набережной дружный, сплошной бурьян, и не вспомнишь, что некогда здесь цвел парк, пестрели клумбы, стояли ели. Лишь жалкий постамент еще торчит от памятника Лермонтову, да мраморный остов фонтана напоминает о былом.

А далее река. Сунжа все так же течет, слегка ворчит, сизый парок вьется над ней. За рекой вновь руины, на которые и смотреть не хочется. А потом — незыблемая, непокорная вечность — плечом к плечу ставшая череда остроконечных белоснежно-чистых кристалльных горных вершин седого Кавказа.

Упиваясь этим восхитительным зрелищем, надолго застыл взгляд Мальчика, пока на его плечо не легла теплая рука бабушки.

— Даст Бог, вот таким же высоким, сильным и великим вырастешь и ты! И здесь обязательно построят новый, светлый «Детский мир», и здесь будет город — большой, просторный, богатый, и у него не будет нынешнего — чуждого, грозного, даже грязного названия. Он будет назван именем великого сына своего. Может быть, даже твоим. Но для этого надо учиться, надо трудиться, надо честно жить! — она ласково погладила его курчашки, склонившись, поцеловала. — А теперь надо умыться, дабы день в чистоте прожить.

Будто что-то предчувствуя, оберегая каждое уходящее мгновение, бабушка постоянно занимается воспитанием Мальчика. И конечно же, если музыка по-прежнему доминирует, то и остальное по ходу дня не остается без внимания. Мальчик учится чтению, и не простому, а выразительному. Потом манеры — как вести в обществе, за столом, со старшими, со сверстниками, на концерте. Каждый день уроки безопасности — военное положение обязывает. И совсем нова

дисциплина — Роза невольно стала педагогом — чеченский язык, грамота, кавказские нравы и обычаи. При этом бабушка всегда лозунгами твердит:

— Космополит — злостная выдумка пакостников, но усреднению личности. А настоящий человек должен иметь, знать и ценить родину, язык, корни, лишь благодаря которым и может питаться, достойно жить и творить, продолжая свой род.

По распорядку, утро, до завтрака, началось с упражнений на скрипке.

— Музыка, — продолжала констатировать бабушка, — несет с собою только добро. Вместе с мелодией мы сами должны с утра получить заряд положительных эмоций и заодно постараться овеять благодушным искусством весь окружающий мир, чтобы он стал человечнее, радостней, светлее.

Как и жизнь в городе, завтрак в доме Мальчика значительно изменился, есть практически все, что необходимо для нормальной жизни. Зарплата Розы из бюджета России — значительно возросла, и хоть богатства не наживешь, да жить можно. То же самое и пенсией Афанасьевой. И на Мальчика, как на сироту, после долгих мытарств, оформили особое детское пособие. Так что специально припасенных для Мальчика яств нет, теперь наоборот, кое-что от него прячут, чтоб не переедал сладостей.

— Не чавкай, тщательно пережевывай, — и за едой идет беспрестанный процесс обучения, и тут же, продолжая тему о насущном. — Какое-то нехорошее предчувствие — прямо не хочу я на этот концерт идти, — обеспокоена бабушка.

— А я хочу, — упрямится Мальчик. — Ведь там будет много моих сверстников, и Зезаг¹ будет там.

¹ Зезаг (чеченск.) — цветок.

— Ой-ё-ё! — воскликнула Роза. — Уже невесту себе подыскал.

— Перестань, Роза, — остудила ее бабушка, и обращаясь к Мальчику. — Это очень хорошо, что у тебя появились друзья и подружки, — и чуть погодя — И все же что-то менястораживает; не нужна ребенку столь частые публичные выступления. Снега — зараза; звездная болезнь.

— Ничего не будет, — успокаивает Роза. — Пусть люди знают, что вопреки всему у нас такие дети растут.

— Да я вроде не суеверна, а глазу боюсь. Вспомни, что с ним было после прошлого выступления на открытии школы.

— О! Не дай Бог! — Роза склонилась к Мальчику. — Может, не пойдём?

— Пойдем, — насупился Мальчик. — А то целыми днями дома сижу. И гулять мало даете.

— Да как же по нашему городу гулять?! Эти вояки кругом, с автоматами наперевес, вдрызг пьяные.

— А для чего я новый репертуар подготовил? — уперся Мальчик. — А новая скрипка как звучит!

— Так ты на ней хочешь играть? — испугалась бабушка.

— Только на ней, — исподлобья недовольно глядит он.

— Это невозможно, опасно! — занервничала бабушка. — Ее нельзя при людях демонстрировать, любой специалист с ходу определит.

А Мальчик неумолим.

— А вы ведь сами сказали, что в скрипке душа. Не может же эта душа вечно в заточении томиться. Мы обязаны вывести ее в свет.

Бабушка ничего не смогла ответить, лишь широко раскрыв беззубый рот, изумленно уставилась на Мальчика, будто видит впервые.

— Вот вам раз! — хлопнула в ладони Роза, засмеялась. — Выучили ребенка.

Может быть, прения еще продолжались бы, да Роза вдруг, выскалась:

— Да кто здесь в скрипках разбирается; лишь в оружии толк видят.

От этого резюме бабушка сдалась, стали готовить Мальчика к концерту.

Их дом номер один по проспекту Революции (о какой революции неизвестно — их в России и в Чечне ныне не пересчитать), отсюда, в двух шагах площадь имени Ленина, правда памятника Ленину уже давно нет, есть постамент, зато идеи и дела еще живы — исходы дают, может быть, и памятник вновь воздвигнут? Позади памятника некогда был небольшой уютный сквер, в глубине которого находилось трехэтажное здание «Дома пионеров», которое было построено в 1953 году вместе со зданием обкома партии. Ни сквера, ни здания обкома КПСС уже давно нет, их вытоптали, снесли еще до войны, как чуждые символы. А вот «Дом пионеров» уже в войну изрядно побито, теперь спешно восстановили, назвали по-новому — «Дом молодежи и школьников». Сегодня открытие, большой праздничный концерт — мол, идеи мира и порядка в Чеченской Республике, да и в России в целом, здесь зиждутся, всюду торжествуют.

Вновь телекамеры, цветы и транспаранты кругом: все агитация и пропаганда страны на этом пяточке. Есть гости из дальнего и ближнего зарубежья. А в кафе чуть ли не бесплатно, как при коммунизме, кое-что продается, только вместо песочников и лимонада — гамбургеры и «кока-кола» — к капитализму, чай, не см.

Военных совсем мало — так, один-два здоровенных, краснощеких генералов от каждого рода войск,

что воюют в Чечне, в том числе и морских, а в основном все в гражданском — чиновничий люд, бизнесмены войны, их немалочисленная охрана. И не помешь — где здесь русский, где чеченец или еще кто — здесь все подчеркнуто улыбчивы, добры, здесь царит мир и порядок, все строго по рангу и ранжиру — и никаких гвоздей.

Концерт открывает государственный ансамбль танца «Вайнах»¹. Затем, подтверждая дружбу народов, — казачий народный хор. Далее детский танцевальный ансамбль «Ловзар»², где и выступает подружка Мальчи́ка — Зезаг. А потом, по сценарию, перед началом торжественной части выступает и сам Мальчи́к, чего многие с нетерпением ждут, уже есть масса поклонников; их, в основном, в зал не впустили — по до масс!

Как и прежде, Мальчи́к исполнит всего три композиции: — одну — до, две другие — после громких речей.

— Выступает Нохчи КИант, — с таким именем и фамилией объявили его по залу.

Лишь дети способны себя так вести — без каких-либо видимых эмоций. Мальчи́к уверенно вышел на центр сцены, сдержанно и галантно, как учила бабушка, поклонился залу. Выждал паузу, чтобы затихли аплодисменты.

И хотя планировалось в финале, а он вновь по-своему — взял начальные аккорды лезгинки, в зале с разных сторон одобрительно вскрикнули и замолчали, поглотившись мелодией. Роза в партере, бабушка из-за кулис, да и весь зал — затаили дыхание.

¹ Вайнах — самоназвание чеченцев, ингушей, бацбийцев цова-тушин, кистов.

² Ловзар (чеченск.) — игра, свадьба, веселье.

Задав основной тон лезгинки, Мальчик параллельно, как он сам научился, импровизируя, перешел на тоскливые кавказские мотивы, а потом понеслась огненно-дышащая страсть, так что все вскочили, в такт стали хлопать, и между рядов, не сдержавшись, в порыве гарцует парами в кавказском темпераменте молодежь, и не только. Но все внимание на сцену. Там, совсем юная, очаровательная Зезаг, с длинными смоляными косами, поверх белоснежной г'бали¹, как и обещала Мальчику, вышла вокруг него плавно танцевать, если он сразу же сыграет свою «фирменную» лезгинку.

А Мальчик, сам несказанно упиваясь игрой, внешне умолк, отдавая дань уважения партнерше, выдал пару жгигательных «па», как его научили Роза и Бага, крикнул в зал:

— Хорс тох!² — так что зал хором воскликнул, и парень взялся за скрипку и с таким неистовством, с такой мощью, порывом и страстью продолжил игру, что пораженный этим натиском неведомой энергии, зал просто застыл в изумлении. А Мальчик полностью выложившись, вспотев, в безудержном экстазе свирепая игру, просто пал на колени. Зал заликовал! Это был неслыханный фурор!

Стоя за кулисами, бабушка сама была изумлена, как и весь зал, она в восторге аплодировала, словно вылолотившись, кричала: «браво, браво Мальчик»; попыталась увидеть в зале Розу, и вдруг остолбенела, как и он... Он, наверное, хлопая, что-то необыкновенное увидел, так и застыл, скрестив руки у груди, а взгляд, этот шакомый с юности ненасытный взгляд впился в Мальчика, точнее в ... скрипку.

¹ Г'бали (чеченск.) — нарядный костюм кавказской женщин.

² Хорс-тох (чеченск.): хорсе — древний кавказский ударный инструмент; тох — бей, стучи в барабан в ритм моего танца.

Находясь во втором ряду, не спуская глаз со скрипки и Мальчика, он грубо ткнул впереди стоящего, видимо охранника, что-то прорычал, еле поднимая отъезтые ляжки, с шумом опрокидывая переднее кресло, с трудом перешагнув, и, благо, догадался не лезть прямо на сцену, — камеры кругом, пошел в обход.

Видя все это, бабушка в смятении. Бросилась к Мальчику, попыталась его увести, и прямо за кулисами они встретились, чуть ли не лоб в лоб столкнулись.

— Ба! — неподдельно удивляясь, развел руками молодой, холеный, столичный мужчина. — Неужто Афанасьева? — теперь фальшь улыбки на лице. — Ты живы? — и, пытаясь исправиться, — Как говоришь, здоровы. Ну, и славно, слава Богу.

Более его старушка вроде не интересовала; склоняясь на бок, вытягивая не только шею, но и ухоженное, слегка обросшее, что в моде, лицо, он попробовал заглянуть за тощую спину, за которой бабушка пыталась спрятать Мальчика и скрипку.

— Недурственно играет, недурственно, — наступил мужчина. — А ну, покажи-ка свой таинственный инструмент.

Афанасьева задрожала, не зная, как ей быть. В это время по залу разнеслось:

— Слово предоставляется министру Российской Федерации по строительству и восстановлению Чеченской Республики — Столетову Илье Аркадьевичу.

Будто боль пронзила, мужчина скривил лицо, взгляд его заметался, он сделал было шаг к сцене, затем резко развернулся:

— А ну, дай скрипку! — властно протянул он руку к Мальчику.

Мальчик отпрянул, в страхе закрывая собой инструмент.

— Илья Аркадьевич, Илья Аркадьевич, — появилась взволнованная женщина и еще мужчины, — прямой эфир! Картинка в новостийном блоке, центральное телевидение. Прошу Вас, к микрофону!

Явно слышимо заскрежетали красивые, вставные зубы министра, в гневе исказилось его лицо; бросив на Мальчика и Афанасьеву свирепый взгляд, буквально подталкиваемый режиссером, он прошел на сцену, бегло осматривая свой костюм, громко кашлянул, прежде чем встал перед микрофоном, с безразличием оглядывая зал, пытаясь вспомнить заготовленную благую речь.

А бабушка, наверное, еще бы долго стояла в окаменелой позе, глядя в никуда, если бы ее не тронул Мальчик:

— Бабушка Учитал, что этот плохой дядя хотел?

— А!/? Что?.. Да. Пошли быстрее. Где же Роза?

Оказывается, Роза из зала, увидев как стремительно, буквально потащила бабушка Мальчика со сцены, поняла: что-то не так — и уже была рядом.

— Роза, Роза, — не зная, как быть, встревожено денегала бабушка, и тут по всему зданию послышалась четкая, выверенная собраниями призывная анкета. — Боже, даже голос, как у отца, — глядя в потолок, где был динамик, промелькнуло в голове, и в это самое время глаза ее блеснули, словно готовилась к борьбе.

— Роза, — уже своим, правда торопливым тоном подгоняла она, — беги, лети домой. Спрячь эту скрипку в подвале у Баги, возьми скрипку отчима, и стрелой сюда, — она словно помолодела, так решительны были ее действия и взгляд. — Мы затеряемся в задних рядах. Ничего не спрашивай, быстрее!

Зал был переполнен. Однако, увидев бабушку и Мальчика, несколько человек сразу же предложили им места и предлагали пройти вперед, где лучше.

— На восстановление Грозного дополнительно выделен еще один миллиард долларов! И я, как уроженец Грозного, как истинный грозненец, любя и тоскуя по родному городу, в котором мы все должны жить, приложу все силы, все свои знания и любовь, чтобы наш родной, славный город снова расцвел, стал еще краше! — страстно заявил оратор, и зал сотрясли овации похлеще, чем после лекции.

Войдя в раж, министр еще много чего обещал хорошего от российского правительства. Следом из зала посыпались вопросы.

— Мы обещаем и гарантируем, что в ближайшее время город будет полностью восстановлен и здесь будет процветать мир!

Снова овации, и в это время, тяжело дыша, подошла Роза, села на место Мальчика, взяв его на руки и сразу же пристала к бабушке:

— Так что же случилось? Может, уйдем?

— Потом, — чтобы об этом тут не говорить, Афанасьева по-свойски локтем пихнула ее.

В это время, под одобрителный вой и овации министр покинул сцену, а по залу вызывается следующий оратор.

— Слово предоставляется исполнительному директору восстановительных работ по Чеченской Республике Туаеву Гуте Закараевичу.

— О-о! — будто отпрянула, выдала невольный странный звук Роза, так что рядом сидящие покосились, и Мальчик засмеялся.

— Что с тобой? — поинтересовалась бабушка.

— Потом, — так же ответила Роза, так же отпихнулась локтем.

Конечно, чеченский директор — не оратор, как прежний — бывший комсомольский вожак; Туаев больше с баранами в Калмыкии дело имел. Однако, деньги, хоть и не в тех масштабах, а считать он быстро умеет и имеет к этому страсть, посему с ярым темпераментом бьет себя в грудь, за всех чеченцев слово держит:

— На добро мы ответим ударным трудом! Работайте такие средства выделяют — день и ночь будем работать, строить, восстанавливать наш родной Грозный, чтоб стал краше, чем прежде!

Гул оваций.

— Давай уйдем отсюда, — унылым голосом предложила Роза.

— Теперь нельзя, все испортим, — что-то задумала бабушка.

После торжественных речей продолжался концерт. Видя настроение женщин, Мальчик не хотел больше играть. Пришлось его уговаривать. И исполняя композицию, он еще не закончил, как министр, без предварительной договоренности с режиссерами, слащаво улыбаясь, вышел на сцену, еще до окончания звучания последних аккордов, давая команду залу, сам начал первым хлопать, затем, взяв Мальчика за руку, встал у микрофона:

— Этот, безусловно талантливый и прекрасный ребенок — будущее Чечни! Я, если честно, и не ожидал здесь увидеть такое!.. От имени правительства Российской Федерации, лично от своего имени и имени дирекции, в лице господина Туаева, обещаем ему в скором времени вручить очень ценные подарки.

После этих слов, под рев аплодисментов, не вытупившая руки Мальчика, министр резко двинулся за

кулисы, помахивая залу свободной рукой, и не успел еще скрыться от публики, как навстречу, точь-в-точь, словно израненная мать-орлица, растопырив руки, даже пальцы, выпятив вперед впавшую грудь и остро-конечный нос над изъеденными клыками — выдвинулась суровая Анастасия Тихоновна.

— Но-но-но! Не надо скандала, — буквально грудно отпихнул ее министр за полумрак кулис. Там первым делом выхватил из рук Мальчика инструмент, тут же небрежно отпихнувшись от притязаний старухи и пытаюсь рассмотреть скрипку:

— Да, из-за нее сослали моего отца, и я в этой глуши родился и вырос.

— По вам видно, что на благодатной почве родились и выросли, — гневен голос бабушки. — А ссылают, чтоб вы знали, на крайний север и в Сибирь, где по милости вашего отца, якобы из-за той скрипки, я пролегла более четырех лет... И — пытаюсь бороться: — Отдайте инструмент.

В это время вокруг министра уже стояло несколько молодых людей охраны. Столетов лишь повел взглядом, как Афанасьеву буквально оторвали от нога, огнесли поодаль.

— Отдайте, пожалуйста, мою скрипку, — Мальчик дернул министра за край пиджака.

Столетов на это не среагировал, теперь он всецело был поглощен осмотром инструмента, струны попробовал, постучал по корпусу. Света здесь было мало, и он перешел к лестнице под прожектора.

— Слушай, — теперь он обращался к Мальчику, — а разве на этой скрипке ты лезгинку играл?

Насупив брови, исподлобья сурово смотрел на него Мальчик, и вновь своим недовольным баском:

— Верните мой инструмент.

Министр и это пропустил мимо ушей, и как ни в чем не бывало:

— М-да, — щелкнул он языком. — Неужели я обобнался?

— А вы что, ее до этого видели, иль знаток? — по скрытая колкость в голосе Афанасьевой.

— Хм, знаменитая скрипка Мальдини, — в тон ей отвечает Столетов, — во всех каталогах Интерпола Похищена из академического театра Вены.

— Не без помощи Вашего отца.

Лицо министра исказилось:

— Не вам упоминать его, — злобно процедил он, и чуть тише, думая, что она не слышит. — Старая поварская кухня.

— Что? — кровь хлынула в голову Афанасьевой, но усилием воли, вспомнив, что здесь Мальчик, она вцепилась в руки, пытаясь не терять достоинство. — А между прочим, Илюшенька, именно ваш отец целых восемь лет, почти что каждый день, водил вас ко мне, чтоб выучила музыке и манерам: вижу, не смогла.

— Хе, «какова попадья», — в тон ей попытался ответить бывший ученик.

— Вы ошибаетесь, Илюшенька, я была не только той и той, как вы меня только что обозвали, а невольным солдатом при вашем батюшке, и как ни старалась, а суп из сапога сварить не смогла, не было у вас ни слуха, ни духа. А скрипка эта та же, моего отчима, — и она буквально выхватила инструмент из его рук. — Пойдем Мальчик отсюда, — уже нежным голосом.

И после себя корила, а тогда не сдержалась, хотелось ей хоть чем-то за свою долгую жизнь похвастаться. Уже покидая охраняемую зону закулисья, увидев за дверью Розу и став чуть смелей, она обернулась и громко, чтоб услышал:

— Илюшенька! Илья Аркадьевич! А дыпят-то по осени считают. Вот какого ученика я под конец воспитала! — она погладила кучеряшки Мальчика.

— Да, славный экземпляр, — будто прицениваясь, посмотрел министр. — К нему бы приличного продюсера и деньги лопатой грести...

— Тыфу, дрянь мерзопакостная! — полушепотом бросила Афанасьева, побыстрее передавая Мальчика в крепкие руки Розы. — И в детстве был такой же — шель в отца.

— Вы знаете самого министра? — удивилась Роза.

— Лучше бы не знала, — бросила бабушка на ходу.

— Пойдем отсюда быстрее.

Они уже миновали более-менее людную площадь Ленина, уже достигли своего дома, огибая его, выходили на безлюдный тупик набережной, как бабушка, тяжело дыша широко раскрытым ртом, встала.

— Погодите, дайте чуть отдохнуть.

Через минуту они тронулись. Всю дорогу Мальчика держали за обе руки, меж собой. Футляр со скрипкой у бабушки. И уже рукой было подать до заветной арки, как послышался вой моторов, визг тормозов, многочисленный топот сапожищ; выхватывая футляр, Афанасьеву опрокинули, швырнув к стенке здания.

Первой реакцией Розы была защита Мальчика — она его крепко обняла, а когда поняла, что происходит, бросилась вслед. От природы крепко сбитая Роза одного в маске догнала, вцепилась. Еле отбиваясь, она с трудом пытался сесть в затонированный автомобиль.

Машина уже тронулась, а Роза бежала, еще держалась за грабителя и за раскрытую дверь, и тут, в порыве борьбы, ее взгляд выхватил обернувшуюся пораженную морду без маски на переднем сидении.

— Да вмажьте ей! — не в первый раз скомандовал тот..

От удара прикладом мир на мгновение померь, сбросило в сторону, кувырком.

Чуть позже, стоя на карачках, еле приходя в себя, она, стоная, вместе со шматками крови выплюнула металлические фиксы с передних зубов, и сквозь эту блевоту сиплым шепотом:

— Будь ты проклят, продажный Гута!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

аже если исходить с позиций советского заключенного сталинских времен, то Афанасьевой Анастасии Тихоновне несколько повезло: Северная Двина не бог весть какой далекий край. К тому же она музицирует, молода, привлекательна, даже очень, а посему, то что в армии начали генералы и полковники, на зоне продолжил младший офицерский состав, а потом и сержанты и рядовые.

И еще у нее была одна привилегия: раз в месяц матери письмо послать; это и была жизнь-мечта, и как бы ей ни было тяжело и несносно, как бы ее не насиловали и не издевались, а матери она всегда писала письма если не оптимистичные, то вполне терпимые — «у меня все нормально, а если считать, что до нашей встречи осталось еще на месяц меньше, то очень не плохо».

Разумеется, что всю корреспонденцию на зоне проверяли, и один раз, на общем собрании командир сказал:

— Вот так надо писать письма домой! — и зачитал письмо Афанасьевой к матери.

Ничего там особенного не было — просто радужно все, оттого ее нещадно в ту ночь избили сами же заключенные женщины по бараку.

Так попала она в немилость и тех и тех: и надзиратели и осужденные издевались над ней как могли, и это продолжалось примерно год, первый год — самый невыносимый. Под конец которого она забеременела, скрывала, увидели, сапогом в живот свершили аборт, тяжело заболела, еле выжила — кожа да кости, которые теперь мужчин не интересовали; к тому же по зимнику прибыла новая партия заключенных — среди них свежих, молодых да привлекательных тоже немало.

Словом, только через год на общих основаниях погнали ее в тайгу на лесоповал. Это время запомнилось только одним — короткое лето и мошкара, и потом все холод и холод, и не знаешь, что лучше, что хуже, а вот в чем жизнь и мечта — поесть и поспать. И каждый день длиннее года, а год прошел и вспомнить нечего.

Так и было бесчувственное существование, но вдруг неожиданно-негаданно вызвали ее на свидание. И как бы среагировал Столетов, если даже после того как ее помыли и приодели, он ее не узнал. А она, хоть и не одну ночь, особенно в первый год, рыдая, и душе проклинала его — теперь бросилась ему на шею, как к родному, как к спасителю. А он, здоровый, высокий, краснощекий мужчина в расцвете лет и сил, тоже не выдержал — сам от ее вида пустил неподдельную слезу, не мог поверить, что такое возможно.

Как позже выяснилось, Столетов намеревался с ней провести целые сутки, для этого комнату ввел в офицерском доме. Однако Настя не та, не та задорная, молодая, прекрасная девушка, совсем не та, вот только талия наверное стала еще тоньше, да где там

тания, а где что — все одно — мертвецки-бледная доска, самый вид которой страшит.

Они провели вместе не более двух часов. И понятно, что Настя Столетова не интересуется — весь интерес упирается в скрипку, о которой она и забыть-позабыла. А Столетов все у нее про инструмент выпытывал, о Жене Звереве справлялся, понял, что она ничего не знает, быстро завершил свидание, с единственным требованием — нигде, особенно в письмах к матери не упоминать о нем и тем более о скрипке... Вот и все.

Да все равно она тогда и после была очень рада — ведь Столетов привез ей не только письмо от матери, а еще много гостинцев, денег дал, и что самое главное, прямо при ней он вызвал начальника зоны, и, то ли попросил, то ли приказал, чтобы к Афанасьевой относились особо. И в тот же день ее перевели работать в прачечную, о чем она даже не мечтала.

Еще через несколько месяцев, уже летом, когда до освобождения Афанасьевой оставалось около полутора лет, удрученный Столетов объявился вновь. И вновь о скрипке, о Звереве. Понятное дело, что у нее никакой новой информации нет и быть не может, и Столетов не по своей воле наведывается в эти труднодоступные, экзотические края.

— А ты чуть поправились, — легонько ущипнул ей щеку, только этого как женщина она теперь удостоилась.

— Спасибо! Вы помогли, в прачечной.

— А есть что лучше этого?

— В столовой.

— А досрочно освободиться хочешь?

Она ничего не могла сказать, только тихо заплакала.

— Своего жениха Зверева найти сможешь?

Она лишь пожала плечами.

— Надо найти, — давая понять, что свидание окончено, Столетов встал и с напущенной манерностью: — Как ты их называла? «Пакостники»?.. Хе. Так вот, этого пакостника надо из-под земли достать для тех мерзопакостников. Цель и задача ясна?

Она лишь потупила голову.

— Рядовая Афанасьева, — ядовитым тоном выдал он, — цель и задача ясна?

Она и не выбирала и не думала и готова была на все.

— Так точно, товарищ командир, — как могла и как была, вытянулась в ретивую струнку.

— Вот так будет лучше... для тебя, — позабыл напыщенность в его голосе. — И впредь, никогда не забывай своего пожизненного командира-благодетеля. Не то еще с пяток лет съхлупочешь.

Афанасьева не знала, что на сей раз сказал Столетов начальнику зоны, однако ее буквально на следующий день перевели работать в столовую, и не кем-нибудь, а на самое легкое и почетное место — в хлеборезку; как отметил Столетов: «чтоб отъела бока», пока он будет о ней ходатайствовать.

Ровно через четыре года, на год раньше вынесенного приговора, Афанасьева, не совсем жалкая, и уже более-менее живая, обняла в Москве любимую мать, и сквозь слезы радости увидела на шифоньере футляр — скрипку отчима! С каким удовольствием она на ней в первый раз сыграла, фальшивя нотами из-за огрубевших рук.

Как положено, на второй день она явилась в милицию, чтобы встать на учет. А там какой-то молодой офицер-участковый, долго вертел в руках ее справку об освобождении и, не дав добро ей здесь, в центре Москвы жить, предложил самой убираться подальше

желательно туда же, к Северной Двине, можно к Печоре, а то и вовсе в Сибирь, за Урал, там рабочие руки нужны, и столица не место для шпионов.

На следующий день вместе с матерью направились в центральное городское управление регистрации — очередь метров сто, еле-еле движется; выстояли весь день — не успели. Затем пошли занимать очередь в пять утра, были тридцатыми — здесь ее и слушать не стали, прямо на справку поставили штамп — предписание-направление на Ангару, строить ГРЭС. Через пять лет, может быть, ей и разрешат приехать здесь жить, но не ближе, чем за сто километров до Москвы. На сборы дали 24 часа. Проезд бесплатный, спешпоезд с Ярославского вокзала.

Не только Анастасия, но и ее мать были просто потрясены; здесь же, на улице, как и многие до них, они беспомощно рыдали, стремились вновь войти в это мрачное, казенное здание, считая, что произошло какое-то ужасное недоразумение. Туда их больше не пустили — объяснили: опоздание на поезд — суд.

В тот же день они еще надеялись обратиться в вышестоящую инстанцию — туда их тоже не пустили.

Разбитые, голодные, угнетенные, лишь поздно вечером они вернулись домой, а в дверях записка — Столетов оставил телефон. По звонку, он в ту же ночь к ним явился:

— Давайте эту писульку, — он небрежно сунул в карман единственный документ Анастасии Афанасьевой, пообещав к завтрашнему полдню явиться.

Не явился и через две суток. Зато явилась милиция и под истеричный рев матери дочь вновь увели. Сама Анастасия не плакала, но была на грани срыва — одна мысль, что ее снова могут послать на зону, брела ее в дрожь.

На сей раз с ней обошлись гуманно — за «утрачу справки и прочие грехи» не отдали под суд, но временно задержали, до отправки нового спешногоезда.

Не за саму себя, а за состояние матери больную переживала Анастасия во временном пункте изоляции, и, будучи уже «стреляной», умудрилась послать весточку домой, этим она себя может быть спасти, а может — наоборот. Кто знает, как бы сложилась ее судьба. Да по этой весточке прибыли только объявившийся Столетов и ее мать — Анастасию отпустили, так как Столетов предъявил выданный на ее имя не паспорт, а вновь справку временную, правда влиятельную.

Найти Зверева, как того требовал Столетов, она считала делом простым, даже решенным. Лишь бы вновь не попасть на зону — она и иголку бы в стогу сена нашла. А тут на поиски и средства выделяются. Почему-то все считают, что Анастасия «по нюху» найдет своего жениха.

Вначале она обошла всех родственников, друзей и однокурсников Жени, нашла и тех, кто с ней работал, и всем объяснялась, что ищет жениха. Потом начались разъезды по огромной стране. К делу она отнеслась рьяно и добросовестно. Уже и деньги заканчивались, и годичный срок справки был на исходе, а она все моталась по сибирской глуши, перекладывая каждую зацепку, даже схожей фамилии, и удивлялась, почему Столетов в ответ перестал телеграфировать. Не ведая, что известно: Зверев Евгений уже три года как бежал за рубеж, — и посему в услугах Столетова нет нужды, а самому Столетову ныне нет дела до Афанасьевой.

Буквально на «перекладных», порой в товарном вагоне, без денег, голодая, Анастасия едва добравшаяся

до столицы, а здесь вновь проблема с законом — срок справки истек, жить в столице — запрещено; ни Столетов, ни его семьи в Москве нет, не проживают. Зато у Афанасьевой уже есть опыт поиска людей — наняла она командира, даже умудрилась к нему позволить:

— Отстань! — рявкнул Столетов из Грозного.

Спешно стала Афанасьева готовиться к отъезду из Москвы, ей предложили трудоустроиться в одном из домов культуры райцентра Пензенской области.

Да мир, как водится, не без добрых людей, и повезло, что физический факультет, который она когда-то окончила — рядом, через дорогу. Встретила она случайно на улице бывшего однокурсника Максима Филатова. Филатов — фронтовик, дважды ранен, грудь и нога. После войны он продолжил обучение в родном вузе, защитил диссертацию и ныне заместитель декана.

Встрече с Афанасьевой Филатов искренне обрадовался, выслушав ее беды, вызвался помочь. Хромая, выпячивая ущербную от ранения грудь в орденках, он с настойчивостью обошел все инстанции — от милиции до ректора института. В итоге выяснилось, что факультет крайне нуждается в специалисте Афанасьевой, и милиция вроде не возражает; вот только постоянную прописку в Москве, по крайней мере пока, по закону дать не могут, да учитывая ходатайства вуза, временно, сроком на шесть месяцев, на уступку идут.

Приняли ее на работу в качестве старшего лаборанта, а когда по истечении первых шести месяцев, вновь благодаря усилиям того же Филатова, ей продлили прописку еще на шесть, появилась надежда по истечении года работы сдать экзамены и поступить в аспирантуру — это автоматически еще три года про-

писки в Москве, а там, как говорится, поживем — увидим.

В те годы, в свои неполные двадцать семь лет, в условиях наладившейся жизни, Анастасия Афанасьевна быстро обрела свою природную красу, и будучи в самом очаровательном для женщины возрасте, стала необычайно привлекательной. А как она играет на скрипке — чарует! Многие мужчины, молодые и не очень, ухаживали или пытались за ней ухаживать. Но Анастасия держала себя строго и достойно.

Повидавшая уже немало Анастасия понимает, что если не считать мать, то она одна-одинешенька в этом суровом мире, и посему избегает она всяких любовных и полулюбовных интриг, что греха таить, мечтает достойно замуж выйти; и есть у нее кое-кто на примете, даже не один. Но это все прожекты, а в реалии, как выходит она из дому, мать твердит:

— Ты обручена с Женей Зверевым перед Господом Богом! Бойся Бога, блюди свято эту заповедь, ни с кем даже шашни не заводи, не то покарает Он тебя и твою плоть; и будешь ты проклята и не благословлена.

— Да где же твой Женя?! — каждый раз портит настроение Анастасии. — Этот ублюдок, вор и трус!

— Не богохульствуй, — строга мать. — Сама выбрала, Женя твой суженый. Что предписано Богом надо чтить, терпеть, ждать, и...

Продолжение она выслушивала вечером, а утром в спешке выбегала и уже в подъезде беззлобно говорила:

— Вот дура! — и это было не в адрес любимой матери, а как оказалось, о себе.

По ее личному жизненному плану, в первую очередь ей надо сдать экзамены в аспирантуру, которые она уверена, что сдаст, да все равно усиленно гото-

шится. А до этого надо подготовить документы, самое главное — характеристику с места работы, подписанную «великой» тройкой — секретарем комсомольской организации, секретарем профсоюзного комитета, и, наконец, самое-самое — секретарем партийной организации института.

И вроде проблем быть не должно. В целом — характеристика это формализм — были и небылицы пишут, как про покойника лишь хорошее говорят. Но с Афанасьевой ситуация иная. Да, фронтовик, есть орден и медали, ранена и контужена. А потом? Словом, есть о чем секретарю парткома подумать, а дума его одна — что подскажет вышестоящая организация — райком КПСС. А так, по работе нареканий нет: «трудолюбива, образованна, пользуется уважением у коллектива, принимает активное участие в общественной жизни института».

Все это правда, и более того, именно благодаря Афанасьевой на конкурсе общественных самодеятельных коллективов всей столицы их институт занял первое место лишь благодаря музыкальному мастерству Афанасьевой.

В общем, ждал секретарь парткома отмашки из райкома, там не до Афанасьевой, а время идет, документы пора подавать, а тут новогодние праздники подоспели. Как уже все привыкли — гвоздь программы скрипичное выступление Афанасьевой. Вышла она на сцену, и что она видит? Руки задрожали, чуть не сорвала концерт. В первом ряду, рядом с секретарем парткома и ректором, — сам Столетов, выпускник, а ныне почетный гость института.

— А ты похорошела, даже не узнать, — после концерта подошел к ней Столетов, и особо не церемонясь, пригласил в ресторан, намекнув, что и секретарь парткома будет там.

Не грубо, но в категоричной форме Анастасия отклонила приглашение, и на следующий день, когда Столетов, будучи явно под градусом, позвонил ей на работу, она вновь деликатно отклонила его притязания. В те же дни был новогодний вечер, уже на факультете. И она не знает, то ли Столетова пригласили, как бывшего декана, то ли он сам явился; с огромным тортом, шампанским и водкой.

В общем, изначально он был уже навеселе, со всеми шутил, вел себя развязно, а после, заметив как и все, что Филатов с особым вниманием обхаживает Анастасьеву, стал открыто над ним подтрунивать. Сам Филатов, человек безусловно мужественный, прямой, но не словоохотливый, не вступил он с бывшим деканом в словесную баталию, молча ушел, да не один, и Анастасия с ним ушла, на этом вечер померк и превратился в заурядную попойку.

А Столетов на этом не утомился. В новогоднюю ночь, пребывая также во хмелю, как и сопровождающий его товарищ, он явился с огромным букетом цветов, прямо на дом к Анастасьевой, и фривольным тоном стал ее звать в ресторан:

— Весь зал наш! — командирским басом кричал он, привлекая внимание всех соседей по коммунальной квартире.

— Уходите, уходите, пожалуйста, Аркадий Яковлевич, — пыталась спровадить непрошенных гостей Анастасия.

— Но, но, но! Как ты смеешь так, р-р-ридовая Анастасьева! — пьяно рычал полковник запаса.

— Не спроста, не спроста, — когда непрошенные гости ушли, недовольно выдавила мать, и уже тиня будто про себя. — Какой срам! При людях... А дворянская кровь.

В первые будние дни, уже по межгороду, Столетов позвонил на работу:

— Настя, прости... Как в Москве погода? А у нас, шесць на юге, тепло, прямо весна, — он еще что-то бубнил, но ей не до него, оставалось всего пару дней до конца сдачи документов, характеристика еще не подписана.

Пошла она лично на прием к секретарю парткома. В большом светлом, прокуренном кабинете, прямо под огромным портретом Сталина сухопарый партиец, чуть сбоку секретарша стучит на машинке.

Увидев Афанасьеву, он исподлобья долго глядел, наверно мучительно что-то выбирал, наконец, снял очки, устало просопел, шмыгнув простуженным носом:

— Мария Сергеевна, — принял он решение, — вы нам мешаете.

— Да, да, — как по команде вскочила секретарша, и несмотря на далеко не юный возраст, довольно шустро застучала каблуками, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Слушаю вас, — будто не знает о чем речь. — Ах, да! — он даже встал, подчеркивая важность. — Понимаете, нам кажется, и по инструкции так, что за год работы мало что поймешь, и вообще, наука дело серьезное, надо бы еще годик-два поработать, прежде чем об аспирантуре думать... Такого положения, — сделал пару шагов он ей навстречу.

— Так я ведь фронтовичка, ранена, у нас льготы, — чуть ли не затараторила она от волнения.

— Все понятно, все понятно, — он подошел вплотную, — но есть и послевоенные годы.

— Я не виновата, меня оправдали, на год раньше выпустили.

— Это они мудро сделали, — он сперва легонько положил руку на ее талию и, будучи чуть ниже, страстно иль с одышки тяжело ртом дыша, обдавал ее противным запахом табака и чего-то жирного. — Давай сделаем так... э-э, так сказать полюбовно, — он уверенно обхватил ее, — еще годик поработай, прояви себя, так сказать, с лучшей стороны, а мы всегда будем «за». Ну, как? — острый кадык с жадным всасывающим звуком прошелся по его тонкой шее. — Значит, договорились? — и его костлявая рука впиалась ниже талии.

— Ух! — локтем отпихнула его Афанасьева, бросилась к выходу, сбивая дверью секретаршу.

Как раз в этот же день ей вновь позвонил Столетов из Грозного. Цепляясь за последнюю надежду, даже не веря, что он что-либо сделает, Анастасия в двух словах посветила его в свои перипетии. И к ее удивлению, Столетов, видимо, позвонил к секретарю парткома, или еще как, в любом случае к ней явилась Мария Сергеевна:

— Понимаете, Анастасия Тихоновна, мы ничего не решаем, все в руках райкома КПСС, и зря Аркадий Яковлевич нас донимает.

И может быть, все так бы и улеглось, и как подсказал Филатов, этот год даром бы не пропал, они бы потихоньку, заранее начали бы работать над темой диссертации, как и ранее решив вопрос с пропиской. Однако, случилось непреодолимое: умер Сталин, и стали пуще прежнего выискивать «врагов народа», и никто, прежде всего сама Афанасьева, не предполагали, что на траурном митинге среди последних тот же секретарь парткома упомянет ее имя: «мол, затерся и среди нас лазутчик».

Это был новый, куда более коварный приговор. Лишь Филатов открыто ее пытался отстоять, — за это вскоре поплатился должностью заместителя декана.

У нее еще был шанс спастись, остаться в Москве — выйти замуж. Но за кого? И здесь Максим Филатов был рядом, да и он не то чтобы сделал предложение, а сказал:

— Я хочу быть всегда с тобой.

— Но ты ведь женат.

— Ни я ее, ни она меня не любит.

— Но у вас ребенок... К тому же еще скажут — я разрушаю советские семьи — совсем изживут.

После окончания срока прописки она еще более трех недель пребывала в Москве, и ее уже ожидали самые жесткие санкции со стороны правоохранительных органов. Находясь под всесторонним прессингом, она сама сознательно свершила уничтожающий шаг — «прыгнула в раскрытую пасть» — позвонила к Столетову.

— Что там ты, даже меня из столицы выжили, — проде участливый голос пожизненного командира. — Да я абсолютно не жалею! Даже очень рад! Здесь настоящий курорт! Юг, тепло, все есть! И что ты там живешь, в этой провонявшей мышами коммуналке, вместе со своей доисторической мамашей. Извини... И что такое лаборант и прочее. Короче, срочно приезжай, обещаю — не пожалеешь.

Где-то в середине февраля она сошла на перрон станции Грозный. Югом и не пахло — шел мелкий, сыпучий снег, сильно дуло, — и сырость, холоднее, чем в Москве. Никто ее не встречал, было очень рано, а знала она лишь рабочий адрес и телефон. Грозный не Москва — небольшой, провинциальный, промышленный, уютный городок. И спрашивать не надо — проспект Орджоникидзе от вокзала ведет к недалекому центру, а там дворники подсказали, где улица Мира центральный почтамт, напротив — центральная типография и рядом огромное здание — «Северо-Кав-

казское региональное научно-производственное объединение «Севкавгеология». (Как физик-астроном, мечтающий о яркой звездной романтике, стал вдруг геологом — в темной земле ковыряется. Прямо как в сказке).

Не в девять, а для приличия, в девять пятнадцать Афанасьева из приемной набрала прямой внутренний телефон, и если бы в тот момент не услышала голоса Столетова, ставший поистине родным, ее бы наверное хватил удар. Она вся продрогла, проголодалась — в поезде пила только чай, да это не беда, не впервые. Не найди она на месте Столетова — ни средств, ни документов для существования в чужом городе у нее не было.

Весьма обходительная дама вскоре проводила ее в отдельное помещение — комнату отдыха.

— У Столетова совещание — подождите, — налила чай, оставила ее одну.

На столе печенье, конфеты, фрукты. За стеклом серванта штабеля полных и початых бутылок коньяка, водки, вин. Она бы все это просто проглотила бы, да еле сдержалась, чуть голод утолив.

В полдень та же дама ее разбудила — заснула на диване. Провела в приемную, где на двери красовалась табличка — «Столетов Аркадий Яковлевич, генеральный директор», и далее новое для нее открытие — «доктор технических наук, профессор». Она и так вновь попала под его власть, а в огромном, солидном кабинете совсем ступевалась, — действительно, она по жизни рядовая Афанасьева. И здесь он с ней, по крайней мере в первое время, абсолютно не паясничал, наоборот, был строг, но заботлив. И это был не прежний декан, и не командир вольного спецподразделения. Видимо, работа была тяжелой, ответственной, и сверху был жесткий спрос, план.

Конечно, чего наобещал Столетов, не случилось. Но к ее приезду он кое-что сделал. Была подготовлена отдельная комната в рабочем общежитии и с пропиской — без проволочек. Стала она жителем Грозного, думала временно, оказалось... А в трудовой, и позднее, заполняя анкеты, появилась новая запись:

03.1953 г. — «принята на работу заместителем начальника отдела охраны труда и техники безопасности».

Сколько еще будет таких строк в ее автобиографии? А оглянувшись, вроде ничего; жизнь, и не короткая жизнь, под итог оказалось, пролетела, как стрела, и, что печально, мимо...

А тогда, будто бы, жизнь вновь наладилась. Оклад не очень, но больше, чем у лаборанта в Москве. К своему удивлению, и даже разочарованию, в первое время самого Столетова она видела раз-два в месяц, и то мельком. И обида, и ревность посещали ее: неужели здесь она Столетова как женщина не интересуется? Оказалось — не до нее. Буквально за день-два до ее приезда в объединении произошла крупная авария, есть жертвы, важнее — ущерб государству.

Комиссия за комиссией прибывают из Москвы. Ходит слух, что судьба Столетова на волоске, и не только с работы погонят, но и посадят за вредительство!

— Ведь он ни черта не понимает в геологии, — уже открыто говорят и в курилках, и в столовой, — пусть лучше свои звезды считает, тоже нам барин-вертопрах!

В конце апреля Столетова вызвали в Москву, на коллегию главка — окончательно решался его вопрос. До этого времени он ни разу не вышел с Афанасьевой на контакт. А как она переживала за его судьбу, как за

родного! И, когда еще до приезда Столетова, пришло известие, что Столетов утвержден, и не как ранее, на год, а сразу на пять лет, Афанасьева одна из немногих, кто радовался без меры.

Приезд Столетова был как стихия, он разом уволил и понизил в должности всех своих заместителей, поставив на их должности тех, кто ему угоден, даже в ущерб производству. Свершив кадровую революцию, зная, что в Москве его более в обиду не дадут — нашел общий язык, Столетов действительно, стал жить, как барин.

На работу он приезжал, когда хотел, обычно часам к одиннадцати. Находил причину, или вовсе без причины, делал взбучку своим замам, а те давали. Словом, точнее матом — работу налаживал, и, имея привычки сидеть на одном месте, он, как и в институте, во время деканства, любил ходить по коврам коридора, делая вид, что озабочен состоянием роскошных комнатных растений, будто это его страсть, при этом постоянно курил длинные папиросы «Казбек», и в Москве этого, конечно же, не было, а здесь секретарши, и не одна, ходили за ним одна с пепельницей, а другая с папкой, готовая в любую минуту записать очередную умную мысль большого руководителя.

А руководитель он, действительно, большой. Тысяча двести работников только в Грозном. Помню этого, еще три филиала в разных городах региона, плюс экспедиции, две базы отдыха и профилакторий в пригороде Грозного, где с началом лета Столетов на природе проводит большую часть времени и куда теперь два раза в неделю на машине доставляют Афанасьеву, и если шеф «в душе», то гуляет до утра, и ей приходится до утра его ублажать, на скрипке играть, разве что не танцевать.

Правда, все не за просто так — интерес обоюдный, и вообще у них много общего пережитого, и не зная никого в этом городе, она тянется к Столетову; с ним весело, роскошно. И он вроде бы без нее скучает. По крайней мере так говорит, а из командировки приезжает, сразу же за ней машину отправляет, и еще дома не побывал, а с Афанасьевой встретиться хочет. И в угоду ей: что ни премии — в ведомости, дефицитный товар — в списке. Да это все ничего, она в Грозном без году неделя, а среди очередников на жилье уже в первой полусотне, под диктовку шефа заявление писала: «как молодой специалист, прибывший для подкрепления кадрового состава из Москвы, и имея больную мать на иждивении... отдельную двухкомнатную квартиру в строящемся ведомственном доме».

Анастасия, конечно же, понимала, что такая ситуация долго продолжаться не может, по крайней мере ей необходимо подумать о своей личной судьбе, и она не раз пыталась заговорить об этом со Столетовым, но он, будто зубы болят, кривил лицо, и всякий раз уваливал от темы, да развязка пришла сама собой.

Будучи пьяным, Столетов рассказывал Афанасьевой о своей семейной жизни, мол, с «необъятной старшей» женой у него ничего нет, так — иногда. А как раз в это время родился третий ребенок — Илья. И понятное дело, не без помощи «добрых людей» явилась здорешенная жена Столетова прямо на рабочее место Афанасьевой. Сказав «сука!», ударила о ее голову папку делопроизводства, и вслед убегающей — «чтоб духу твоего не было здесь!»

Анастасия убежала в общежитие, рыдая, уткнувшись в подушку. Даже не открыла дверь водителю Столетова. А вечером, собрав свои пожитки, двинулась

на вокзал, купила билет до Москвы и, когда поезда уже подали, задумалась о советских реалиях, ведь трудовая книжка здесь, прописка здесь. Как и на что жить в Москве? И лучше бы уехала, да в последний момент, обдавая ее крепко спиртным запахом, объявился важный Столетов.

В эту ночь он до утра оставался с ней в профилактории, клялся в любви и даже говорил, что с женой разведется, будет жить только с ней, по работе даже повысит. А на утро:

— Ты пока на работу не выходи, посиди в общежитии, а я разберусь кое с чем и все будет хорошо.

Стало еще хуже. Жена Столетова явилась в общежитие, воспользовалась тем, что дверь была не заперта; голос не повышала, потребовала и отсюда убраться.

С уличного аппарата Анастасия позвонила на прямой номер:

— Аркадий Яковлевич, мне стыдно появляться в объединении, выдайте мне трудовую книжку, рассчитайте, пожалуйста.

— Да ты что, Настя! Больше она к тебе на пушечный выстрел не подойдет... Да кому ты, где нужна?! А здесь, уже после Нового Года, двухкомнатная квартира... Не уволю! Я подыскиваю для тебя лучшее место.

Вновь она сдалась, да и выхода не было. Из общежития, правда, не выбыла. А работа новая нашлась, прямо по профилю — руководитель кружка народной самодеятельности при Доме культуры объединения. Работа не скучная, среди молодежи, да оклад значительно меньше, премиальных вовсе нет, и если раньше она и матери деньги отсылала, и даже откладывала кое-что, то теперь еле-еле от полочки до полочки дотягивает, даже в долг живет.

А со Столетовым так: много раз шофера присылали, сам подвыпив наведывался; и упрасивал, и даже слегка угрожал, дошел до того, что стихи ей написал — все, с прошлым порвано.

Круглый год доработает, как раз дом к тому времени достроят, с собственной квартирой, хоть и в Грозной, а жить станет легче, можно попытаться обменять на комнату в Москве. В столице власть если и не поменялась, то стала, как мать сообщает в письмах, якобы проще, по крайней мере былой деспотии нет.

Ни после Нового Года, ни к лету жилой дом не сдали. В июле Анастасия взяла отпуск, поехала в Москву. Подала новое прошение для прописки на жилплощади матери. Обещали в течение двух-трех месяцев ответить на запрос. Параллельно она подыскивала и место работы. Хотела устроиться в сфере искусства, в консерватории ее еще помнили; пару раз прослушивали, да пальчики уже не те — на зоне отморозила, виртуозной гибкости нет. Пришлось вновь обратиться к физике, вопреки всему, пошла в институт, обещала Максиму Филатову.

Филатов, теперь рядовой доцент кафедры, раздобыл ее адрес у матери, писал ей регулярно, вначале раз в месяц, потом чаще и чаще. Его письма были по-фронтовому сухи и откровенны: «С женой подали на развод. Сына очень жалко, скучаю. Мне его не показывают. Живу в Подмосковье, у тети. Обещают дать комнату в общежитии. Здоровье чуть шалит, в санаторий поехать не смог из-за эксперимента. Надеюсь до конца года завершить опыты и уже в следующем году выйти на защиту докторской. Выступил на научной конференции — много было споров вокруг моего доклада. Пожалуйста, дорогая Анастасия, пиши. Искренне, твой друг, Макс Филатов».

— Я так рад, так рад! — пожимал обе ее руки Филатов, — пойдем, — он провел ее в маленькую, тесную лабораторию, где всюду: на полу, на полках, на столе валялись всякие инструменты, оборудование, пузырьки. Все работало, все кипело, булькало, а запах, точнее — не чем дышать. И тут же на столе грязный чайник, недопитый, круто заваренный чай в стакане, всюду окурки, пустые пачки из-под сигарет, дым пластами висит. В углу раскладушка.

— Извини, иногда приходится ночевать, — он заправил грязную постель. — Знаешь, Настя, я так благодарен тебе! Меня турнули из деканата, и я так рад! Теперь все время занимаюсь любимым делом.

— Тут ведь нечем дышать! У Вас легкие...

— Да-да, сейчас включу вытяжку. Просто она так шумит.

Через пять минут Анастасия уже задыхалась, не выдержав, выскочила. Следом вышел и Филатов:

— Пойдем сегодня в кино, я установку отключу.

Только сейчас Анастасия заметила, как он слез под глазами синюющие круги, а кожа, даже не бледная, а с каким-то дымчатым, как воздух в его лаборатории, оттенком, и лишь в глазах блеск, жизнь.

— Максим, так нельзя, вы сгубите себя.

— Не-не, не волнуйся, я абсолютно здоров. Установку часто отключать нельзя, каждые четыре часа снимаю показания, кха-кха-кха. Прости, — достал он из кармана далеко не свежий носовой платок. — Настя, я свершу такое открытие, все подтверждается! Ты должна возвратиться в Москву. Мне поможет столько материала! Мы вместе защитимся — ты кандидатскую, я докторскую, и дальше продолжим исследования.

Билеты достали только на последний сеанс. Выходя из фильма он держал ее руку в своей сильной, прохлад-

ной, влажной руке, и лишь когда начинал кашлять, обеими руками сжимал рот, чтобы никому не мешать.

После фильма он провожал ее домой, все также не выпуская руки. Летняя ночь в Москве была светлая, теплая, умиротворяющая.

— А вы где будете ночевать? — уже у подъезда поинтересовалась Анастасия, а Максим с фронтальной откровенностью:

— Последняя электричка ушла. Институт закрыт. Есть вокзал.

— Да ты что!? — встрепенулась она, и буквально силой потащила Филатова к себе домой. — Я сегодня такой борщ сварила, заодно проверишь мои кулинарные способности.

— Мужика в дом, за полночь, где это видано? — громыхая всем, что попадало под руку, возмущалась мать, не скрывая своих чувств от гостя.

А когда Анастасия пошла на общую кухню, пошла вслед за ней:

— Ты что, этого чахоточного на ночь пригласила? В одну комнату коммуналки! Ты хочешь всех нас заразить?

— Мама, потише... Он не чахоточный, ранен в легкое. Это Максим, Филатов Максим, мой однокурсник. Он один меня на собрании защищал.

— Вела бы достойно — защищали все. Я больше полувека прожила, а пальцем показывать, третировать себя повода не давала. Дожила — дочь мужика в дом привела... Да и было бы что, а то кривой, больной...

— Мама, перестань. Это дважды раненый фронтовик. И не мужик, а доцент, без пяти минут доктор.

— Пусть хоть и академик, вид и говор и него мужицкий, даже ударения неправильно ставит —

доцент! А травить заразой себя и свое жилье — не позволю.

С подогретой кастрюлей вернулась Анастасия, а Филатова в комнате уже нет. Она бросилась за ним.

Чуть ли не до зари они гуляли по Москве, отчего-то все время смеялись, веселились, даже песни пели. На рассвете Максим предложил пойти на вокзал — чай пить. Оказывается, буфетчица его знала. Когда он поднес к столу чай с бутербродами, от него уже разлило водкой.

— Настенька, пойми! Мне за вредность положено. Ведь водка, она все стерилизует, очищает.

После, когда уже город и вокзал пробудились, они нашли место где сесть. Анастасия не заметила, как заснула, а проснувшись, голова ее покоится на коленях Максима, гладит он нежно ее сбившиеся волосы, терпеливо бережет ее покой.

Вопреки ожиданиям мать дома с ней особо любезна:

— У нас два билета в центральный зал филармонии. Двоюродный племянник Анатолия (отчим) пригласил. Кстати, твой кузен, тоже выпускник консерватории, тоже скрипач, теперь ведущий солист.

— А с какой стороны он мне кузен?

— Настенька, надо слушать родителей... Тебе давно замуж пора.

— Хе, а Женя Зверев, мой «пожизненно» суженый-ряженный?!

— Не сквернословь. Вы были благословлены Богом и родителями, — она вознесла руки. — Видимо, пропал бедняжка в холопской среде. Царствие ему небесное, — перекрестилась.

— Мог бы скрипку вернуть, там она не нужна.

— Боже мой! И в кого ты? — хлопнула мать себя по бедрам. — Вот за такие речи и мысли — все твои страдания и неурядицы.

— А ты, мама, в молодости тоже плохо говорила и мыслила?

— Тогда время было другое — переворот, война.

— Сейчас не лучше.

Мать тяжело вздохнула, промолчала. В преддверии концерта не стала портить отношение в семье. А будучи в зале до концерта и во время антракта, она пыталась показать дочери кузена. В массе исполнительней дочь не могла его найти по описанию матери, и тогда мать сдалась:

— Вон лысый с баками, в заднем ряду.

Дочь не сдержалась, прыснула смехом.

— Ой-ой, по крайней мере, на голову выше, чем этот доцент.

Кузен действительно оказался очень высоким, худым, даже тощим, уже не совсем молодым человеком, который как артист, едва заметно использовал макияж, подкрашивал седеющие баки и виски.

— Мама, да он какой-то не такой, — чуть ли не смеялась Анастасия после очного знакомства. — С какими-то манерами.

— В том-то и дело, что с аристократическими манерами, не какой-то мужлан... А как живут, а как играют! Какой галантный и обходительный! Настоящий зять! Готовый муж! А не плебей безродный!

На следующий вечер были приглашены к кузену. Вся семья музыканты, жили они действительно шикарно, в большой отдельной квартире на Тверской. Включив в свой ансамбль Анастасию, пытались играть семейным квартетом — с листа не пошло. Но они были в восторге, или делали вид. Так это касалось лишь игры в квартете. А от сольного выступления Анастасии, когда она всерьез собралась, они были слегка удивлены. Да откуда они могли знать, что

такая очаровательная девушка, просто прелесть, да еще так музыкальна.

— Это находка! Судьба! Мы так переживали за сына!

Родители кузена и мать Анастасии были довольны. Начали организованно форсировать события. Кузен, более активно, как мог стал ухаживать за Анастасией, почти что каждый день приходил к ним в гости, носил цветы, даже пригласил в ресторан, от чего она отказалась, сказав матери:

— Точь-в-точь как индюк.

Мать вскипела:

— Хочешь в девках остаться иль еще как позорить меня!?

— Что-что, а в девках не останусь, — беззлобно дерзила дочь.

И как в подтверждение в этот же вечер к ним явилась в гости соседка сверху, и не как обычно — в опрятной, напудренная, наряженная, в духах, пирог испекла, бутылка с настойкой. И сходу, без обидняков:

— Сын мой, Петя, милиционер, по Анастасии страдает. Сватать пришла, по-свойски.

— Да что это на вас, мор нашел? — неудачно шала ла дочь.

А мать дипломатично:

— Понимаешь, дорогая соседка, Петя то и чуть ли не с детства знаю. Парень на зависть. И мне бы в радость, дочь рядом... Да открою секрет: не давеча, как сегодня, заявление на брак подали, в воскресенье венчание. На помолвку приходи, приглашаю.

Не успела соседка уйти, огорошенная дочь бросилась к матери:

— Ты пошутила, иль как?

— Какие ж тут шутки могут быть? Дело первостепенной жизненной важности.

— Знаешь что!? — взорвалась дочь. — А ты меня спросила?

— А меня родители тоже не спрашивали. Благодарю, и я была счастлива.

— Ты что, мать, то какие были времена?!

— Времена все одни, сама на днях утверждала, — и шила, как дочь одевается: — Куда среди ночи? Ослушавшись — пеняй на себя, не благословлю, срамить свой род не позволю.

— Дура! — в который раз в сердцах крикнула Анастасия уже в подъезде.

Куда идти, она не знала. С улицы нашла освещенное окно лаборатории, подпрыгнув, стукнула. Вахтера не будили, залезла в окно. От Филатова разило застоялым перегаром, на столе обглоданная селедка, шелуха лука, рукой обломанный хлеб, гора окурков. Тут же на столе он шлет расчеты в журнале, работает, поглощен цифрами.

— Сейчас, сейчас, Настенька... Еще один показатель запишу — и все.

Здесь ей стало еще хуже. Куда бы податься? Некуда. В бессилии бросилась на раскладушку, пряча в грязной, вонючей подушке слезы неудавшейся, такой же смрадной жизни.

..Под утро она проснулась, установка все также рычит, Филатов прямо за заваленным хламом столом, так и не убрав объедки, заснул на журнале со своими расчетами.

Слегка растормошив ученого, еще полусонного, она его осторожно, среди приборов, провела до раскладушки, уложила и долго осматривалась, не зная с чего начать уборку в этом заваленном бедламе.

Вспугнул ее звонок: Максим завел будильник.

— Настя, Настенька, — ходил он за ней, — как я что-то где теперь найду? Это ведь организованный хаос — как в природе.

— В природе строгий порядок, незыблемый физический закон, и случайностей, как кто-то считает, не бывает... Все предписано Всевышним!

— Ты верующая? — изумленно спросил он.

Вспомнив мать и надвигающееся воскресенье, она не ответила, лишь оценивающе уставилась на Филатова и, видимо, ничего не поняв, вновь с рвением, приступила к наведению порядка, и это заняло весь день.

К вечеру пошли в студенческую столовую, потом гуляли по Москве, и Анастасия вкратце намекнула о своих делах. И если бы он хоть слово, хоть полслова надежды дал. Не может же она не то, что в любви, а в жены навязываться. Нет... А он погрузился в себя, был угрюм и задумчив.

«Значит, судьба, закон, все предписано», — думала она при расставании.

— Ты выйдешь замуж? — словно прочитал он ее мысль.

Она лишь кивнула.

— А я еще в браке. Нас ведь еще не развели... Но Настя, — а она уже убежала.

Дома мать ее обнимала, плача, просила прощения, целовала голову и руки. На следующий день, во вторник, подали заявление на регистрацию брака. Вечером ходила на его концерт, после которого он пригласил ее в ресторан, и она нашла, что он не глуп, напротив, очень эрудирован; не пьет, не курит, а манеры, да к ним надо просто присмотреться — весьма галантен. Словом, благопристоен, и учитывая прочее, прочее, прочее, мать, как всегда, права!

Да сработала закономерность, ей в жизни не везет. Кузен с кем-то посоветовался, и еще до воскресенья объявил, что к попам кланяться не пойдет.

— Я коммунист, и как меня пустят за границу? Да

меня и из оркестра попрут. Да и вообще, что это за дикость и мещанство?!

— Он прав, зачем нам поп, вся эта конспирация с венчанием, — уже спелась с женихом и Анастасия.

— Чего? — вскипела мать. — Да мне плевать на вас, безбожных большевиков, идолопоклонников. Но как вы, без Божьего благословения и Его милости, соби-раетесь детей зачать, родить и воспитывать? Иль ублюдков прикажете мне ласкать!?

Родители кузена еще пытались найти какой-либо компромиссный вариант, но для матери этот вопрос был незыблемым:

— Первородный грех! Вот от чего страдает, деградирует человечество. Я на это не пойду, и не позволю. В воскресенье, в церкви, вы получите Божье и мое, родительское, благословение. Так меня воспитали, и я не позволю своей дочери от этого отступать.

Еще на что-то надеясь, как ранее договаривались, в воскресенье потащила мать Анастасию в захиревшую церковь. Весь день молилась, свечки ставила, бесполезно — ни сватов, ни тем более жениха.

Дома Анастасия истерично смеялась:

— Где же хоть Петя и его мать? Иль я точно в «девах» останусь?

В эту ночь у нее поднялась температура, был озноб, вызвали «скорую». Еще дней десять она не выходила из дома, болела. И после этого, хотя отпуск уже закончился, она с помощью матери сделала «больничный» и еще месяц пребывала в Москве, надеясь получить прописку по своему запросу. Так и не дождавшись никакого результата, обидевшись на всю Москву, где она родилась и выросла, и всех москвичей, она уехала в Грозный, где был свой угол, а жить с матерью в одной комнате коммуналки она уже не могла.

К своему удивлению, в Грозном Анастасия обнаружила три письма из Москвы, все от Филатова. Максим, как всегда, был краток и откровенен.

«Дорогая Настя! Ты права, все закономерно. С первого курса я очарован и пленен тобой. И тогда не посмел ни ухаживать, ни тем более объясниться в любви. Вот и страдаю с тех пор, любовь еще сильнее и мучительней. Если бы тогда посмел, то, быть может, все было бы иначе. А сейчас какой я муж? Ни кола, ни двора, и не то, чтобы для новой семьи, даже для самого себя угла не имею. Правда, обещают с нового учебного года в общежитии пристроить.

А так, все надежды на себя, на эксперимент, если опыт будет удачным, то сама понимаешь, — это докторская, и все прочее-прочее, а, в общем, как говорится: дурень думкой богатеет. Этим и живу... Как ты просила — питьем не злоупотребляю, лишь фронтальные сто грамм, с куревом тоже — пачка в день».

Другие два письма были сугубо деловые.

«Уважаемая Анастасия! Ты человек талантливый и высокообразованный... Работая лаборантом, ты уже освоила теорию, а главное, практику моего эксперимента. Для написания твоей кандидатской диссертации у нас масса материала. Не теряй зря драгоценное время. Я высылаю тебе кое-какие исходные теоретические и расчетные материалы. Восстанови все в памяти, и пойдем дальше. А начало положено, я отдал на издание в научный журнал уже две статьи, где мы с тобой соавторы, — высылаю рукописи. Научных успехов! Максим».

В принципе у Анастасии уйма свободного времени, а злости на неудавшуюся жизнь и изнутри ставших амбиций еще больше. Как повсюду в стране Советов, и для нее, маленького руководителя кружка народной самодеятельности, доведен план: столько-то член

нов; участие в конкурсах; цель — повышение идейно-нравственного уровня советских людей, прежде всего молодежи.

Здесь главный показатель — участие в конкурсах, занятое место. У Афанасьевой в этом проблем нет: у нее небольшой ансамбль, где она солирует в одном номере на скрипке, в другом на пианино, а остальные чуть-чуть подыгрывают, больше имитируют, чтоб не мешать, а у нее, выпускницы консерватории, класс еще есть. На уровне самостоятельности — она звезда; призы, дипломы, в общем, работа идет.

В плане личной жизни — так, кое-что эпизодически есть, в веселом заведении работает, в общежитии живет, и никуда, особенно в праздник, когда чуть выпьет, не деться, она тоже человек, со своей физиологией. Но, по правде говоря, замуж выйти мечтает. Да ее ровесники, и те, кто постарше, уже женаты, кто еще в этом возрасте не женат, и ей даром не нужен — одна пьянь.

И, разумеется, она женщина видная, статная, были и серьезные предложения от серьезных людей, но их страсть быстро гасла, видать, репутация связи со Столетовым давала о себе знать. А Грозный — город небольшой, провинциальный. И хотя местных, чеченцев и ингушей, нет, всех депортировали в Сибирь и Казахстан, понаехало много соседних народностей, да и казаков немало, в общем, нрав здесь сдержанный, порой по-кавказски суров, и даже бывших шалоустей, тем более вольностей не забывают. Но Столетов ее тоже не забывает, иногда на работу звонит, правда, они теперь очень редко встречаются, говорит времени нет, может жены боится.

В общем, у Афанасьевой свободного времени не было. Предложение Филатова подхлестнуло ее тщеславие — не может же она всю жизнь каким-то круж-

ком юнцов руководить, надо доказать, и прежде всего Столетову, что она на многое способна, и еще поборется за свою жизнь.

Стала она изучать материалы, присланные Филатовым, так бессонница, от которой она страдала по ночам, куда-то исчезла, один вид формул и цифр нагонял на нее истому, даже зевоту. И наверняка все бы это так и осталось благим прожектом Филатова, да неожиданно ее вызвали на ученый совет объединения, и председательствующий заместитель Столетова по науке, небрежно перелистывая толстый специализированный журнал, надсмехаясь:

— Афанасьева, тут в журнале две крупные статьи, и подписано вашей фамилией, — научный сотрудник «СевКавгеофизика», г. Грозный. Что за плагиат, что за самодеятельность? Вы хоть понимаете, под какой удар вы ставите все объединение, нашу науку? Вы хоть понимаете, что там написано? Это ведь не нотная запись, это физика, молекулярная физика!

— Прежде, чем закончить консерваторию, я окончила физтех, — кровь хлынула в голову Афанасьевой.

— Ну-у, это когда было.

— Значительно позже, чем у вас, — с этими словами она без разрешения покинула совет.

За эту дерзость она, конечно же, пострадала бы, да, видимо, Столетов ее отстоял, и в телефонном разговоре, тоже надсмехаясь, попросил больше так не усердствовать доцента Филатова, — как-то «иначе объясняться в любви», не то скандал будет грандиозный. И под конец, совсем уничтожающее:

— Даже я не все понимаю в этих публикациях, и подписано — Афанасьева, «СевКавгеофизика». Смотрите, если дело получит огласку — нам придется расстаться.

— Я давно об этом мечтаю, — бросила она трубку и тотчас пожалела.

Кто не знал проблему жилья в Советском Союзе, тот счастлив был. А у нее, одинокой девушки, отдельная комната в общежитии, — если не блажь, то спокойная благоустроенная жизнь в те времена, и вот-вот она должна получить двухкомнатную квартиру — это уже роскошь, мечта.

Притихла Афанасьева, как говорится, на дно легла. А тут посылка из Москвы от Филатова, поздравляет с первыми научными публикациями. Просмотрела она свои статьи — действительно, ничего не понимает. Но ведь она работала на этой установке, неужели ничего в памяти не осталось? Всколыхнулось ее самолюбие, и поважное дело, не самой себе, а Столетову и иже с ним докажет, кто она есть, что не зря физтех окончила.

Поначалу было очень тяжело, многое позабылось, многого вовсе не знала. Да времени у нее навалом, вот и стала потихоньку докапываться, в библиотеках стала рыться и заседать, уже и Филатова загрузила просьбами и вопросами, и так прониклась к теме, особенно к теоретическим аспектам, что порой и до рассвета досиживает, и как ни странно, все в охотку, с азартом, с любопытством, и те два-три часа, что она теперь вынужденно тратит в кружке самодеятельности — пустая трата, и лишь для того, чтобы дожидаться квартиры.

Дождалась, с опозданием чуть ли не в два года, а жилой дом сдали. В доме сто шестьдесят квартир — она сорок восьмая, и уже лелеет ордер получить, а ее фамилии в окончательном списке нет.

Побежала она к секретарю месткома:

— Тогда вы были ИТР¹ — теперь служащая, — объясняют ей.

¹ ИТР — инженерно-технический работник.

— Какая разница? — возмутилась она.

— Разница там, — поднял он палец, затем указал на визу Столетова.

Разом все рухнуло. И самое обидное — ничего не может предпринять. Не так вякнет — поделят в комнату еще двух-трех девушек, а то и вовсе выелят и уволят.

Чтобы не впасть в тоску и предаться забвению, она с еще большим рвением погрузилась в науку и все чаще и чаще вспоминая Филатова, она ловила и себя на мысли: какое это счастье познавать законы природы, находить в этом радость и удовлетворение.

Вскоре она с удивлением обнаружила, что этот материал, которым она оперировала, в целом, основан и она нуждается в новой, дополнительной информации, ей хочется расширить область своих познаний и, соответственно, изысканий. В Грозном этого нет.

Как любой работник, она явилась в общем порядке на прием к Столетову, чего ранее не делала. Вообще не упоминая о жилье, да и ни о чем более, она попросила месячный отпуск без содержания — «семейные дела в Москве».

Глубоко откинувшись в кресло, докуривая папиросу, Столетов долго, странно смотрел на нее, будто видит впервые, потом тяжело вздохнул, гася окурок и не глядя, и без укора, а серьезно:

— Что, разбогатела, без содержания отпуск брать? — он нажал кнопку селектора. — Соедините с канцелярией... Впишите в приказ, на учебу в Москву Афанасьеву, — и едва ей улыбнувшись: — Вот так, командировка, все оплачено — пять месяцев курсы повышения квалификации. Халтура. Только за тобой организация новогоднего вечера.

Если бы Анастасия сразу поняла, что ей перепало, она, быть может, и повела бы себя не адекватно. А тогда она лишь сказала «спасибо», так же, как зашла, официально вышла.

За три часа до Нового года сошла с поезда в Москву, обняла мать. Эту праздничную ночь они провели вдвоем. Было скучно, мать, чуть выпив шампанского, раскисла, все вспоминала славные страницы своих предков, свою молодость, яркую жизнь вплоть до революции.

— А теперь? — плакала она.

— Успокойся, мама, — ласкала ее дочь. — У меня-то и того не было. Полуголодное, нищее детство безотцовщины, война, тюрьма, и сейчас, буквально, в ссылке. Кроме тебя никого нет, и прошлое лучше не вспоминать.

— Может, сейчас разрешат прописать? Вроде власть поменялась, угомонились небось.

— Власть та же, — глубоко вздохнула дочь. — Давай спать, я устала.

А утром по опустевшей улице побежала в институт. Она не телеграфировала, но верила, если Филатов тот ученый, кем она его представляет, то он и в эту новогоднюю ночь должен был быть в лаборатории. Чужими глазами увидела во вспотевшем окне тусклый свет, от сугробов не подойти, кинула снежок, второй, и когда показалось его усталое, удивленное лицо с папиросой во рту, она обрадовалась, словно дед Мороз с подарками пред ней.

— Выходи! — махнула она рукой.

Думала, он оденется и через выход в обход. А Максим второпях раскрыл окно, и как был в рубашке, через сугробы, снег, бросился к ней, и чего до этого не было, крепко обнял, то ли плакал, то ли смеялся, паломник.

В этот, первый день Нового года и их новой жизни, они гуляли по красочно-разукрашенной морозной Москве. Вечером праздновали в лаборатории, и она осталась ночевать. А еще через день они поехали на православное рождество к родителям Максима. Трое суток добирались до небольшого села Кривояр, что за Саратовом и за Волгой, в привольных, в люглых ветреных степях.

— Вот моя невеста, — представил он Анастасию.

Родители и младшая, еще незамужняя сестра Максима, люди тихие, простые, добрые, — со всей широтой души приняли их. За всю свою жизнь Анастасия не встречала такого внимания, уважения, ласки. А гуляли как, и все в ее честь! Она бы еще осталась гостить, да Максим не мог: — Установка ждет, — перешел он.

В Москве лишь пару раз в неделю Афанасьевна отмечалась на курсах повышения квалификации, а остальное время в лаборатории.

— Настя, ты умница, гений! — авансировал и подбадривал ее Максим. Она над этим смеялась, а он продолжал. — Настя, нам не хватает теоретической базы. Под эти расчеты надо теорию подвести. Я не могу оторваться от установки. Покопайся ты в литературе, посиди, пожалуйста, в библиотеке. Я уверен, будет прорыв, ты в теории лучше мыслишь.

К концу мая, как раз и к окончанию ее командировки в Москве, они подготовили обширный доклад по проводимым исследованиям, приуроченный к предстоящей международной научной конференции по физике межфазных явлений.

Анонсировалось их выступление серией совместных публикаций и доклад должен был делать Филатов, но в последний момент он пришел к выводу:

— Настя, я не смогу. От волнения еще больше начинаю кашлять, все пойдет насмарку. Загубим такое дело.

— Да ты что? А кто я такая среди светил?

— Это конференция — выступать могут и студенты. А ты артистка, красавица — кругом одни плюсы.

— Ее представили просто:

— Афанасьева, НПО «Севкавгеофизика», город Грозный.

Этот доклад, не потому, что он был революционным — это был просто упорный труд, прежде всего Филатова, — решил дальнейшую судьбу Анастасии. Сразу же после выступления к ней подошел пожилой, еще крепкий, седовласый мужчина:

— Землячка? Разрешите представиться, — он назвал фамилию Богатов — ректор грозненского нефтяного института... А кем вы работаете у Столетова?

— Руководитель кружка художественной самодеятельности.

— Хм, — нахмурил густые брови ректор. — Помогу, я не давал повода для вольностей.

— Простите, но это не вольности. Я действительно работаю руководителем кружка.

— Гм, — кашлянул ректор в кулак. — Вообще-то у Столетова все возможно, — он сделал паузу, оценивая оглядывая ее с ног до головы. — А экспериментальные данные откуда?

Без утайки Афанасьева рассказала все как есть, прежде всего и о Филатове. Поманила последнего из зала, представила.

— А с вами заочно знаком. Знаю фамилию Филатова, — дольше обычного пожимал ректор руку Максима. — Если вам известно, мы параллельно работаем над одной темой. У вас, как и положено в изыскани-

ях, много спорного, а в целом — молодцы! — он взял Афанасьеву и Филатова под локти на правах старшего, повел в сторону буфета, — мы должны скооперироваться, объединить наши усилия и базы, — на ходу предлагал он.

За обедом заговорили о Грозном, и вновь о Столетове.

— Если честно, и это не сплетня, — громко выдал ректор, — и на бюро обкома обсуждал: Столетов — далекий от науки и от геологии человек. Я не знаю, как он туда попал, но то, что он всю работу, а они наши смежники, развалил — это факт, — стукнул он пальцем по столу.

Они еще не мало общались, в основном говорил ректор:

— Так неужели вы в «кружке» время теряете?

— Из-за жилья, у меня отдельная, — это она выдала, — комната в общежитии.

— М-да, — чмокнул губами ректор. — Теперь ясно... Когда будете в Грозном? Обязательно ко мне зайдите, — и он чиркнул прямо на спичечном коробке свой телефон.

Словно в сказке, стремительно изменилась жизнь Анастасии в Грозном. Богатов принял ее ассистентом на свою кафедру и одновременно лаборантом, чтобы оклад был побольше. Предоставил не такую большую, как у Столетова, но тоже отдельную комнату в общежитии.

В течение полугода она почти что формально сдавала экзамены кандидатского минимума, была зачислена в аспирантуру, где ее научным руководителем стал ректор Богатов, которого к тому времени уже избрали академиком Российской академии наук. Более проблем в науке у Анастасии не было, пока Богатов был жив.

К тридцати годам она защитила кандидатскую диссертацию. И казалось все хорошо, да семейная жизнь у нее не ладилась. И не то, чтобы с Максимом не лады, нет, наоборот, они друг в друге души не чаяли. Проблема с жильем. В Грозный Максим не едет из-за установки в Москве. В самой Москве у него лишь место в общежитии. С Анастасией они официально расписаны, и если чуть подсуежится, то им, как семейным, дадут отдельную комнату в общежитии и поставят в очередь на жилье. Но когда это будет? К тому же у Филатова, из-за его прямолинейного характера, постоянный конфликт с руководством института, посему и не может он выйти на защиту, ставят палки в колеса. Он нервничает, пьет, с ранеными легкими много курит. Часто болеет, в больнице не дожидается, в санатории — тоже, как чуть полегчает, к установке бежит.

Вот в Грозном ситуация совсем иная. Ректор Афанасьевой заявил:

— Как только муж защитится, объявляю конкурс на замещение вакантной должности заведующего кафедрой, а Филатов с дипломом доктора наук — единственный претендент. Получает не только кафедру, но и двухкомнатную квартиру, как предусмотрено положением... Кстати, почему Максим до сих пор не представляет диссертацию, ведь столько трудов!

— Не дают, — и Анастасия вкратце объяснила ситуацию.

— Что это такое?! — возмутился ректор. — Филатов сильный ученый, достойный человек, фронтовик. Скоро буду в Москве, разберусь. Коллег бродить не гоже. И ты готовься к докторской, пока я еще есть.

Вскоре Максим защитился, и далее было все, как предсказывал Богатов: Филатов — заведующий кафедрой.

рой грозненского нефтяного института и далее — мечта! Хорошая, двухкомнатная квартира в центре города. Но это счастье было страшно омрачено. Перевозили они кое-какую утварь в новую квартиру из общежития. Сам Филатов хилый работник — инвалид. Решила Анастасия ему подсобить, лишь маленько напрягалась — выкидыш, уже не первый, не второй — сапог надзирателя зоны оставил след...

Узнав об отдельной квартире, приехала на новое село мать Анастасии. Было лето. На юге, в Грозном, где было умеренно тепло, много фруктов, да забота дочери — ей очень понравилось. Вернувшись в Москву, мать рассчиталась с «мерзкой» работой, чего, как дворянка, она всю жизнь гнушалась, оформила пенсию, как сказала — «заколотила» комнату в коммуналке и навсегда переехала жить в Грозный.

— Всю жизнь растила дочь. Не могу же я на старости в одиночестве быть, да и уход мне нужен.

Потеснились супруги: меньшую комнату представили маме, в большей — сами. И до этого жили в мире. А тут постоянно напряженная атмосфера, словно кто-то чужой, гость. Это мать никак не смирилась с их браком, не иначе, как «сожигатель», кличет она Максима.

— Да венчались мы в Кривояре, у его родителей, — пытается примирить их дочь.

— Да откуда в такой дыре священник? Одно название «Кривой яр» чего стоит! А как без моего благословения?

— Ну давай здесь в церковь пойдем.

— Ты что, сдурела? За такого хромого да кривого, по добру свою дочь выдавать... Да и поздно уже, сколько вы, небось, нагрешили!? Оттого и детей нет.

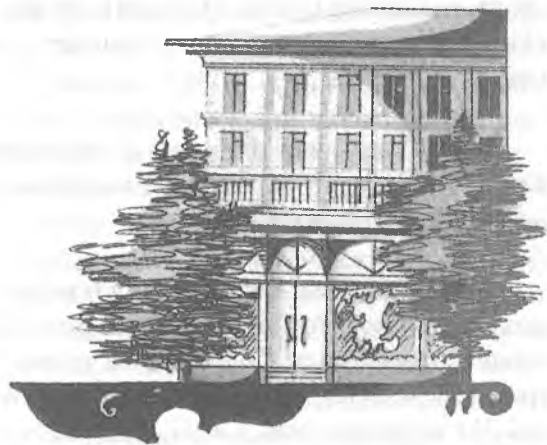
— Мама! — топает дочь в гневе, ей не до домашних распрей. Врачи советуют ей больше не рисковать.

здоровье не позволяет, да и вообще-то уже и возраст не молодой. Так неужели она останется бездетной, одинокой; она так мечтает о ребенке, даже чужого увидит, сердце биться чаще начинает.

Поначалу она даже от врачей скрывала, что вновь беременна. Оберегая плод, еле-еле ходила, чуть ли не на цыпочках. А когда и врачам и домашним объявила, все схватились за голову, за ее жизнь страшась.

Шестнадцать недель она выходила, поняла, что все, плод не держится, слегла в больницу. И мало кто поверит, целых три месяца она на ноги не встала, ни ризу, даже сидя, не позволила телу занять вертикальное положение; исхудала, пролежни заработала. И когда плоду было уже семь месяцев, врачи настояли на преждевременных родах — кесарево сечение. На свет появился мальчик; хилый, маленький, с волосинками на голове.

Еще полтора месяца была Анастасия в больнице — врачи выхаживали ребенка. Теперь она ходила

сколько могла, и если в период беременности к ней никого не допускали, то ныне, не каждый день, а в день по два раза к ней навещался Максим. Они были так рады, так счастливы: при встрече мало говорили, лишь пожимали друг другу руки, глядели в глаза. Очень долго выбирали имя, точнее выбирала она, а он на все был согласен, и всегда твердил:

— Главное, ты жива, ты здорова... Настя! Настенька моя!

Иногда к ней приходила мать, видимо чаще не могла, тоже болела. Ни разу не справилась о ребенке, только о ней, и то:

— Как ты? Чуть не померла... И было бы за что! Ребенка хоть будете крестить?

— Мама, ты опять за свое?

— Не за свое, а за божественное... Некрещеных ублюдков нечего растить, проку от них не будет.

— Мама! — топнула дочь.

— Что «мама»?.. Посмотри на своего «сожителя». Что он, единственный сын — вроде бы кормилец, для своих родителей сделал? В десять лет раз в родительский дом не едет, копейку не пошлет — сам иждивенец.

— Мама!?

— Не перебивай. Ребенка в чреве надо воспитывать. Тебя учу, — чтоб ты сына выучила, как я тебя, а не как твоего «сожителя».

— Мама! — уже тише.

— Молчи! Кого твой ненаглядный инвалид-вампирок вырастит? Раз в полгода к родителям письмом пишет. А отец умер, вспомни, на телеграмму — телеграммой ответил: «Выражаю соболезнование, скорблю. Не могу приехать. Сын». Тыфу, какой он сын? Да и кому нужен такой сын?!

— Мама, ведь были важные дела — аспирант его защищался, я болела. Да и не здоров он, и денег у нас тогда не было на дорогу.

— Что значит «аспирант», жинка болела, а что такое отец?! На такой случай мужчина должен деньги хоть из-под земли достать. А здоровье? Здоровье будет, если пить и курить как сапожник не будет... Все меня выкурить пытается.

Наверняка данная тема, и не впервой, была затронута и в доме, пока Анастасия лежала в больнице. Пришел Максим в больницу и понуро объявил:

— Раз ты разрешилась, все вроде хорошо, поеду на недельку в Кривояр, хоть на могилку схожу, помяну как положено.

Ну, что бы ей сказать: «Не езжай». Пожелала счастливого пути, передала привет, попросила от себя купить подарки, и: — «Потеплее оденься, там ветры, шима».

Экономя время, а может и деньги, Максим Филатов поехал не через Москву, а напрямую через Минводы — Волгоград, с пересадками. По этому маршруту, как и во все времена, ходили поезда дополнительные, местные, без должных удобств, отопления, с большими задержками. Где-то его просквозило. Захворав, вместо планируемой недели, провел дома более двух. Как чуточку полегчало, тронулся обратно.

После ранения в легкие, приступы кашля у него были всегда, а тут чуть сильнее. Анастасия не обратила на это внимание, все мысли и заботы теперь вокруг сына. И лишь когда Максиму совсем стало плохо, температура, потом озноб — вызвали врачей, сразу же положили в гарнизонный военный госпиталь, к которому он был прикреплен, и в тот же день перевели в республиканский туберкулезный госпиталь, — открытая форма, инфекционно опасен.

Для Анастасии самое страшное — лишь бы сын не заболел. Не пронесло — инфекция в легких. Заметила она меж двух огней, а потом поняла, в первую очередь спасать надо ребенка. Вновь легла с ним в больницу.

...За один год она потеряла троих, самых близких людей. Вначале умер Богатов. Прямо из больницы она пошла на похороны, чтобы отдать последнюю дань столь доброму человеку.

После двух месяцев лечения ее с сыном выписали. Врачи ничего не обещали, говорили — может так, может... Иногда ребенку становилось совсем хорошо, он просто расцветал, сиял, и какое она испытывала счастье, ночью прижимая его к себе. А потом, вдруг ни с того ни с сего он прямо на глазах хирел, становился вялым, как промерзший, по весне ранний шквал. И тогда она не спала, всю ночь опасаясь страшного, вновь прижимала его к себе, пытаясь высосать в себя его хворь... Не судьба. Меньше годика гостил в ней мальчик. Еще пару месяцев спустя не стало Максима.

Если бы не мать рядом, очень худо было бы ей. А так мать то приласкает, то поплачет с ней, а то наоборот:

— Что ты нюни развесила? Все предписано Богом! Чистых быстро к себе забирает. На, сыграй-ка лучше для них, говорят, они только музыку и песни с земли слышат.

Порой веря в это, порой не веря, орошая скрившую отчима горькими слезами, играла Анастасия унылые мелодии.

— Да что ты делаешь? — и тогда возмущалась мать. — Сыграй для них что-нибудь веселенькое, а то они в тоски помрут.

— Так они уже померли.

— Дура, дура, крестись. Молиться надо. И не померли они, а Бог благословил, к себе призвал. И до нас очередь дойдет, молись.

И вправду, в молитвах и в музыке она нашла хоть какой-то покой, успокоение. Но к прежней жизни вернуться не смогла, так и бросила неоконченную докторскую диссертацию.

— Может, в Москву вернемся? — как-то предложила мать.

— Никогда, могилки должны быть ухожены.

Будучи доцентом кафедры покойного мужа, Анастасия Тихоновна всю жизнь, вплоть до следующей ее жизни войны, преподавала студентам физику. Но это была обыденная монотонная жизнь, которая ей удовольствия не доставляла. А ее теперь нестерпимо тянуло к детям, и она вновь вернулась в лоно искусства: стала преподавателем в музыкальной школе. Там-то и был ее учеником Илья Столетов, чересчур упитанный, холеный мальчишка, за которым каждый день на персональной машине приезжала важная, расфуфыренная особа и каждый раз:

— Ну как мой сыночек Илюша?

А что она скажет, что слуха нет, ленив, чванлив, и даже пререкается. Нет, она всегда говорит о детях хорошо.

— Ничего, ничего, я думаю будет еще лучше.

— А как инструмент? На нем он играет лучше? С таким трудом в Москве достали, год заказ ждали.

Да, скрипка у Ильи прекрасная, может, даже лучше, чем инструмент отчима, и такой в Грозном, пожалуй, нет. Но при чем тут скрипка, если ребенок бездарен? А она все равно в ответ:

— Инструмент на зависть, и понятное дело, лучше стал играть.

И вдруг — дикая бестактность:

— А та скрипка где?

— Какая скрипка?

— Скрипка Мальдини, что вы у Аркаши-дурачка выудили... Да вы не волнуйтесь, все в прошлом, и не о том, и подойдя вплотную, шепотом. — Любые деньги заплачу, и никто не узнает.

Ни слова не смогла сказать в ответ Анастасии Тихоновна; ее ученик и той сын — Илья рядом стоял. А послать бы следовало, потом жалела.

Грозный, город небольшой, то на собрании, то на концерте, а то просто на улице она изредка встречала самого Столетова-отца. Аркадий Яковлевич «рос» на глазах. Стал первым секретарем одного из райкомов города, потом в горком партии перешел; делегат съездов, депутат, в общем, как всегда, — большой начальник. При виде Афанасьевой галантно, как он всегда умел, кланяется, непременно спрашивается о жизни, бытѣ, а раз, вдруг ни с того ни с сего, пригласил показать свою дачу, и она почему-то не отказалась, все-таки связь с прошлым была.

В пригороде Грозного, среди лесного горного массива небольшой участок, двухэтажный дом, сторож-работник, что по тем временам иметь небезопасно — эксплуатация. Словом, шик! Было лето, жарили шашлык, пили хорошее вино, все время говорили о прошлом, и только о войне. К вечеру он пригласил ее в дом. То ли вино подействовало, то ли еще что, но она не противилась, а он, задыхаясь от одышки, раздел ее, и все не смог, может, не захотел; она уже не та Настя, Настенька.

Свесив меж тонких, хилых ног обрюзгший яйцеобразный живот, он сел рядом на диване; кряхтя, сопли медленно закурил, иногда, искоса поглядывая на лежащую женщину, и то ли по старой привычке, то ли из любопытства, он осторожно, словно по углям,

палец коснулся шва кесарева сечения, отдернул руку, отпернулся, больше и глядеть не хотел.

А она еще долго лежала, вспомнив, как он всегда любил водить этим пальчиком по всему ее телу, страстно шепча:

— Бог тебе дал эту атласную, нежную кожу; эту стать, эти формы, особенно грудь. А мне Бог дал тебя.

Так оно и было, всю забрал.

Однако тогда она не хотела вспоминать и ворошить прошлое, считала, жизнь прошла, и как бы подводя итог, впервые, на последнем свидании, перейдя с ним на «ты», спросила:

— Аркадий Яковлевич, а ты счастлив был?

Скрипя костяшками, вздохнув, он тяжело встал, опнулся в зеркало и печально:

— Если честно, то с тобой да... А в целом, — он махнул рукой, потом глянул на семейную фотографию над камином. — Посмотри на нее, разве в такой мимриой счастлив будешь? И дети все в нее — деньги, деньги давай!

Позже, уже облачившись в одежды, поправляя галстук, Столетов перед зеркалом подтягивал пузо, выправляя былую стать:

— А что? Я думаю, мое счастье еще впереди... Гм, твое, Настенька, тоже, он дежурно поцеловал ее в щечку. — Кстати, ты прекрасно сохранилась! — и прищипнул: — На днях в Европу, командировка, что тебе привезти?

Больше никого из Столетовых она не видела. Аркадий Яковлевич перешел на работу в Москву, перевез семью...

В 1986 году умерла мать Анастасии Тихоновны. После этого она обменяла свою квартиру и мамину комнату в Москве на хороший дом с участком земли в самом центре Грозного, на Первомайской. Теперь у

Как ни странно, тут же рядом, по-над бывшим «Детским миром» тоже в окошке свет горел, совсем недавно потух; вот туда-то, где еще есть жизнь, заглянула заманчивая луна, проложила ковровую дорожку прямо посреди большой комнаты, вслушалась.

— Спит? — тревожный шепот Розы.

— Вроде заснул, — бабушка теснее прижала к себе Мальчика.

— Как он плакал, — Роза тяжело вздохнула. — Эта скрипка родной стала, как единственная игрушка.

— Да... Такое потрясение.

— Вы-то сами как?

— Ой, Роза, спасибо. Признаюсь, чтоб он не видел, еле-еле держалась. А после твоего укола прямо отпустило, дышать могу.

— Вас обоих завтра в нашу больницу поведу. У меня есть подозрение, что у вас, — она замолчала, переворачиваясь на другой бок, заскрипели пружины старого дивана.

— Как мои кости стонут, — грустно выдала бабушка. Тоже думаю — микроинсульт.

— Не-не, простой приступ, — оживилась Роза.

В это время Мальчик во сне простонал, задвигал конечностями, скидывая одеяло, отталкивая бабушку и четким баском, словно пробудившись:

— Да что вы шутите?! Они не прилетят...

Женщины замерли, даже задышали осторожно. А яркий лунный луч, как-то уж очень прытко пополз по постели Мальчика, щекотнул игриво его ресницами, и он вначале дернулся, прыснул смехом, а потом громко:

— О! Как я рад! Я думал, вы меня совсем позабыли, — и с этими словами он шустро встал, будто днем уверенно прошел по светлому лунному ковру прямо на балкон.

— Боже! Там перил нет, — взмолилась бабушка.

Скрипя пружинами, Роза осторожно встала, сделала шаг к нему и замерла, потому что замер и он, прямо на разбитом бетонном порожке балкона.

— Какая ночь! Какое необъятное небо и сколько звезд! Какая луна! — он вновь искряще-безмятежно смеялся. — Какая тишина! Ха-ха! Конечно же, сыграю, это я для вас сочинил!

Словно в руках его скрипка, он стал делать исполнительские движения, напевая незнакомую мелодию, и такую странную, живую, даже задорную... Вдруг где-то далеко, на окраине города что-то взорвалось. Мальчик замер, глядя вверх, туда же устремил ручонки:

— Куда же вы? Куда? И я с вами, — прынул он вперед, буквально в полете Роза схватила его. — Отпусти, отпусти, — застонал он.

— Занавесь окно! — крикнула бабушка, принимая в руки ребенка.

Утром, как обычно, первым пробудился Мальчик. Целуя, он первым делом растормошил бабушку, потом Петю, и в одних трусиках, встав между ними, с блеском в глазах, ликуя:

— Вы знаете, ко мне ночью из самой красивой страны папа и мама прилетали, с собой звали, но я без вас не полетел, сказал: все вместе полетим.

— Боже! — зажала рот бабушка.

В седеющих густых волосах Роза скрыла лицо, чуть не до груди склонив голову.

— Почему же вы не радуетесь? — воскликнул Мальчик, и видимо, вспомнив и то, что было до ночи, он резко погрузстнел. — Мою скрипку, ваш подарок,

бабушка, забрали, — он не по-детски тяжело вздохнул. — Какие же они дрянные мерзопакостники.

— Так нельзя говорить! — встrepенулась бабушка.
— Даже думать так нельзя.

— Вы их так сами вчера назвали, — насупился он.
— Как без музыки мы будем жить?! Бабушка, как?

— Без музыки жить нельзя, — бабушка взяла его за ручку, притянула к себе. — Мальчик, дорогой, нанюка вновь мелодию, что ты ночью исполнил.

— Какую мелодию? — удивился он, заморгали его пышные ресницы.

— Ну, ты этой ночью ее пел, — подбадривая, она вглядывалась в его глаза, — такая песенка, с задором.

— Разве я ночью играл? — еще больше удивился Мальчик. — А на чем я мог играть?.. У меня не будет больше скрипки?

— Как не будет?! — попыталась улыбнуться бабушка. — У тебя есть одна из лучших скрипок в мире. Роза, — просящим был ее тон, — заведи у Баги скрипку.

— А если, — испуг на ее лице, — если и эту?

— Ну, как Бог даст, — выдавила бабушка улыбку.
— И не томиться же инструменту под землей. В скрипке тоже душа, и мне кажется, в руках Мальчика она оживает, как никогда ранее поет.

Ежедневно по утрам Роза несколько раз ходит на Сунжу за водой. Скрыто от всех, иной раз носит воду и в подвал, Баге. Каждый раз, когда спускается туда, сердце ее замирает от страха. В подвале мрак, сырость, липнут паутины к лицу, и едкая вонь застоялой воды, палачья крыс. Она никогда дальше ступенек не заходит. Прямо под лестницей в емкость сливает воду. Если Бага недоволен, а подвалы, как он утверждает, город под землей, то он окликнет ее, перекинутся фразами, бывает, и поговорит. На сей раз, как и накануне, когда она прягала здесь скрипку, вроде никого. Засунула она руку под вонючий

лестничный пролет: страшно, будто голодная пасть крокодила, а полезла дальше, шарит рукой полувековую пыль, куда и крысы бояться полезть; чуть ли не вскрикнув от ужаса, уже обтекая потом, она почти с головой залезла и пот смрад — ничего нет: она уже отчаялась, как услышала сверху легкий шорох, оцепенела в этой позе, и стало бы ей еще хуже, если бы не знакомый молодой голос:

— Йиша¹, ты что там пыль выметаешь?

Грозно сопя, с прилипшими к вспотевшему лицу полосами, страшная от горя, Роза моментально вскочила, и будучи, хотя бы на вид, выше и толще Баги, она резко схватила его за руки, яростно потряхнула:

— Скрипка где?

— Какая скрипка? Ха-ха-ха! — сквозь черную густую щетину белоснежный оскал. — Лучше скажи, куда твои зубы подевались?

— Ба-га! Хоть ты не мучь!

— Я что? Я не мучаю, наоборот, для тебя подходящего жениха подыскиваю. Вот, всю ночь, как волк, по городу бродил: стоящего тебя пока не нашел.

— Бага! — злобой блеснули ее глаза, и чуть ли не крича, — Скрипка Мальчика!

— Не шуми, — резким движением высвободился от ее притязаний и уже строго: — Тоже мне запрятала скрипку! Прямо у входа. Здесь в любой момент облавы жди, — последние слова донеслись уже из темноты.

Вернулся он не с автоматом, а бережно неся футляр, и увидев, как облегченно расплылось лицо Розы, отрывным тоном:

— На этой скрипке Мальчик будет играть на твоей свадьбе, а я буду танцевать лезгинку.

Она бесцеремонно выхватила его ношу, недовольно оглядев, быстро двинулась вверх и уже на выходе из подвала, полуобернувшись:

¹ Йиша (чеченск.) — сестра.

— Бага, сколько раз я прошу тебя: не шути со мной. Мал еще. И к тому же знай, как-никак, а нехан цартIехъ ю со¹.

— Кто же этот счастливчик? — с усмешкой.

Теперь уже без гнева она погрозила ему пальцем.

— Не ждал бы Мальчик — уши бы тебе оборвала. Она второпях поднималась в подъезде, когда догнал ее Бага:

— Роза, что вчера здесь произошло, я примерно знаю. И вроде ты кого-то узнала.

Она остановилась, обернулась. И надо бы все рассказать, да как не верти, а Гута, хоть и дрянь, но еще якобы муж, к тому же сосед, и она обо всем этом всю ночь думала, как надумала, так и ответила:

— Сама разберусь, — хотела было тронуться, да не удержалась, — А тебя ведь здесь не было, — как все узнал?

— Хе, — на лице Баги то ли бесшабашная ухмылка, то ли несходящий звериный оскал. — Это мой участок, и я обо всем должен знать, за все должен ответить.

— Юн ты еще, чтобы «все знать» и «за все отвечать»! — строго сказала Роза, и уже было тронуться, как Бага с силой схватил ее руку:

— Роза, назови имя, ведь за твою челюсть кто-то должен ответить?

— Моя-то челюсть не раз бита, и это я стерплю, а вот ты еще молод, свои красивые зубы побереги, в жизни пригодятся.

— Йиша, ты это знаешь — моя жизнь уже не жизнь, по тропе смерти хожу, и этого, как божьего благословения жду. А вот Мальчика, пока живой, в обиду не дам! Мехкан мехха ву иза!² А ты кого-то прикрываешь.

¹ Нехан цартIехъ ю со (чеченск.) — досл. — под чужим именем, т.е. замужняя.

² Мехкан мехха ву иза (чеченск.) — досл. — равноценен родине, бесценен, значителен.

— Я сказала, сама разберусь, — грубо отрезала она.

Как ни испорчено настроение, а жить все равно надо. И первым делом Роза хотела доставить в больницу бабушку: вчера был приступ — тревожный симптом.

— Не-не, — категорично отвергла это Анастасия Тихоновна. — Мне уже лучше... Нам с Мальчиком надо заниматься.

— Да, — поддержал ее Мальчик, — там будут больно колоть. А тут музыка, — он гладил инструмент, словно влюблен, — она ее, и нас всех излечит. Правильно, бабушка?

— Конечно, правильно, мой золотой! — она его обняла, поцеловала, и на ушко шепотом: — А ну, постарайся вспомнить ту ночную мелодию.

Поняв, что музыкантов уже не переубедить, Роза поспешила на работу, пообещав к обеду вернуться с врачами. Когда она на машине «скорой» возвратилась домой — ничего не узнать. Кругом строительная техника, и уже разгрузили стройматериал. Но никто не работает, во дворе концерт. Из козел соорудили сцену, на ней Мальчик, уже вспотел от игры. А слушателей — не сосчитать: сотня строителей, военные с блок-поста и не только, просто прохожие и проезжающие.

Сразу, в первых рядах Роза увидела Анастасию Тихоновну, с трудом протиснувшись к ней.

— Какие врачи? — шепча, отмахнулась бабушка. — Строители объявили, что здесь вскоре все восстановят, и в первую очередь «Детский мир»: наш Мальчик так обрадовался, что вспомнил ту мелодию. Уже трижды по памяти ее исполнил, просто шедевр! А теперь концерт по просьбе трудящихся.

Розе не до концерта. Отпустила она «скорую», а сама направилась на окраину города, в свой родной район. Все как прежде, руины уже бурьяном заросли. И в городе почти что все улицы разбиты, а их улица —

свежий асфальт, правда, лишь до дома Гуты Туаева. Вот где жизнь кипит, цветет, действительно восстанавливается. Много вооруженных людей, еще больше строителей; на ее зов появился младший брат Гуты, вроде ее деверь. Сам он вооружен, в шаге — два охранника, даже в собственном дворе боится.

Заметила Роза, как при виде ее лицо деверя исказилось, мрачной тенью покрылось; и чтобы при посторонних не распространяться, она сходу выпалила:

— Передай брату, чтоб скрипку вернул.

— Что?! — возмутился Туаев. — Мы настоящие мужчины, и всякой музыкой, тем более какими-то скрипками не занимаемся, — и усмехаясь, — да и не знаем, что это и не хотим знать.

— То, что культура вас обошла, — мне давно ведомо, — пытаюсь сохранить твердость голоса, продолжала она. — Однако, ты передай, что я прошу вернуть скрипку, и срочно.

— Да ты совсем обалдела? — подошел он вплотную и пальцем тыкая в нос. — А ну, пошла вон! Не будь ты женщиной...

— Я не просто женщина, — перебила она деверя, — я еще числюсь твоей снохой.

— Чего? Какая ты сноха?! Пособница боевиков! — И самое больное. — Мало тебе русские зубы выбили, надо было язык вырвать и еще кое-что, — при этом он сделал недвусмысленный непристойный жест. — Пошла вон, и чтобы ни твоего духа, ни твоей вшивой родни здесь не было.

Позже, вспоминая все это, она все время удивлялась, как не выцарапала ему глаза. Просто Бог дал ей в тот момент самообладание, как-никак еще сноха. Однако, от своего не отступила:

— Вы знаете, где я живу, где работаю — скрипку срочно верните, а заодно пусть твой брат разведется со мной.

— Мой брат не нужен! — замахал руками Туаев. — И в прошлый раз я этот обряд свершил, и сейчас объявил, просто руки до тебя не доходили. Так вот, — он что-то религиозное, якобы на арабском, проболтал, будто знал смысл, и далее, — с этой минуты, вот два свидетеля, хьо йитина¹.

Вот и вся процедура, и никакой ответственности, тем более обязательств... По правде, этого момента она давно ждала, и уходя со двора уже бывшего мужа, она не от развода плакала, а от жизни своей, и от того, что ей вслед кричал Туаев. От слез дороги не видела, брела наугад, пока не уткнулась в чье-то плечо. Старик-сосед, рядом у открытой калитки его сгорбленная жена, во дворе их дочь, ровесница Розы: все встревожены, недовольны, видать, кое-что услышали, кое-что и так поняли.

— Что, небось обожрались Туаевы греховным дерьмом, окончательно ум потеряли? — громогласно сказал старик. — Гм, нашли кому поручить город восстанавливать! Это Москва специально сделала, чтоб здесь бардак не прекращался... А ну, пошли, — схватил он руку Розы, — я заставлю его извиниться перед тобой.

— Да ты что! — спохватилась жена старика. — У них ни культуры, ни совести нет. Кто стар, кто млад — не знают, и все, кто с оружием, будь то русский, или чеченец, с ними в ладах. Закидают ночью нас гранатами — и виновных не будет... Лучше в дом зайдем, чай попьем, поговорим маленько.

Успокоилась было Роза у соседей. Да по пути домой зашла на базар еду купить; тут случайно встретила другую соседку.

— Ненормальная ты, Роза, — тараторит ей торговка, — Гута такой молодец! На нашу улицу свет, газ,

¹ *Хьо йитина* (чеченск.) — досл. — тебя оставили.

воду подал. А дорога? В городе такой нет. Ну и что, что у него русская жена в Москве? Да хоть десять. За такого мужика зубами надо держаться... Ай, у тебя-то их нет, и ума тоже.

С гнетущим настроением уже к вечеру возвращалась Роза домой, и лишь подошла к подъезду, как лицо ее радостно расплылось, сердце растаяло: сверху, словно по всему городу и миру, лилась мягкая, задушевная мелодия Мальчика.

— Роза, Роза, — прямо с порога она попала в объятия бабушки, — наш славный Мальчик — вундеркинд! Он стал сам сочинять музыку! Ты слышишь, Роза?!

После ужина бабушка не позволила включить телевизор.

— Нам надо еще маленько поработать, — перед ней лежал листок, расчерченный под ноты. — Как говорили древние мудрецы: незаписанная мысль — потерянный клад. А эта композиция — буквально из уст младенца, она захватывает и воодушевляет. Действительно, будто гимн возрождающейся жизни. Любой музыкант мечтает стать и композитором. Но это от Бога. Сама я всю жизнь мечтала, не смогла. А вот с помощью Мальчика, под конец жизни, стала соавтором.

— Вам рано о «конце» думать, — возразила Роза.

— Ой, да брось ты, — махнула бабушка рукой. — Я так счастлива. Я знала, что наш Мальчик это сможет. В нем божество, в нем дар! — и поглаживая его кудряшки: — Как мы эту композицию назовем?

Задумавшись, он надолго мечтательно глянул в окно на сумеречный небосвод, и тихо, словно боясь вспугнуть, прошептал баском:

— Новый «Детский мир»!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

это прекрасное тихое летнее утро, как обычно, первыми встретили рассвет городские ласточки, что над балконом угнездились. Своим звонким, задорным щебетом они пробудили Мальчику. Словно проверяя свои владения, он с детской важностью и непосредственностью выходил в одних трусиках на балкон, и еще позевывая, долго осматривал светлый родной горизонт. Там, вдалеке, на самом юге, уже купаясь в солнечных лучах, будто охраняя мир земли, уперлись в голубое небо серебряные, остроконечные вершины гор. То — красота и величие Кавказа; и все утро, пока туманная дымка испарений не скроет даль, будет Мальчику вдохновенно любоваться грандиозным горным пейзажем, и музыка детства будет литься в его душе...

А вот ближний вид он не любил; да и как можно любить городские руины? Зато вокруг себя, на этом небольшом пятачке он создал свой новый уголок, свой цветущий детством ласковый мир.

В сторонке от балкона, там где был тротуар, а теперь сплошные воронки, еще стоит старый, пом-

нящий яркую жизнь магазина «Детский мир» городской конский каштан. Крона дерева, особенно верхняя часть, — безжизненный частокोल обломленных бомбежкой сучьев. А вот нижние, наиболее крепкие и толстые ветви сохранили свою мощь, еще смогли вытянуть из грозненской земли ущербный сок жизни. По весне расцвели, а теперь, уже в разгар южного лета, во всю ширь раскинули большие сочные дланевидные листья; и среди них плоды — еще маленькие, желтенькие коробочки, и чтоб их никто зазря не сорвал, сплошь они в иглолочках.

На это, единственное сохранившееся в округе дерево с самого утра слетается вся живность с набережной Сунжи. На самом верху — где голые сучья — пристраиваются вороны, каркают. Чуть ниже — с десяток сизых диких голубей, воркуют; а среди густой листвы, их и не видно, лишь чирканье, ждет появления Мальчика стайка воробьев. И кто бы знал, и кто бы слышал, каким стройным звенящим хором они каждый раз встречают Мальчика! А он в удовлетворении послушает их песнь, насладится их природным даром и гармонией, и в благодарности хлебушком начинает кормить.

Воробьи и вороны под каштаном кормятся, куда Мальчик корм кидает. А вот голуби его уже не боятся, прямо с рук едят, даже на плечики и головку его сестры хотят. Вдоволь наевшись, эта живность неизвестно куда разлетается, а родные ласточки остаются, все щебеча порхают вокруг него:

— Ну что я сделаю, — говорит он им, — вы ведь хлебушек не едите.

А они не о том, еще задорнее щебеча, манят они его взгляд вверх, к гнезду, хотят чтобы и он их радость разделил.

— О-о! — глубоко вдыхая, восторженно воскликнул он. — Бабушка, Роза, вставайте, идите сюда, быстрее!

Роза резво встала, а бабушка, тоже повинувшись, захрустела костяшками, охая и ахая, хватаясь за бока, вышла на балкон.

— Смотрите, смотрите, — ликовав Мальчик. — Птенчики вылупились! Какие они славные! А клювики желтые!

— Это хорошо, — улыбнулась бабушка. — Ласточка только рядом с человеком живет. Значит, здесь наладится мир, построят новый город, новый «Детский мир».

— А я на открытии исполню гимн мира — наш «Новый Детский мир!»

— Непременно! — погладила бабушка его головку, и обнимая, лаская его: — Видишь, как ты вырос за ночь, уже едва ли не до плеча дорос.

Чуть позже, прибирая постели, Роза искоса присмотрелась к бабушке:

— Анастасия Тихоновна, как вы? — беспокойство в ее голосе.

— Ой, даже не спрашивай. Всю ночь мучилась, не спалось... А вот нашего золотого обняла, поцеловала, — лицо ее разгладилось, — словно бальзам на душу, полетчало, даже жить еще больше хочется, — лицо ее вновь опечалилось. — Эх, единственная мечта: дожить бы нам до его совершеннолетия; вывести бы Мальчику в люди, а там!

— Да, конечно, доживем; обязательно доживем, — неестественный оптимизм в тоне Розы. — Вот только лечь бы вам на пару недель в больницу; подлечиться бы надо.

— Роза, какие же здесь больницы?! Сама ведь знаешь.

— А капитан Головачев в военный госпиталь обещал устроить. Вы ведь ветеран войны.

— От этих капельниц мне легче не станет. Вот мое лечение, — она посмотрела на Мальчика, улыбнулась. — От него до гроба никуда.

— Фу, о чем вы говорите, — расстроилась Роза с самого утра.

С этим настроением ходила много раз на Сунжу за водой. В последнюю ходку решила заглянуть и подвал. Багу давно не встречала, и, судя по емкости с водой, он здесь уже две-три недели как не появляется. На сей раз уровень понизился, свежие следы капель на пыльном бетоне. Она слила ведро воды, и хотела быстро уйти; общаться с Багой не было времени и желания. Однако Бага сам ее окликнул:

— Роза, как твои дела?

— Нормально, — вынужденно остановилась она, и только для приличия. — Что-то тебя давно не было.

— Важные дела.

— Какие это «важные» дела? — усмехнулась Роза. — Вид-то у тебя неважнецкий.

— Хе, еще бы, — в тон ей отвечал Бага, — думаешь, легко тебе жениха найти? За авось кого я тебя не выдам.

— Бага, — непоказно насупилась она, стала перед ним горой.

— А что «Бага», — игриво отступил он. — Теперь ты свободная женщина.

— Что? — удивление во всем ее виде. — Откуда ты все знаешь?

— Мой участок, я обязан всё знать.

Недовольным взглядом она оглядела его с ног до головы, ничего не говоря, было тронулась вверх, как Бага вдогонку:

— Оказывается, твой бывший муж — большой начальник.

— Да, твой «участок» и весь город восстанавливают, — не оборачиваясь бросила она.

— Хе, доверили козлу капусту. Сорок процентов — в Москву — откат, еще сорок местные ставленники схавают, среди которых главный твой бывший муж. И что, ты думаешь, на остаток средств они город хотят восстановить?

Роза остановилась, обернулась:

— Бага, я от них милости не жду, и тебе ждать не советую.

— Так я тоже не жду, — в том же пренебрежительном тоне. — Вот только ноги о себя вытирать не позволю.

— За ними мощь государства, а ты еще юн, — жесткость в голосе Розы. — Побереги себя, уйди тихо в свое село, пережди. А эти дряни пусть обожрут, перебесятся, — надоест — все устанется.

— Хм, «перебесятся». Пусть у себя дома бесятся. А тут город сравнивали. Сколько людей живьем под руинами погребли? А теперь по приказу московского чиновника — скрипку у старухи — ветерана войны и Мальчика-сироты — отняли. Затем — тебя и меня сдадут, а далее, вновь, весь город.

— Бага, — исподлобья глядела Роза, — откуда про скрипку узнал?

— Хе, мир слухами полон! И как утверждает бабушка, даже говорить и делать ничего не надо — просто мысль, тем более плохая мысль, возникшая в любой голове — становится общеизвестной.

— Много ты знаешь, — напоследок бросила она.

— Жизнь научила, — с бравадой крикнул он.

Наспех позавтракав с бабушкой и Мальчиком, Роза заторопилась в больницу. Предстоял тяжелый

день: по графику она дежурная сестра в операционной. Только закончили одну операцию, как ее вызвали к выходу, — мать приехала из Хасавюрта. И вроде давно не виделись, а мать не очень радостна:

— Что ж ты из-за какой-то скрипки скандал учинила, свою жизнь окончательно обломала.

— Ты-то откуда все знаешь? — не выдержала дочь.

— Как не знать? Гута такой человек!

— Да дрянь он!

— Все мужчины дряни. Чуть попридержала бы язык, глядишь и жить стали бы вместе, а там дети, семья, и всем благодать.

— Не нужна мне эта благодать.

— Да? А ты о братьях подумала? У Гуты в руках компенсации за утерянное жилье.

— Нам компенсация по закону полагается.

— Доченька, ты что, не в Грозном живешь? Какой здесь «закон»? Как Гута решит — это и закон; все, кроме тебя, об этом знают.

— Так что, мне теперь на колени перед Туаевыми встать, лизоблюдкой быть?

— Доченька, — мать заплакала, — Братья твои без гроша в кармане.

— Пусть работают.

— Нет работы. А та, что есть, позорная и за копейки. Боюсь, за автомат возьмутся, они убьют и их убьют... Что мне делать? Как мне их сдержать — молодые, дурные, и жениться не могут: ни денег, ни крыши над головой, в чужом краю, в чужом углу сидимся.

— О-о! — схватилась Роза за голову. Но это не спасение. Пошла в кассу, получила аванс. Понимая, что этого мало, после долгих раздумий все-таки решила обратиться к главврачу, взяла еще в

долг. И, словно искупая свою вину, отдала все это матери.

— Да я не за этим, не за этим приехала, — плуце прежнего плакала мать.

С утра разболевшаяся голова Розы теперь совсем стала чугуновой. Она отпросилась с работы, повела мать домой; так она назвала квартиру Мальчика, чем крайне озадачила мать.

В районе «Детского мира» небывалое оживление. Много строителей, военных, много техники, и не только строительной и боевой, но и очень роскошной, легковой. И, хотя Роза в машинах особо не разбирается, да в войну кое-что поняла — эти «волги», стоящие в ряд, сплошь бронированные, значит сюда прибыло руководство республики.

Обойдя бесхозно вываленные нагромождения кирпичей, цемента и песка, Роза повела мать через прохладную темную арку, и только вышли во двор, как десятки камер уставились на холеного молодого мужчину в белоснежной сорочке и галстук. Это Гута Туаев на фоне строительных лесов дает оживленное интервью.

Надо бы домой бежать, да мать упрямо двинулась в сторону наблюдающей толпы, и Роза не сдержавшись, любопытство поманило ее.

До сих пор вроде Гута и говорить не мог, тем паче по-русски, только деньги считать — любые цифры умножит и сложит, — а тут заливается, словно соловей:

— В целом по республике и в Грозном, вновь построено и восстановлено сорок две школы, четыре интерната, восемь детских садов, пять профтехучилищ и двадцать больниц. Практически полностью восстановлены и заново построены сотни километров линий электропередач, газопровод, асфальтовые

дороги и множество мостов. Уже сданы в эксплуатацию тысячи жилых домов. Более двадцати тысяч семей получили из Российского бюджета компенсации за угерянное имущество и жилье, и еще столько же в ближайшее время получит..

— Дрянь! — довольно громко прошепелявила Роза.

— Замолчи! — злобно выдала рядом стоящая габаритная женщина. — Таких грамотных не любим.

— А до чего нас довели прежние бородатые оборванцы-революционеры, — поддержала другая.

— Эти не лучше тех, — вмешался усатый мужчина, — все они засланные казачки — пограбят и поворуются.

— Он ведь чеченец.

— При чем тут чеченец — не чеченец, — тот же бас. Москва прислала очередного мерзавца. Жупел поганый, — сплюнул он смачно.

— Во-во, от таких, как вы, весь наш раздрай, — вновь вступилась габаритная женщина.

— Так, может, сразу под них лечь? — не сдержалась Роза.

— Ты замолчи. По роже видно, революционерка: то-то ни зубов, ни совести нет.

— Что ты сказала? — тронулась было к ней Роза, да опять ищенилась в нее, оттащила от толпы:

— Ужас! Из-за этого твоего гонора все наши невзгоды, — недовольно проворчала она. — Девушка всегда должна держать язык за зубами.

— Я уже давно не девушка, и, как видишь, зубов тоже нет.

Мать виновато опустила голову:

— А вставные-то хоть куда делись?

— Твой Гута выбил.

— Как Гута «выбил»? — в момент вспыхнула она. — А ну, пошли.

— Нет-нет, — теперь уже дочь стала тянуть мать. — Все не так просто. Пошли домой, там расскажу.

— Ну, пошли, — после раздумий сдалась мать. — Посмотрим, что у тебя за «дом».

Они уже подходили к самому подъезду, как кто-то громко окликнул по имени мать Розы. Они остановились, оцепенели. Прямо к ним, как ни в чем не бывало, подошел младший брат Гуты, по-свойски обнял мать, вежливо справился о житье-бытье, и, словно Розы рядом нет:

— Как-никак мы соседи. А молодые — ну, не сошлись характерами, а нам все равно рядом жить. Да и родители наши тебя очень любили и уважали... А где сыновья, мои друзья, однокашники? В Хасавюрте? Так что ж они там делают? Здесь вся жизнь! Пусть срочно приезжают, и ко мне. Пока еще время есть — компенсацию дам. Всю, конечно же, не получают — откат Москве, а обоим по половине — обещаю: огромные деньги, за так, и бегать документы оформлять не надо, я помогу.

— Разве это «за так»? — не смогла сдержать себя Роза.

— Замолчи! — топнула ногой мать, и, слащаво улыбаясь соседу. — Да храни вас, всех Туаевых, Бог. — она его обняла. — Я обязательно передам сыновьям от тебя маршо¹. Большое спасибо за заботу.

— Хорошо, что не поцеловала, — уже в подъезде связвила дочь.

¹ Маршо (чеченск.) — свобода.

— Дура ты, — постановила мать, глубоко вздохнув. — Чувствую, они опять захотят с нами породниться.

— Разве что с тобой.

— Ну и оставайся одинокой девицей.

На это дочь ничего не ответила.

В «доме» мать погостила недолго: пообедала со всеми, посмотрела по сторонам и сказала:

— Что-то в этом городе у меня голова все время болит.

— В войну у всех голова болит, — ответила ей дочь.

— А раз приехала, хоть переночуй со мной.

— Поеду. Мальчики одни. Боюсь.

Роза провожала мать до автовокзала.

— А за русской старухой, как за родной, заботишься, — ревность в голосе матери.

— Нана, перестань. Мы судьбой повязаны. А о вас забочусь не меньше: ползарплаты вам отсылаю, сама в лохмотьях хожу.

— Вот и дура, — вновь постановила мать. И чуть погодя, примирительно. — Братья компенсацию получают, и больше ни копейки нам не высылай. Свою жизнь устраивай, — а далее совсем тяжелое. — А об этом Мальчике и не мечтай. Не сегодня-завтра, даст Бог, война кончится, его родня по отцовской линии объявится — такого славного ребенка заберут.

— Я без Мальчика жить не смогу.

— Сможешь, своих заведи.

— От кого? — рассердилась Роза. — От кого попадо, как у других народов, нам нельзя, заключают.

— Правильно, нечего разводиться ублюдков.

— Так от кого рожать? Кто меня замуж возьмет? Мужиков не осталось, да и старая я уже! Как бабушка — одинокой останусь!

— Война, все эта война перевернула, — пустила
слезу мать, обняла дочь. — Нана яла хьян! Нана яла
хьян!¹

¹ *Нана яла хьян (чеченск.) — смысл: лучше бы мать твою умерла, чем все это переживать.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

тот страшный слух уже несколько дней зловеще витал над Грозным. Об этом говорили и в больнице, и на базаре, и на автобусных остановках. Как и все жители, Роза в это верила и не хотела верить.

Лето было в разгаре, июнь догорал. В городе было жарко, даже душно. К трем часам, освободившись на работе, Роза, как обычно, по пути домой свернула на зеленый рынок. Здесь, среди застоялой пыли, грязи и кучек мусора непролазная толкотня, столпотворение всяких лиц; и гражданских, и военных, и еще неизвестно каких. Кругом шум, спешность, всюду играет музыка, торговки заывают на свой товар: у мясных рядов дремлют толстые собаки, высунув от жары языки; у рыбных — о ноги продавщиц трутся облезлые кошки; у хлебных рядов примостились голуби и воробьи.

Недолго послонялась Роза по базару, купила Малышку позднюю клубнику, абрикосы и мороженое; потом еще кое-что, и окончательно выбившись из сил, вспотев так, что глаз не раскрыть, уже с облегчением покидала это людное место, как кто-то сзади тронул ее пакет:

— Девушка, вам помочь? — на чисто русском языке.

— Чего уж, — она отдернула руку, а симпатичный молодой человек в солнцезащитных очках более, чем настырен. — Да не нужна мне твоя помощь... Ой! Бага, неужто ты? Клянусь, никогда бы не узнала.

Бага выбрит, красиво, даже модно одет; настроение тоже бесшабашное; глаз не видно, только прежний оскал белоснежных зубов.

— Вот теперь ты молодец, — искренне радовалась Роза, — какой красавец стал! А то напялил эту грязную униформу, все по подвалам, да подворотням шляется — в бороде вшей разводил.

— Ха-ха-ха! — беззаботно хохотал Бага.

Болтая ни о чем, более о мирском и веселом, они немного удалились от базара.

— Так что ж ты нас и «свой участок» навсегда забросил? — поинтересовалась Роза.

— Как я вас, тем более «участок», могу бросить, — шутливо отвечал он. — Ты знаешь, как я по Мальчику и его музыке скучаю, — сам такого не представлял... Подожди-ка, — он огляделся, подошел к торговым ларькам, стоящим в ряд вдоль разбитого Дома Моды на просторной Площади Победы и долго присматривался, пока не выбрал большую красивую машину. — Это Мальчику подарок.

Почему-то в этот момент Бага стал как никогда серьезным, даже озабоченным. Он снял очки, вплотную подошел к Розе и обхватил ее локоть:

— Ты особо не трепись, так, скажи кое-кому из близких, не знаю, точно когда, но скоро в городе будет страшная заварушка.

— Боже! Неужели? Об этом весь город твердит.

— Вам бы убраться до конца лета.

— Куда мы «уберемся»? Бабушка еле ходит — на ногах перенесла инсульт. А Мальчик, сам знаешь, от этого дому ни шагу... Да и не верю я в это. Смотри, как жизнь в городе кипит.

оне дома правительства, раздалось подряд несколько взрывов, а потом автоматнo-пулеметный шквал огня. Все это длилось недолго — минут пять. Потом, затухая, еще слышались одиночные выстрелы с разных сторон, и затишье, которое опять нарушил вой вертолета, совершившего тот же маршрут. И после этого гробовая тишина.

Далеко за полночь, когда Роза уже крепко спала, ее плечо затеребила бабушка:

— Проснись, проснись, — испуганно шептала она — Под нашими окнами какое-то движение, кто-то стонет и просит о помощи.

— Бага?! — первое что пришло Розе на ум.

Как была в неглиже, бросилась на балкон, потом выглядывала в противоположное окно — никого. Выйти в подъезд, тем более на улицу, в темноту побоялась, да и бабушка не пустила бы.

А до зари, когда небосвод лишь чуточку прояснился, Роза была у подвала: много крови, кого-то, видимо, волокли.

— Бага, — не громко позвала она. Потом еще пару раз, и громче — никто не ответил.

Зайти в подземелье она не посмела. Решив смыть кровь, она бегала с ведрами к реке, и уже все следы вроде скрыла, как услышала шипение рации — прямо перед ней капитан Головачев.

— Убирайся, да побыстрее. И не домой, а беги в больницу. Сейчас здесь зачистка будет. Заметут всех, и тебя возможно.

— А Мальчик? А бабушка?

— Бабушка русская. Небось пронесет. А Мальчика я на пост заберу.

В это время, издали, со стороны улицы Ленина послышался рев техники. В рации послышалась команда — пропустить спецколонну.

— Слышишь? Беги. А я к Мальчику, эти изверги могут дров наломать.

В больницу, как и на рынок, все новости стекаются. К вечеру узнала Роза, что оцепление снято — побежала домой. В районе «Детского мира» дышать тяжело, да вроде все в порядке — бабушка Мальчика обняла, что-то на ушко веселое шепчет.

— Вот и Роза, — воскликнула она, — сейчас всех нас накормит.

Чуть погодя, когда Мальчик возился на балконе со своими птицами, она уже другим, крайне печальным голосом рассказывала:

— Ты не поверишь! Вот такие верзилы, все в масках. Грубые, лишь матом выражаются, все обыскали, даже под ванной рыскали. А я притворилась больной, лежачей; за скрипку дюже боялась, под изголовьем ее спрятала — пронесло... До этого они в подвале лазали. Сама не видела, а Голова говорит — троих раненых вытащили, увезли — Баги среди них не было. А потом в подвале дуст, или еще что, чуть не задохнулась, под подушками спаслась. Сейчас вроде развеялось.

И в то же время по телевизору местные новости:

— Вчера ночью на Грозный напала банда боевиков, состоящая из тридцати человек... Семнадцать уничтожено, восемь задержаны... Разыскивается командир боевиков — Тумсоев Бага, 1975 года рождения, — на экране фотография.

— Ты смотри! — воскликнула бабушка. — Вот так-то, без бороды, я бы его и не узнала.

— Такого, в этой же рубашке я его видела вчера, — удивилась Роза. — И где они его сфотографировали?

— А сегодня на блок-посту я Багу видел, — появился в комнате Мальчик, — весь побитый, в наручниках. Его закинули в дальнее помещение, и потом к

нему аж два важных генерала приезжали. О чем-то скрытно с Багой говорили.

— Да о чем ты говоришь? — изумилась Роза.

— Сплоси у Головы. — Мальчик эмоционально продолжал. — Сам капитан и все остальные по струнке стояли. Голова просто дрожал, все меня пытался упрятать.

— И куда они Багу дели? — теперь уже и бабушка крайне удивлена.

— Вначале уехали генералы, приказав в комнату к Баге даже не входить. А потом приехали другие военные; Голова сказал, тоже большие командиры, аж из Москвы, они-то и отвезли Багу, надев на его голову черный мешок.

— Да, — на лице Розы недоразумение, ну и занушка?

Пытаясь не что-то понять, а по возможности выяснить судьбу Баги, на следующее утро Роза следила за блок-постом, и как только появился капитан Головачев, несмотря на огромный страх, как бы между прочим двинулась туда и вступила с командиром в контакт.

— Роза, сам ничего не понимаю, и тебе вникать не советую — голову снесут, — тревожное состояние у капитана. — Какие-то игры начались, какой-то концерт, настоящий бардак.

— Неужели еще будет война?

— Эта война — декорация; шумовой фон, под который разворовываются огромные богатства. Здесь нет своих и чужих. По большому счету и Бага, и Мальчик, и ты, и я — просто пушечное мясо. А наверху — сговор воров — не могут честно награбленное поделить, — он закурил очередную сигарету. — Я уже рапорт написал; отсюда бежать надо. Вы-то хоть удержайте, Мальчика пожалейте.

В гнетущем настроении Роза пребывала несколько дней, не зная, как ей быть с больной бабушкой и упрямым Мальчиком. И хотя поползновения: мол будет снова война, — все еще упорно витают над городом, да вроде жизнь в той же колее неопределенности. Правда, есть и весьма тревожные симптомы: все стройки Грозного заморожены, нет финансирования. И это не все — пенсию бабушки, пособие Мальчику и ей зарплату уже второй месяц как не выдают, говорят в Москве посчитали пока нецелесообразным; значит, иные цели есть.

Однако, жителям Грозного жить хочется, и как прежде, ни на что не надеясь, они в этих тяжелых условиях живут. Как и все, пытается жить и Роза. Ее день натружен, дел хватает. И, как обычно, утро начинается с похода на Сунжу за водой. В подвал она уже даже не заглядывает. И не потому, что Багу совсем забыла, может наоборот. Просто теперь с именем Баги связано много противоречивого, иное не понять, считает, многое во вред. Да и вряд ли теперь Бага здесь объявится. И вдруг как-то утром, с зари духота — шоль, из подземелья ее окрикнули:

— А мне воды не несешь? Что, забыла меня ?

— Бага? — изумилась она.

Он снова в униформе, с оружием, оброс. Но это не прежний Бага — не тот отчаянный, залихватский молодой человек. Перед ней изможденная, словно прибитая, бледная тень, и даже голос поник, охрип, и в глазах собачья тоска — только оскал, тот прежний плотный оскал еще есть, стал еще злее, невыносимей.

— Предали нас, подставили, прямо в западню высадили, хха-кха, — он болезненно стал кашлять; смачно, противно плюнул.

— Бага, ну что ж ты еще здесь делаешь? Хоть теперь уходи.

— Я действительно дурак. В свободу верил, командиров любил. Тьфу, — он вновь плюнул, — ублюдки, да и не чеченцы они, скоты.

— Ну, хоть сейчас уйди, — вновь взмолилась она.

— Поздно. Иль мне тоже стать изменником? — глядя себе под ноги, он, что ранее с ним не бывало, печально задумался. — Друзей бросить не могу... За их трупы и раненых — генералы требуют пол-лимона.

— Так в чем дело — моя зарплата, я до вечера достану, — оживилась Роза.

— Ты тоже дура, — процедил он. — Полмиллиона долларов.

— Что? Долларов?.. А где такие деньги есть?

— Где есть, я знаю, — прежней бесшабашностью блеснули его глаза, — вот только думаю — силенок лишился, — взгляд его потускнел. — Все равно среди волков жить — по-волчьи выть, — буду как они.

— Кто «они»? — не сдержалась Роза.

— Хе, — ухмыльнулся Бага, — кое-кого ты очень хорошо знаешь.

«Кого он имеет в виду?» — еще день-два мучилась Роза, пока новые слухи все не прояснили, а точнее, с первой же минуты омрачили ее сознание: она почувствовала, что это страшное событие непременно коснется и ее.

Это произошло прямо у блок-поста; не того, где командир Головачев, а у другого, их в Грозном немало. В общем, у блок-поста, где транспорт вынужденно сбрасывает скорость, среди бела дня спецколонну машин, в которой ехал Гута Туаев, атаковали неизвестные в масках. Как ни странно, российские военные, что были на посту, в это время отсиживались за железобетонной стеной: то ли обедали, то ли испугались, то ли вовсе Аллаху молились, может, был

приказ, словом, на чеченцев не напали — до местных разборок им дела нет.

В бронированной иномарке был сам Гута Туаев. Машина оказалась добротной — искореженная гранатометом, а ушла. А вот две идущие следом бронированные «Волги» подвели. Кто оказал сопротивление — пристрелили, кто струсил — пощадили, а вот младшего брата Гуты — живьем увезли, пропал.

...Вот так один страшный торг породил торговлю...

А Роза, как только прослышала о случившемся с Туаевым, нутром почувствовала — тоже пропала, аж сердце заныло. Оказалось, не зря. Буквально на следующий день она поутру собиралась идти на работу, как к ним вломились дюжие молодцы, тоже в масках, и особо не говорили, да понятно — это уже чеченцы, и интересует их не только Роза, а что самое страшное, прихватили с собой и Мальчика.

Из последних сил, задыхаясь, хватаясь за щемящую грудь, бросилась им вслед Анастасия Тихоновна. Видела как на блок-посту легковушку остановили военные; увидев высунутые из слегка опущенных бронированных стекол удостоверение, машины проехали.

— Капитан, капитан, Головачев! — издалека орала бабушка. — Мальчика! Розу и Мальчика увезли!

Реакция Головачева была молниеносной:

— БТР — на выход! Все в ружье! — и уже в рацию, — Третий пост, пятый пост — задержите две спецмашины.

Оказывается, пост у тоннеля они уже проскочили, а вот на площади «Минутка» их задержали. Там и нагнал их Головачев.

— Я тебя уволю, посажу. Это моя жена! Я полковник Туаев, — тыкал Гута удостоверение в лицо капитана.

Противостояние было нешуточным. Гута стал звонить по двум телефонам, и не только местным генералам, но и политикам в Москву. Головачев понял, что скоро будет приказ — «не вмешиваться в местный колорит!» Поэтому, не мешкая, при помощи своих подчиненных он стал действовать решительно, с силой:

— Жена, говорите ваша! Черт с вами. А Мальчика не уступлю. Только через мой труп, слово офицера.

...Обеими руками оперевшись о железобетонный блок, как безжизненное изваяние, застыла на солнцепеке Афанасьева, пытаясь разглядеть — не вернется ли кто?

Раздувая клубы пыли и копоти, через блок-пост проезжали машины, ходили вспотевшие люди, а она все стояла застыв, и не вспотела, лишь покрылась холодной испариной — с ней случился очередной удар, и стремясь не упасть, усилием воли она окаменела в этой позе, и уже и видеть не могла, ее очки заволкло влажной пеленой. И она не различила как подъехал БТР и лишь возглас Мальчика: «Бабушка!» всколыхнул ее нутро, так, что улыбнувшись, она наконец обмякла, подкосились ноги.

Прямо на блок-пост капитан Головачев вызвал по рации врачей; они настаивали на госпитализации. Однако, после уколов, немного пришедшая в себя Афанасьева категорически отказалась, лишь попросила помочь дойти с Мальчиком до дома.

— Сидите тихо, не высовывайтесь, — прощаясь, советовал капитан Головачев, — я кое в чем разберусь и завтра к вам зайду, может, даже с Розой.

Ни завтра и еще два дня ни капитан, и тем более Роза, не появились. А что еще страшней, бабушка не могла встать. От боли и бессилия, кусая последними зубами пересохшие губы, она валилась на пол, и с помощью Мальчика буквально на руках, раз в сутки, истекая

потом и слезами ползла в ванную комнату, лишь бы перед ним соблюсти гигиену и чистоплотность.

На четвертые сутки закончились последние капли воды, из еды — чуть-чуть макарон, а денег — ни копейки, этим Роза ведала, с ней пропало все, если оно было.

— Бабушка, нам надо кое-как жить, — как-то не по-детски сказал Мальчик.

За эти дни он значительно изменился, голос с хрипотцой, а в глазах было позабытое, совсем непонятное, — и не только тоска, но и озабоченность.

Как и Роза, с утра он несколько раз ходил на Сунжу за водой, по настоянию бабушки таскал лишь по полведра. И как вернется, видит бабушка лицо в полотенце прячет, а сама всхлипывает.

— Ну что вы плачете, разве можно реветь? — пытается успокоить ее Мальчик.

— Как не плакать? Мечтала тебя воспитать, в люди вывести, а сама тебе обузой стала, — еще сильнее плач. — С радостью бы руки на себя наложила бы, да тебя куда...

— Что значит «руки наложить»? — удивлен Мальчик. — Вы мне это не преподали, в чем здесь смысл?

— Ой-ой! Боже праведный! Что я несу? — она в страхе прикрыла лицо, шепотом молясь. — Дай воли, сил и терпения, хотя бы пока Роза не объявится.

И чуть позже, уже согнав с лица печаль, а пытаясь вновь стать строгим педагогом.

— Все испытания, что нам Бог ниспослал, надо с достоинством вынести. Значит, надо жить!

— Правильно, — впервые за последние дни улыбнулся Мальчик. — Я хочу жить! Я так хочу на скрипке играть, чтобы весь мир слышал, лучше стал.

— Правильно! Молодец! — возгорелся взгляд бабушки. — Только вначале надо умыться, а потом позавтракать.

Под устным руководством бабушки Мальчик впервые в жизни сварил макароны. Было очень вкусно! А потом пили чай, правда не свежий, зато с сахаром. А вот репетировать не получилось — музыкой сыт не будешь. Под слезы бабушки пошел Мальчик в город, первым делом на блок-пост.

— А Головы нет, — объясняет ему сержант. — Вообще нет, каюк... Как в вашу историю ввязался, его в ту же ночь отозвали в полк, в Ханкалу. На следующий день на передовую, в горы. Точно не знаю, но говорят, то ли шальная пуля, то ли еще как, в спину... Вот так. Нечего было не в свои дела лезть, идиот... Тыфу ты, господи, прости! Царствие ему небесное.

Мальчик плакать хотел, но, глотая слюну, себя сдержал. С самым печальным видом вернулся домой, взял скрипку и, ничего не объясняя бабушке, только выдавив:

— Дела! — он вновь вернулся с инструментом на блок-пост и стал у самой проезжей части. — Посвящаю памяти капитана Головачева.

Стоя под солнцем, он хотел сыграть что-то траурно-минорное, так и начал, но смычок не пошел. По-над Сунжей весело ласточки носятся, стреколы витают, цикадки стрекочут, бабочки порхают, реки журчит. Чем не жизнь! И он совсем не ожидая, даже незаметно для себя, мастерски импровизируя, перешел на задорную мелодию, а потом и вовсе стал играть свою композицию «Новый Детский мир». Так что все военные вокруг него сгрудились, а там и проезжающие машины остановились.

— Откуда такой талант? — кто-то поинтересовался.

— Местный сирота, — пояснил сержант, ничего не подозревая.

А местные люди поняли по-своему, стали противиться Мальчику купюры. Мальчик обиделся, пере-

стал играть, а ему все равно даже в карманы горожане деньги суют.

— Слушай, так это золотая жила, — нашелся сердант. — Ты играй, я всех торможу, — прибыль пополам.

Собрал Мальчик всю наличность в маленьких руках, пошелестел в задумчивости и протянул сержанту:

— На, помяните Голову.. Только без салюта.

...Макароны оказались местного пошиба; припасенные к обеду, они почернели, иссохли, но, пытаясь утолить голод, бабушка и Мальчик, предлагая другу большую часть, ликвидировали весь съестной запас.

Обычно после обеда бабушка укладывала Мальчика спать, а ныне они кардинально поменялись положением.

— Выпейте лекарство, — заботился он о ней, — и поспать вам не мешало бы... А я прогуляюсь по городу, — и очень серьезно, — у меня дела, — он взял футляр со скрипкой.

Бабушка навзрыд зарыдала, судорожно затряслась.

— Не плачьте, пожалуйста, — он погладил ее руку. — Нам ведь надо жить. А я не попрошайничать, хочу людям хороший концерт дать. У кого деньги есть, и оценят — заплатят. — И вновь, да уже утверждающе. — Нам надо жить, — и, чуть погодя по-взрослому тяжело вздохнув, — хоть как-то выжить.

Зная, что скрипка бесценна, и она последняя в его жизни забава и отрада, он долго ходил по центру, в страхе обнимая футляр, подыскивая подходящее место. Как-то по телевизору он видел, что даже в богатой Европе, на улице, в людных местах юноши и подростки играют на музыкальных инструментах, подрабатывая на жизнь. Конечно же, бабушка никогда этого не одобряла, всегда твердила: — «Мы аристократы и будем играть лишь в элитных залах, перед солидной публикой». Однако в Грозном — образцы 1996 года ничего этого нет, привилегированны только те, кто с оружием.

Послониался Мальчик по людному центру, и надо бы там где почище стать, да от голода слюнки текут, привлек его базар с его манящими запахами. А тут попрошаек, и старых и малых, меньших, чем он, столько — аж весь мир. И все они грязные, чумазные, оборванные, бесстыжие — не дают никому пройти, не только за подолы дергают, даже требуют что-либо подать. Ему стало страшно, стыдно, и не раз он уходил и снова приходил, все метался, обнимая свой футляр. Да как говорится: — сидеть голодным тоже не просто, и главное — кто еще о бабушке позаботится, и солнце уже склонилось к закату, вот-вот народ начнет расходиться — значит впереди ночь впроголодь, — он единственный ходок и надежда, кормилец. И ему бабушка уже многое дала, и как она ему не раз гово-

рила — «в любом месте, где есть человек, ты с этой скрипкой и своей душой кусок хлеба заработаешь». Так что вперед, пора! Вопреки всему надо жить.

И в другое время стал бы он у «сладких» рядов, там где мороженое, зефир и конфеты. Да теперь не до сладостей, свежим хлебушком пахнет, аж ноздри щекочет, — стал он среди хлебных рядов неуверенно фрутляр'раскрывать.

— Эй, мальчик, — кликнула его одна торговка, — а ну, пошел отсюда, ты покупателям проход заслоняешь.

— И тут не становись, — другая.

— А ну, закройте свои срамные рты, — рявкнула не молодая, дородная торговка. — Иди-ка сюда, — уже ласково поманила она Мальчика. — Что, не видите какой он славный, золотой!? Ты что хочешь? — склонилась она над ним, поглаживая курчашки.

Он, обиженный, долго молчал, опустив головку, и лишь после повторного вопроса, глотая скорбь, тихим баском:

— Хочу вам на скрипке сыграть... Если кто подаст денег подзаработать.

— О! Это не провинность, стоящее дело! На то и базар — что-то предложить, понравиться людям — заработать... А ну, бабы, посторонись! — командуя, замахала она руками. — Хлеба и зрелищ! Привлечем народ!

Смущенного Мальчика определили у самого начала рядов, в тенечке прилавка, в самом бойком месте недалеко от входа на базар.

— А ну, тихо, новое поколение искусство в темные массы несет! — кричала та же женщина, привлекая народ.

От перенапряжения Мальчик весь вспотел, а волновался как никогда ранее; ведь рядом не было ни

бабушки, ни Розы. Вначале он разложил на пыльном асфальте с дома припасенную газетку, на нее положил футляр, как положено раскрыл. А когда пристроил инструмент, с первыми аккордами понял, что играть так не сможет, и не наклоняясь, а небрежно, ногой пнул крышку, чтоб футляр закрылся – не нужна ему милость, – просто так будет играть.

Пытаясь сразу же покорить всех, он сразу же взялся за классику – Моцарта. Его удаль оценили, но сдержанно, к этому слух не привык, попросили что-либо попроще из местного репертуара. По состоянию своей души он стал исполнять «Тоску по Кавказу» Ганаева.

Многие женщины взгрустнули, даже слезу пустили.

– И без тебя тошно, что-то веселое давай! – крикнул какой-то усатый мужчина.

Веселой, даже задорной, жизнеутверждающей, с элементами кавказских ритмов была его композиция «Новый Детский мир».

– Во-во! Вот так давай! – стал этот усатый напротив Мальчика, и, видимо, будучи навеселе, стал слегка пританцовывать.

Мальчик ощутил настроение танцора и всей толпы; заканчивая свою вещь плавно перешел на кавказскую лезгинку, да так, как только он умел. Что тогда началось, настоящий ловзар, и даже дородная торговка вышла танцевать. Пока пот не просолил глаза, под бешеный гвалт и неистовый ритм, Мальчик выдал что мог, до последних сил. Слово «бис», быть может, здесь не знали, но так стали хлопать, что он еще не раз лезгинку исполнил, и из-за денег ни газетки, ни уже футляра почти не видать, набралась куча купюр. А тот усатый мужчина, наверное, в танцах его развешло, демонстративно бросил к ногам исполнителя целую пачку новеньких банкнот.

Мальчик оторопел, перестал играть, поднял пачку и протягивая усатому:

— Спасибо, но мне столько не надо.

Наступила неловкая заминка.

— Да-да, ребенку столько не надо, — вступилась покровительствующая дородная женщина. — И все, хватит, музыкант устал.

Первым делом Мальчик уложил скрипку в футляр, а к деньгам все не мог прикоснуться — стыд съедал. Та же женщина собрала купюры.

— На, ты честно заработал, покупай что хочешь.

В то время российские рубли большие, со многими нулями — он чуть ли не миллионер, и даже в карман эту пачку не поместить. Обеими руками держа футляр и деньги, теперь он первым делом обратил свой взор на «сладкие» ряды, как к нему незаметно подошли мальчуганы, местные оборванцы, чуть постарше его; отвлекая, что-то спросили, будто ненароком толкнули, падая, он ослабил хватку и ужасно закричал — главное, и скрипку стащили.

Тот, что взял деньги, исчез. А футляр большой, с ним далеко не смог подросток убежать. Скрипку вернули. С силой обнимая ее, Мальчик еще долго стоял посередине базара, от обиды не переставая плакать, пока вновь не попал в руки той же женщины.

— Не плачь, не плачь, дорогой, — успокаивала она его. — А где твои родители, с кем живешь?

— С бабушкой живу, — сквозь всхлипы.

— Понятно, — стал еще мягче голос женщины. — Больше здесь не играй, и вообще при толпе не играй — не твое место. Я сама учитель математики, война и нужда сюда загнали. А зовут меня Нахалу, в любое время приходи, все, что на базаре есть — твое! Вдруг меня здесь нет, всякое бывает, подойдешь к любой женщине, и все будет в порядке. Понял? А вы, бабы,

поняли? — гаркнула она; все засмеялись — поняли; ведь в основной массе народ простой, добрый, щедрый, лишь о мире мечтает.

— А ну, пошли, — взяв за руку, повела Нахапу Мальчика по базару, и не просила, тем более не требовала, а просто говорила. — Кто хочет помочь ребенку, добродетель совершить, пожертвовать перед Богом?

Можно было подумать, что не они просят, а сами что-то ценное раздают, так их все к своим прилавкам зазывают.

— Нахапу, иди сюда!

— А шербет, а халву?

— К нам идите!

Набралось столько, что тяжело нести.

— Все, все, — благодарит всех Нахапу. — А к вам в следующий раз.

С набитыми пакетами они покинули базар, вышли прямо к стоянке такси, на проспект Орджоникидзе.

— Эй, шабашники! — и здесь крикнула Нахапу. — Распеклись на солнышке? Кто хочет перед богом выслужиться, обвеяться ветерком, ребенка бесплатно отвезти? Тут минуточку ехать, до «Детского мира».

— Давай сюда, — крикнул один, выразили готовность и другие.

— Погодите, погодите, — вышел из машины крепко сбитый, коренастый мужчина средних лет. — Так это же Мальчик! Мальчик, ты меня помнишь?

— Помню, дядя Пайзул.

— Что ты тут делаешь? А Роза где? А бабушка Учтал?

Пока Мальчик сбивчиво все объяснял, подъехали к дому. А здесь оживление — «скорая» и милицмейские машины стоят. Побежал Мальчик наверх, бабушка под капельницей лежит, на вопросы какого-то дяди

отвечает. А в квартире еще много людей, сходу обступили Мальчика и стали его расспрашивать.

Заполнив несколько бумаг с показаниями, первыми, уже в сумерках, стали покидать квартиру прокурор и милиционеры, неуверенно говоря:

— Да, Гута Туаев непростой человек. Но мы постараемся разобраться.

— Постарайтесь, прошу вас, — умоляла бабушка.

Когда закончилась капельница, засобирались и врачи, сослуживцы Розы. И тоже без твердости в голосе:

— Мы это так не оставим. И на Туаева найдем управу, и чуть погодя, уже к бабушке. — Давайте вас госпитализируем, а Мальчика пока кто возьмет. И есть ведь у нас дом для престарелых и детский приют.

— Мальчик, как? — апеллирует бабушка, хотя знает ответ.

— Я дома, — упрямый басок, — и никуда не пойду, уже был в «приюте».

Последним, когда совсем стемнело, уехал Пайзул, все сокрушаясь судьбой Розы.

— Мир не без добрых людей, — констатировала бабушка, оставшись наедине с Мальчиком. — Даже мне полегчало, — и в это время стук в дверь.

Они насторожились.

— Может, что забыли? — прошептала бабушка. — Пойди спроси, кто там?

— Открывайте! — за дверью грубый властный голос. — Проверка документов, открывайте, не то выломаем дверь.

Выбора не было, прикладами стали бить.

— Сейчас, сейчас, — крикнула бабушка. Пыхтя, кряхтя, она еле встала, оперевшись на костыли. Первым делом отстранила Мальчика подальше, за кроватку. Потом запрятала скрипку в изголовье, и вновь

крича, — сейчас, — она с трудом добралась до входной двери: отпихивая ее к стене, в квартиру вломилось несколько вооруженных людей в масках; осмотрели все, даже балкон, и затем надменно:

— Документы!.. Что это за писулька? — во главе здоровяк.

— Справка Мальчика, — забыла бабушка о своей немощи. — Метрика в войну утеряна. А это законный документ, выдан в Волгограде.

— Хе, хорошо, что не в Хабаровске, — он стал оглядывать бумажку. — А где печать? Так, хватит басни трепать. У нас приказ: кто без документов — расстрел на месте.

— Да вы что? Это ведь ребенок.

— Это чеченец: все наши беды от них.

— Боже! Так если все беды России и россиян от Чечни и чеченцев, то несчастна наша страна!?

— Знаете... — этот здоровенный военный, тыча пальцем хотел было что-то сказать, но его подтолкнул сзади стоящий толстый мужчина, даже будучи в маске видно, что не молодой.

— Хватит болтать, переходи к делу, — хорошо поставленным голосом указал он.

— Гм, — кашлянул здоровяк. — Кого из боевиков знаете?

— Никого, — быстро среагировала Афанасьева.

— А его? — он продемонстрировал фото Баги, и, уловив реакцию Мальчика. — Он-то знает. Знаете и вы, а нагло врете, что не знаете боевиков.

— Я в жизни не врала, не так воспитана. А этого молодого человека, — она указала на фото, — пару раз видела. Так он не боевик, и я не знаю, что такое боевик, знаю — ополченец.

— Ух ты, какая терминология, — снова выступил толстый мужчина. — Прямо правозащитница.

— Да, и защитница, и труженица. Я... я, — голос у нее стал срываться, — я ветеран и инвалид войны, полвека трудовой стаж. Посмотрите мои документы.

— Вижу, — бесстрастный голос.

— Да что вы можете видеть?! — теряет бабушка контроль. — Перед старухой и ребенком маски натянули. Даже фашисты лиц не скрывали. А на вас нет лица, нет совести и чести.

— Так, заберите мальчика для выяснения личности: может, сын боевика.

— Нет, — бабушка бросилась к Мальчику, не устояв, упала, подмяв его под себя.

Тогда над ней сжалились, подняли, уложили в постель, а она ухватила с собой и Мальчика.

— Ладно, — видимо, и людям в масках все это надоело. — Вы сегодня написали заявление на имя прокурора.

— Да, и на имя местного прокурора Звягина, и на имя генерального прокурора и президента России, и в Европарламент напишу, и прессу назавтра вызвала, и...

— Хватит, хватит, — перебили ее. — Прессы не дождетесь. А завтра будет следователь, заявление отзовите, не то попадет в сортир.

— Что ж вы так Туаева покрываете? Ведь он чеченец! — поняв о чем речь, явно осмелела бабушка.

— Туаев, как и мы, — с издевательским пафосом, — присягу на верность дал.

— Ха-ха-ха, — в тон им неестественно засмеялась Афанасьева. — Интересно, что за присяга? Наверное, на развал и грабеж России.

— Дура! — процедил толстяк, и, уже уходя из квартиры, бросил здоровяку. — Не марайся, сама скоро подойдет.

На следующий день, к обеду, действительно прибыл следователь прокуратуры; без приглашения

бабушки, по-хозяйски сразу же сел, отдавая комнату звоном перегара и слащавого дезодоранта. Раскрывая папочку, с ходу начал о неприятном:

— В городе резко обострилась криминогенная обстановка.

Бабушка и так всю ночь не спала, корила себя за вчерашнюю несдержанность. О себе вообще не думала, но как она могла позабыть о Мальчике. Ведь могли что угодно сделать, и никто бы ничего не узнал, ни за что бы не ответил. Всю ночь она благодарила Бога, что все так прошло, просила для себя терпения, счастья Мальчику, свободу Розе, и ныне, стараясь быть деликатной:

— Да-да, обстановка очень тревожная, — пытаюсь присесть на кровати, поддержала прокурора она.

— Вчера ночью, — бесстрастно продолжал приходец, — совершено покушение на главврача — ранен, чудом остался жив.

— Боже! — совсем испугалась бабушка, в страхе посмотрела на Мальчика. — Это главврач больницы Розы?

— Именно. Вчера здесь был, — разговаривая, он ковыряется в многочисленных бумагах. — Зря он такую бучу вокруг этой Розы затеял.

— Какой беспредел?!

— Не то слово... Ах, вот, — он достал один листок, и уже более официальным, даже чеканным слогом. — Гражданка Афанасьева, я считаю, вам, наверно, тоже надо бы отозвать свое заявление.

— Что значит «тоже»? Разве главврач отозвал свое?

— Ну, я ведь вам сказал, что на него совершено покушение.

— Погодите, — бабушка поправила очки. — А Роза? Ведь человека среди бела дня своровали, и все

знают, кто это сделал, некто Гута Туаев, чуть ли не министр!

— Вот именно, — заерзал на стуле прокурор. — И дело здесь весьма запутанное. Если вы знаете, то и на Туаева совершенно покушение, при этом похищен его брат.

— А при чем тут Роза? — стал повышаться голос бабушки.

— Понимаете, оказывается, эта Роза является женой Туаева, и нам не гоже вмешиваться в местные порядки, нарушать традиции гор.

— Что значит «не гоже»? — она уже теряет контроль, повысила голос, — разве не вы здесь наводите «конституционный порядок»? Где наш российский закон? И я в Грозном более сорока лет живу, а традиция воровать людей мне до сих пор не ведома.

— Бабушка, успокойтесь, — вступил в диалог Мальчик.

— Ребенок прав, успокойтесь, — безучастен тон прокурора. — И мой вам совет: заберите свое заявление.

— Что? — вышла из себя бабушка. — Вы хотите, чтобы и я участвовала в вашем саботаже? Да я на вас жалобу напишу! Как ваша фамилия? — ее костлявая длинная рука потянулась к прищельцу.

Тот резво вскочил, попятился и с презрением в голосе и на лице:

— Так заберете заявление, иль я его того?

— Я вам дам «того», я вас всех к порядку призову!

— Мц, — будто очищая зубы, издал прокурор сытый звук, и ступив к выходу, как жалеют собаку. — Не будь вы, вроде, русской, кто бы с тобой цацкался, старая мымра!

— Вон! Вон отсюда! — совсем рассвирепела Афанасьева, и с неожиданным проворством схватила у ипполовья трость, метнула в прокурора, попала.

— Ах, так! — гримасой исказилось лицо правозащитника, и, словно в удовольствие, он демонстративно разорвал в кусочки ее заявление и швырнул. — Вот вам конституционный порядок, — мотыльками запорхали кусочки бумаги.

— О-у! — завопила бабушка. — Дрянь мерзопакостная! — она схватила первое, что попало под руку — подушка полетела в коридор, следом полетел бы и футляр со скрипкой, да Мальчик успел выхватить. Но бабушка не могла угомониться, все еще издавая какие-то гортанно-шипящие звуки, она рыскала вокруг не зная, что еще швырнуть; вспомнила об очках, они полетели в уже пустой коридор, и тут с последним криком во рту не удержались вставные челюсти — и они полетели в темноту.

Позже, когда Мальчик вернул ей все, она, сидя в постели, совсем сникла, скрючилась, даже плечи обвисли, — острые, одни костяшки, и вообще она в миг стала совсем маленькой, жалкой, будто изжившая свой век, — несчастной, тихой, лишь изредка, вздыхая, немощно скуля...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

то ни тверди, а как говорится — в жизни ни от чего нельзя зарекаться. И в кошмарном сне Роза не представляла, что попадет еще когда-либо в дом Туаевых — попала; силком да волоком затащили, и предстал перед ней ее бывший муж — Гута Туаев. Вроде, хоть и мельком, да видела она Гуту и воочию, и по телевизору, да только сейчас в упор — разъелся, чуть ли не обрюзг, а лицо обвислое, но холеное, ухоженное, и она как женщина понимает — где-то, наверняка в Москве, хорошие косметологи физиономию облагораживают. Да как лоск не наводи, морду не маскируй, а рожа — она и есть рожа, ее никак не переделать — зеркало души.

И вот эта страшная, толстая, почерневшая от алчности и злости искривленная рожа впилась в нее:

— Ну, говори, говори, — смрадом табака и чего-то еще несвежего дыхнул ее бывший супруг, — говори, сучка, кто моего брата украл?

— Не знаю, клянусь не знаю, — в страхе дрожала она.

— Как «не знаешь»? А сюда посмотри.

Он развернул перед ней испачканный, будто вывалянный в грязи листок:

— Читай!

Компьютерный набор: «за живого брата выкуп — пятьсот тысяч долларов». Роза сразу же подумала о Баге. А вот следующая приписка, уже сделанная от руки, корявым почерком: «и скрипку вернуть не забудь!» однозначно навела Гуту на самую Розу.

— Так кто? — голос Гуты стал довольно слащавым, он человек опытный, далеко не дурак, хоть и не обрзозван, и по реакции Розы понял — попал в цель. — Может, твои братья?

— Нет, только не братья, — встрепенулась Роза.

— Тогда кто?

— Не знаю.

Этот вопрос и ответ повторились не раз и не два, и передних зубов у Розы уже давно нет, так и к вставным коронкам прижиться не дают. Бил он ее кулаками, потом до устали ногами пинал, а она все стонала, кровью отхаркивала и словно других слов не ведала, пищала, «не знаю», пока не умолкла вконец.

Едкий кашель и озноб привели ее в чувство. Роза лежала на земле, вдыхая какую-то пыль. Была спокойная, теплая, летняя ночь в пригороде Грозного. Где-то квакали лягушки, лаяла собака, запели первые петухи, тоскливое «чоп-чоп» издавал сыч, над ухом завис назойливый комар. Она тяжело встала, долго не могла понять, где очутилась? И лишь спустя какое-то время, придя маленько в себя, она вспомнила все по старой памяти. Покойный отец Гуты был человеком прижимистым, да хозяйственным, мастеровым. Это он по округе, то на свалке, либо там, где плохо лежало, таскал отовсюду металл — будь то арматура, лист, или просто болванка, и из этих кусков, а жили они туговато, он как смог сварил сарай, с виду ущербный, но очень прочный — в войну не прошибло. Раньше в этом сарае держали скот, овец, кур и всякий скарб.

Теперь этого всего и в помине нет: сарай внешне шифером облицевали, внутри цемент, еще стройматериал, какое-то барахло — и она.

Осмотрелась Роза по всем сторонам сарая, благо щелей много, сориентировалась на местности, здесь жила. Кругом темнота, видимо, на ночь в пригороде свет отключили. Да двор Туаевых озарен — генератор рычит. Рядом с сараем соседский дом, и она знает, там старики живут, всю войну пережили.

— Помогите! Орцадала!¹ — на обоих языках заорала она, даже называя имена стариков.

Однако, кричать, как хотелось, не получилось. Оказывается снаружи был охранник. Он моментально заскочил в сарай; бить не стал, лишь пригрозил прикладом, вызвал какого-то Тугана по рации. Туган имя чеченское, редкое (ныне предпочитают заимствованные), и так зовут двоюродного брата Гуты, кстати, одноклассника Розы. И хотя Туган тоже Туаев, но они, по крайней мере, до сих пор резко отличались от семьи Гуты — к греховному не прикасались. «Так неужели это ее одноклассник, неужели и Туган стал таким?» — подумала Роза.

Да, это был ее одноклассник, правда, видимо, как и она, повзрослел; плешь на голове, седина в висках, брюшко отрастил.

— Туган, и ты здесь? — как можно хладнокровней спросила Роза.

— Я, — и что-то невнятное, пряча лицо пробормотал он.

— С Гуты-то спроса нет — подонок, а ты-то как собираешься здесь дальше жить? Думаешь, на вас управы нет, коль сегодня в корыто забрались — обожретесь, подавитесь.

¹ Орцадала (чеченск.) — помогите, на помощь.

— Заглохни! — с силой ткнул он ее в грудь, и следом, другим голосом, словно извиняясь. — Время такое, война; развела нас в разные стороны.

— Не война, а деньги совратили кое-кого.

— Ты замолчишь аль нет? — угрожающе замахнулся он кулаком, не ударил, что-то под нос промычав, наверное, отошел в сторонку, достал трубку. — Первый. Первый, я восьмой.

Рация зашипела, щелчок, и до омерзения противный, для Розы отклик Гуты.

— Здесь наша дамочка пришла в себя, на всю округу визжать начала.

— Засунь ей кляп в пасть, и еще куда, чтоб не воняла, — заплетается голос Гуты, может быть пьян или спросонья.

— Сам ты вонючка, дрянь поганая! — крикнула Роза.

— Ха-ха-ха! — вальяжный смех в рации. — Туган, вмажь ей хорошенько от меня, а я утром приеду, добавлю.

— Может, лучше ее в подвал? — беспокоится Туган.

— Не донимай меня по пустякам, — долгая пауза, затяжной вдох, наверное прикуривает, — кха-кха, ты, главное, следи за воротами и улицей. Они должны еще раз выйти на контакт. Запомни, там ты за все в ответе... А с этой сучкой поступай как надо, закинь в бункер и забудь на недельку. Ха-ха!

Поднатужившись, будто кашель его распирает, Туган что-то выдохнул хило в кулак; боязливо, как-то искоса глянул на Розу. Теперь, даже в полумраке она заметила, как не свойственна и противна ему самому своя участь. И почему-то именно в этот момент Роза вспомнила совсем юного Багу, его вечную бесшабашность, не сходящий с лица отчаянный оскал, и наверное, подражая ему, она язвительно выдала:

— Что, нелегко быть Туаевым? Хе-хе, а ты ведь знаешь, что по алату насильственная смерть одной женщины, кровная месть двух мужчин.

— И дорого ж ты себя оцениваешь, — в тон ей попытался ответить Туган.

— Ну, если за брата Гуты требуют полмиллиона, то я, пожалуй, дороже вам обойдусь.

Скривил Туган лицо, так что в свете ламп совсем страшным стал. Из-под нахмуренных пышных бровей надолго уставился на нее, будто изучает:

— Гм, а в школе ты была тихоней, порядочной.

— Непорядочного, за собой и сейчас не ведаю, а тишь да блажь твой двоюродный братец кулаками да пинками вытравил, — что-то на нее нашло, что она совсем осмелела иль обнаглела, а точнее, ей стало все безразлично, и чуть ли не подбоченясь. — Раньше просили, умоляли замуж выйти, и не раз, а ныне словно я безродная — «сучка-вонючка», — во вам! — выставила она кукиш.

— Эх, — замахнулся Туган. — Не знай я тебя с детства, вмазал бы всласть.

— Хе, а что этой вы со мной, с бабой связались?

Она еще в этом духе что-то хотела сказать, но Туган грубо дернул ее за локоть:

— Пошли... Слишком музыкальная стала, скрипками увлеклась. — Упоминание о скрипке моментально сбило всю ее натужную спесь. С горечью вспомнив Мальчика и бабушку, она даже не заметила, как ее подвели к новым строениям, которые она еще не видела.

Долго подбирая ключи, Туган пыхтя еле открыл тяжелый люк, что закрывал вход в подземелье под навесом.

— Ступай, — подтолкнул он ее к мрачным ступенькам, откуда истощался застоялый дух бетона, пыли, войны.

Через много ступенек очутились в просторном помещении, оказались действительно в бункере. Гута готовился к войне, либо уже во время войны умудрился это построить. Тут многое предусмотрено, даже автономное электропитание, вот только дышать тяжело, и давит все, как в могиле.

— Туган, не оставляй меня здесь, — тихо взмолилась Роза.

— Не волнуйся, здесь все для жизни имеется, и вода и пища, и даже радио.

— Тугрик! — как в школе называли его, — не оставляй, — умоляюще жалобен ее голос.

— Прости, время военное — выполняю приказ, показно невозмутим одноклассник. — Заодно первой обживешь заведение.

Осознав, что от Туаевых пощады не ждать, она с ногами залезла на деревянные нары, скрючилась, обеими руками обхватив запавшую от боли голову, уткнулась в колени и, пуская обильные слезы, пискляво заскулила, даже не услышав, как ушел Туган. Сколько она так просидела, не знает; лишь когда стало совсем жутко, она подняла голову — заорала, был полный мрак.

В поисках выхода она куда-то бросилась, что-то опрокинула, ушиблась. В крошечной тьме, до потери голоса она истерично орала в ужасе, пока где-то не мелькнул свет, как озарение, пробежался луч фонарика, гулкое эхо шагов, словно великан спускается.

— Теперь скажешь, — для пущего страха Туган специально изменил и понизил свой голос, — кто напал на колонну и увел брата Гуты?

— Не знаю, не знаю, — сквозь плач сразу же ответила Роза. — Неужели ты думаешь, что я могла быть к этому причастной?

— Что ты не причастна — догадываюсь, — спускаюсь по ступенькам, уже своим голосом говорил одно-

классник, — но то, что ты знаешь, кто именно, — тоже нет сомнения.

Яркий луч пробежался по помещению, в упор ослепил ее глаза:

— Не скажешь кто, останешься здесь... может и навсегда.

Она ничего не ответила, вздрагивая от всхлипов, уклоняясь от света, прикрыла бедовую голову обеими руками.

— Раз молчишь, — луч фонарика побежал к лестнице; так же как пришел, Туган стал медленно подниматься. А Роза до крови прокусив губу, вся в липком поту, так и оставалась в скрюченной позе на прохладном цементном полу бункера. И в это время наверху запищала рация.

— Ага... хорошо, — покорно отвечал Туган, и быстро попрощавшись, надолго застыл, только слышно его учащенное дыхание.

Неожиданно шаги вновь пошли вниз, луч выхватил Розу из мрака:

— Иди за мной, — не то, чтобы командно, но повелительно сказал Туган.

Повторять ему не пришлось: ни слова не проронив, буквально на карачках, она спешно двинулась по освещенным ступенькам. Лишь попав на чистый воздух, надолго застыла, жадно вдыхая открытым ртом. Светало. Звезды погасли. Раннее летнее солнце еще не взошло, но уже озарило небосвод, пытаясь сменить поблекшую, остроконечную луну, устало зависшую над кроной размашистого старого ореха. В самом городе было тихо. Но откуда-то, наверное с базы Ханкала, доносился тяжкий гул техники, взрывы, пулеметные очереди — то ли ученья, то ли еще что, в общем — война.

— Пошли, — поторопил ее Туган.

Они прошли весь двор, направились к дому, который еще в первые годы замужества построила сама Роза. Теперь, на фоне огромных новостроек, этот кирпичный дом казался совсем маленьким, неказистым, хотя она знала, насколько прочным и добротным было это строение.

Ключом Туган открыл тяжелую металлическую дверь, провел ее в дом. Свет не включил, пробежался фонариком. В целом обстановка мало чем изменилась, и видимо, в этом доме редко кто живет, — застойный запах.

— Гута уже на военной базе в Моздоке, — по ходу заговорил Туган. — Утром вылетит в Москву. Когда вернется — не знаю, обычно через день-два, — он провел ее в просторную столовую. Вот где все поменялось; она, как женщина, аж причмокнула от восторга губами: роскошная мебель, люстры, громадный телевизор, посуда на зависть, а на полу, по всей площади — очень красивый ковер, на который и ступить совестно.

— Где подвал, помнишь? — об ином напомнил одноклассник; резким движением откинул край ковра, там вход в подвал, где она когда-то хранила компоты и соленья. Не без усилия он раскрыл люк, снизу повеяло прохладой и прелой сыростью.

Широко расставив ноги над проемом, Туган надолго уставился сонным и усталым взглядом на Розу:

— Пока туда лезть не надо, — с хрипотцой сказал он. — Но как Гута объявится, я дам знать, ты скроешься. Понятно?

Чуть ли не подобострастно, она кивнула.

— Свет не включай, спи, отдыхай, — продолжал он, — телевизор можно, но очень тихо. В холодильнике все есть, я еще принесу, — каким-то обыденным стал его тон, как и вроде вся ситуация.

Более ничего не говоря, он уже уходил, как вдруг остановился, не оборачиваясь, а глядя себе под ноги, очень тихо, как приговор:

— В принципе, хоть дом и обрешечен, ты, при желании, так или иначе сможешь отсюда бежать. Но тогда помни: да ты и сама знаешь: у Гуты брата-свата нет — меня расстреляет.

В тот день никто не появился, и даже во дворе никакого движения. Лишь через день появился Туган. Деликатно постучался, тихо спросил «Роза!», и, чуть ли не на цыпочках прошел в столовую, положил прямо на стол пакеты:

— Еда, — виновато развел он руками. — Гута уже в Грозном. В любой момент может здесь объявиться. Так что будь начеку. Вообще-то он здесь не ночует — боится. Но ты, на всякий случай, подвал обустрой, — беспокоился он. Оказалось не зря.

Где-то в полдень Туган успел ее предупредить, и только прикрыл за ней люк, как она, даже будучи в подвале, услышала вой машин, оживление во дворе, и к ее ужасу, шаги прямо над ней, и сквозь дощатый пол и ковер слышно все, даже как чайник вскипел.

— Я уже обедал, ты ешь, — слышит Роза сверху услужливый голос Тугана.

И, конечно же, она ничего не видит, лишь по стучку ног представляет, как ее одноклассник носится по столовой, пытаясь угодить. И Роза помнит, Гута всегда ел очень быстро, как хищник, быстро все проглатывая, вечно куда-то спешил иль опаздывал. Ныне торопиться вроде незачем — важная птица. Да все равно на весь дом слышно, как жадно чавкает, аж челюсти хрустят. Правда, есть ему не дают, все время телефон трещит, и не один, а минимум два, и он по обоим успевает болтать, точнее гавкает, на всех рычит, всем недоволен, о работе, якобы, радеет, требует выпол-

нить план. И в это время совсем иной звонок — заманчивая музыкальная трель:

— Тихо! Спутниковый звонит! — совсем другим, почти что паническим голосом крикнул Гута; слышно, как туфли торопливо прошлись по ковру. — Алло, — слащаво, — прямой министра Столетова?.. Да, Туаев слушает, — прошло немало времени прежде, чем секретарь в Москве соединила с министром.

Как бравый пионер, Гута задорно поздоровался, справился о здоровье и делах, а потом лишь ответы:

— Да, да, я на объекте. Школу готовим к сдаче... Что? — тут голос Гуты совсем озадачен. — Илья Аркадьевич, эта сумма на три года рассчитана. Ну, мы могли бы хотя бы за год ее списать, но за полгода?.. Что? Правительство в отставку? И меня уволят?.. Что? Другим достанется?.. Хорошо. Есть! Все будет сделано. А-а! Погодите, Илья Аркадьевич, а как мы это спишем? Как и раньше. Еще войнушка будет? Хорошо. Понял! Есть!

По окончании разговора Гута долго ходил по столовой, даже слышит Роза, как он тяжело, с одышкой, дышит, видимо, курит, вонь табака. Потом набрал телефон, рывкнул кого-то к себе, а сам, наверное, в тревоге повалился на диван так, что сверху тишина, теперь и Роза в подвале боится свободно вздохнуть, а тут, как назло, от всего услышанного горло сперло, хочется чихнуть; она обеими руками сжала до боли скулы, так и просидела, выдавив на лице синяки, пока не явился вызванный.

По голосу слышно — чеченец, явно не молодой. Вначале Гута говорил, точнее выговаривал его за нерасторопность, и даже выговорил за воровство и приписки. А потом стал говорить, точнее что-то объяснять полупешепотом, Роза не разберет. И вдруг Туаев закричал:

— При чем тут эти объекты?! Ты акты давай! Найми еще сотню людей, и днем и ночью пиши наряды и процентовки, нам объекты нужны.

— Так ведь сумма колоссальная! На эти деньги три Грозного отстроить можно, и еще нам в поколениях останется.

— Ты дурак! — еще злее рев Гуты. — Разве ты еще ничего не понял? Ничего более строить не надо! Не надо!

— А мы особо и не усердствуем, как ты велел.

— Замолкни! Не в стройках дело, акты сдачи давай!

— Гута, пощади. Ведь такое и на бумаге вывести нелегко, миллиарды за полгода освоить. Кто нам поверит? Как мы это спишем?

— Война все спишет.

— Что? — долгая пауза, и совсем иным, удрученным голосом. — Гута, что-то, а я в такие игры не играю, на крови деньги делать не буду.

— Чего? — едкий голос Гуты.

Роза слышит, как наверху завязалась какая-то возня.

— Убери свои срамные руки, — гневно крикнул пришелец. — Я тебе в отцы гожусь, как тебе не стыдно?

Слышно, как чьи-то шаги твердо направились к выходу.

— Стой! — команда Гуты, ей шаги повиновались. — Ты, наверное, забыл, — весьма язвительный тон, — что и ты и я на эту работу по доброй воле рвались, за нее, «кровавую», с конкурентами нещадно боролись, огромные взятки выложили, и признайся, уже немало заработали, или точнее, наворовали. Конечно, это копейки по сравнению с тем, что отхватили москвичи. Но в принципе, это ведь их деньги, из российского бюджета. Могли и это не дать.

— Эти деньги оплачены десятками тысяч безвинных жизней.

— Вот именно, — металлически жесткий голос Гуты. — И, если сейчас мы начнем с тобой рыпаться — до утра не доживем... ты это прекрасно знаешь. И знаешь, что президента России уже переизбрали — все, мажор миролюбия более не нужен. Нужна снова война, чтобы под шумок чужой драмы продолжить разграбление России.

— Как мы несчастны.

— Да, народ наш несчастен... и сам повинен в том, что поддался провокаторам. А впрочем, народ здесь бессилён, — тщательно проработанная глобальная операция, а мы, чеченцы, в силу исторического и географического менталитета, попали в эпицентр колорверти событий.

— Ужас!

— Да, для многих ужас. Но нам с тобой повезло: у кормушки сытнее, теплее. Так что иди, побыстрее заканчивай «восстановление» Грозного, а то скоро «войнушка» вновь начнется.

— Когда?

— Не знаю. Да, чувствую, скоро. Сам не видишь, как город наводнен боевиками, разъезжают открыто, всех впустили федералы.

— Дэла! Надо семью и родных вывезти побыстрее.

— Давно пора. Только особо не болтай. И, кстати, необходимо и своим, боевикам, помочь; все скидываются — кто как может.

— А если федералы узнают? Пособником боевиков назовут, расстреляют.

— Ныне не расстреляют. Этот негласный указ от них же и исходит.

— Что творится?!

— Ничего нового. Как издревле говорится: «разделяй и властвуй», а народ — быдло, ему хлеба и зрелищ. А чеченская война — ну, где лучшее зрелище устроишь?!

От невольно подслушанного Роза в шоке, в страхе; и боясь еще более кошмарное услышать, и от того не вытерпеть, закричать, она в ужасе прикрывала свои уши. Так и не поняла — то ли они вместе ушли, то ли Гута еще остался. Не смея шелохнуться, она окаменела в одной позе, от перенапряжения, оказалось, так и заснула. Неизвестно через какое время, но немалое, разбудил ее Туган:

— Эй, Роза, ты где? Вылезай, — негромко звал он ее в раскрытый люк. — Жива? Хе-хе, всю ночь о тебе думал, дрожал. Ведь Гута здесь ночевал.

Вся взъерошенная, помятая, еще более почерневшая от мрака подвала, насупленная Роза, прерывисто пыхтя, вылезла в столовую.

— Слава Богу, что ты не сунулась вверх, — неподдельный страх в глазах Тугана. — Кошмар что творится. Гута злой, любого готов загрызть.

— Съел бы он тебя, мир бы не оскудел, — съязвила она, и отряхивая подол платья, словно про себя. — Тряпка.

— Но-но, ты это о чем? — повысил голос одноклассник.

— Да так, о платье, — еле сдержалась она, и о другом, о более насущном. — Ты слышал, о чем Гута говорил?

— Нет, но догадываюсь.

— Война, вновь война будет, — будто он виноват, надвинулась Роза.

— Уже который год война, — горестно выдохнул Туган, и избегая ее взгляда, подошел к окну, слегка отодвинув занавеску, воровато выглядывая. — В этой

войне я ничего не могу понять: кто с кем, и кто против кого? — он сделал паузу, наверное что-то обдумывая. — У Гуты много денег и две длаи — вроде, служит федералам, Москве; и в то же время дружит с боевиками, по крайней мере, с чеченскими «генералами» в полном контакте. В общем, видимо, кого надо уластил, свои же выдали: брата Гуты своровал некто Бага Тумсоев, тоже вроде какой-то полевой командир. Знаешь такого? — он резко обернулся к ней.

Роза стойко выдержала его испытующий взгляд, и глядя исподлобья:

— За что ж меня мучаете? Хотя бы теперь отпустите.

— Хм, «отпустить», — он вновь выглянул в окно. — Я не знаю, как тебя вновь перевести в бункер, весь двор охранниками Гуты кишит.

— Зачем в бункер, лучше сразу в могилу.

— Замолчи, дура! — Туган подошел к ней, скривил в гримасе лицо. — Ты окончания не знаешь.

— «Окончания»? — екнуло ее сердце, моментально перехватило дыхание. — Говори, не мучь, и так тошно.

— В общем, с этим Багой на контакт Гута вышел, сто тысяч долларов предложил; а Бага жмотом оказался — ни в какую, полмиллиона требует.

— Врешь! Бага денег не ведает, и не знает что это такое.

— Ха-ха-ха! А клялась, что не знаешь.

— Во-первых, не клялась, — выпятила она грудь, подбоченилась в гневе, — а во-вторых, эти деньги Баге были нужны, чтобы выкупить у федералов своих раненых товарищей.

— Гм, ты смотри, даже это ты знаешь. Как вы были близки!

— Не издевайся, — ноздри вздулись у Розы. — Продолжай.

— Ну, — Туган вновь подошел к окну, — раз ты многое знаешь, то и о дальнейшем догадываешься, — он замолчал.

— Не догадываюсь. Говори!

— Если вкратце... Гуга инсценировал обмен. Брата вызволил, а вот Бага лихим парнем оказался, такой дерзкий, что, говорят в очередной раз ушел и скрылся, сама знаешь где.

— В подвале «Детского мира».

— Вот видишь, все ты знаешь, — ухмыльнулся Туган.

— А дальше что? — чуть ли не дрожит Роза.

— А дальше, не поверишь, сам переживаю, худо.

— Не томи! — почти срывается на плач ее голос.

— Рассказывают, что Бага был практически неуязвим в этом подвале. И так как не был в сговоре, а был настоящим бойцом, федералы не раз пытались его в этом логове уничтожить, даже газом морили. Не вышло... А Гуга знал, что отныне Бага злейший враг, и спуску не дал бы. Говорят, отчаянный был боец.

— Неужели? — простонала Роза.

— Да. Гуга хитрый и умный.

— Гуга подлый и коварный мерзавец, подлец!

— Не шуми! — обеспокоенный Туган вновь выглянул в окно.

А Роза уже вконец обессилела, не села, а буквально упала на диван, и печальным шепотом:

— Говори, что эта дрянь натворила?

— В этом доме над «Детским миром» жил...

— А-а! Мальчик?! — как ошпаренная вскочила Роза.

— Не шуми! Не шуми! — бросился к ней одноклассник, ладонью прикрывая ей рот.

— Все-все, не шумлю, — вырывалась она. — Что с ним? Говори!

— всегда найдется отщепенец, кто ничем, даже кровью собственного народа не побрезгует, лишь бы самому жить всласть...

Теперь Розе плевать на свою жизнь, тем более на судьбу одноклассника. Ей надо было давно Тугану по трусливой башке чем потяжелее дать — и бежать. Ведь что значит — жизнь драгоценного, дорогого Мальчика, и какой-то тряпки — Тугана Туаева, видать не зря его еще в школе Тугриком прозвали.

А во дворе сумятица, переполох, напоминающий хаос, панику отступающих. Пребывая в сомнениях, все мучительнее думает Роза: можно бы, воспользовавшись неразберихой, попытаться бежать. И, конечно же, риск велик, и тогда она Мальчику никак и никогда не поможет. Чтобы действовать наверняка, решила дожидаться ночи, а там любым способом вырваться отсюда.

С этой мыслью она двинулась на кухню. Словно ожидая такого поворота, Туган в доме ничего острого и колющего не оставил — одни тупые столовые приборы. Да это теперь не проблема, главное, она в принципе определилась и для нее отныне мораль одна — любым макаром добраться до раненого Мальчика.

Не торопясь, прилаживая к рукам, она уже прикидывала и выверяла орудие вызволения, среди которых главной стала ваза, такая же большая и округлая, ровно подлые головы Туаевых, как поймала себя на ощущении, что во дворе тихо, пусто, лишь предбуревой ветерок-вьюнок шалит, дорожной пылью играет.

Бросилась она к окну — и впрямь, словно языком всех слизало, только Гута посредине двора стоит по-прежнему, у уха телефон держит, а рядом в той же позе щенка застыл в готовности Туган, и более никого, даже машин нет.

— «Вот удача, вот момент», — только подумала Роза и в это же время нарастающий гул бронетехники со стороны улицы, так что клубы копоти хлынули во двор, даже она ощутила в ноздрях эту гарь. И вместе с этим во двор Гуты устремились здоровенные, до зубов вооруженные российские солдаты. Не понимая, что происходит, Роза так и застыла, будто вкопанная, у окна; и хотя ей казалось, что минуту ранее она готова была чуть ли не напасть и даже убить любого из Туаевых, то теперь лишь от окрика Тугана она испуганно встрепенулась.

— Роза, Роза, где ты? — и у одноклассника голос трепещет. — Лезь в подвал. Быстрее! Сюда едут важные, очень важные люди.

Вопреки своим помыслам, Роза с готовностью бросилась в подвал, и до того она боится федералов, что и там стала тщательно укрываться: легла плашмя на противно-холодный отторгающий бетонный пол, тщательно накрылась одеялом, а сверху как-то умудрилась еще положить банки с консервами.

— Проверить все, подвал и чердак. Под диванами и кроватями.

Когда открылся люк в подвал и заскрипела под тяжестью тела лестница, Роза чуть не вскричала, и наверное, не стерпев от страха сама чуть ли не вскочила, да хриплый голос ее опередил, спас:

— Тут порядок.

А она, истекая холодным слизким потом, еще долго так же, боясь дышать, лежала бы в своем укрытии, если бы не доклад сверху:

— Товарищ полковник, все в порядке, дом чист.

И новая команда:

— Подвал закрыть, всем покинуть здание... Снайперы на месте? Все на местах? Дать добро бортам!

Чуть не задохнувшись от пыли, боясь чихнуть, Роза осторожно вылезла из своего укрытия и в это

время новый гул, даже дом сотрясает — вертолеты зависли, чуточку удалились, видать приземлились на спортплощадке недалеко школы.

А в столовой новые шаги. Небось, полковник еще присутствует, догадывается Роза, от того Гута вежлив с Туганом, говорит лишь на русском языке. Слышно, как звенит раскладываемая на столе дорогая посуда. Следом занесли еду — аромат даже в подвал просочился.

— Так, — вновь, уже знакомый голос полковника, — надо проверить еду. А то отраву подсунете... Вначале вы, вы испробуйте. Не-не, не так много, все сожрите... А что, очень даже вкусно. А это что?.. Ох, какая сочная... Ну, ладно, хватит, ушли все... Идут!

Чуть позже Роза слышит над собой уверенную поступь грузных, важных людей. И наверняка она это не ощущает, да будто вместе с ними дом, и даже подвал наполнился духом благоухания, власти, успеха.

— Ну, как, Туаев, когда еще в доме чеченца такие персоны державы в гости?! — этот, хорошо поставленный баритон уж больно знаком Розе, но она не может его вспомнить, — хозяин помог.

— Проходите, садитесь, Илья Аркадьевич, — как слащав, как вежлив тон Гуты — еле узнать; зато теперь узнала Роза гостя: Столетов — министр Российской Федерации по восстановлению Чечни.

— Хорош стол, хорош, — это другой гость, и его своеобразный тембр не узнать тоже нельзя, каждый вечер по телевизору говорит, это он, то ли военный, то ли милиционер, силовым путем наводит в той же Чечне конституционный порядок. — Русская водка, кавказская кухня — чем не благодать.

— Гута, всех удали, — оказалось, главное здесь Столетов.

Роза слышит по чавканью, как началась обильная трапеза с частыми возлияниями. Во время еды гово-

рят в основном ни о чем, чаще держит слово Гута — объясняет рецепты и составы блюд, в целом врет — приукрашивает, хоть в этом патриот. А потом тяжело, очень сытно и грузно задышали, замолчали, будто перед рывком.

— Ну что, — голос Столетова, — пора перейти к делу, времени в обрез.

— Я дам команду — включить антипеленгаторы, — заботится силовик.

— Не надо, — важен Столетов. — У меня своя установка есть, — в столовой что-то щелкает. — С автономным питанием, супер вещь.

— Небось, ЦРУ тебе подарило? — едкий тембр силовика. — За какие такие заслуги, Илья Аркадьевич?

— Ну-ну, при чем тут ЦРУ? — наигранно шутив голос Столетова. — Ты еще массаж ко мне пришли. Хе-хе, служба, служба у нас такая, тяжелая — государственная, от всего беречься, хорониться приходится. Кругом предатели и изменники.

— Да-а, этого у нас обзавелось, — угрюмый тембр силовика. — Но по мне, для надежности, лучше и телевизор включить.

— Правильно, Гута, включи телевизор. И погромче, еще громче.

Теперь, действительно, Роза ничего не слышит. А чисто женское любопытство съедает ее, да и делать в подвале более нечего, вот и полезла она по лестнице до самого верха, чуть ли не вывернула шею, пытаясь приложить ухо к иссохшей щели в дощатом полу. У Гуты спутниковая телевизионная антенна, как назло, включили музыкальный канал, почти что на всю мощь динамиков. Наверняка, не только их, даже они себя не слышат, кричат. И в перерывах между мелодиями, когда ведущий с экрана что-то объявляет, их обрывистые реплики Роза различает. Все не охватить, понятно

одно — идет торг, грандиозный торг, и свидетельство тому пару раз прозвучавшие цифры, и такие — мурашки по коже; не то что Грозный, а полмира за них, наверное, обустроить можно... И тут как раз в перерыве меж мелодиями, доселе молчавший Гута голос подал, да не простой, истеричный, словно грабят его:

— Да нет, нет у меня таких денег!

— Я знаю, сколько у тебя есть, — тон Столетова стал металлическим, даже не узнать.

— Так мне и от этих надо откупаться.

— Гута, — нравоучителен и очень зол начальник Туаева, — это не балаган и не любимое твоё заведение — казино, а госслужба, где ты чиновник. И посему выбирай словечки, а лучше вовсе молчи, исполняя политические распоряжения руководства родной страны. Ни от кого ты не откупаешься, — просто «незримо» для нас финансируешь земляков, и это твой, скажем так, патриотический долг, никуда не денешься, ты ведь чеченец.

— Да я видеть не могу эти бородатые морды.

— Своих «видеть не может», — ехидный тембр силовика. — Тогда как на нас, русских, смотришь?

— Я, я, — замешкался, чуть ли не заикаться стал Туаев, и что он ответил, Роза уже не слышит — все заглушила музыка.

Потом кричать перестали, видимо, торг завершен; и не с молотка, а молотком замахнулись над Грозным, и так страшно, так безнадежно от этих слов, что никакое благоухание духов не погасит смрад, исходящий от этих трех сторговавшихся душ, так что, пытаясь отстраниться, даже под землю провалиться, подалась Роза вниз по лестнице, от надвигающейся тревоги не удержалась, полетела кубарем, упав навзничь, прислушалась — они ничего не слышат, под динамичный рев дешевой попсы обсуждают последние нюансы сделки,

и при чем тут Мальчик — сирота, бабушка — ветеран войны и инвалид, если вопросы геополитики, а значит глобального капитала решаются?..

Наконец телевизор выключили.

— Фу ты, чуть не оглох, — усталый тембр силовика. — Эта пошлая музыка — похлеще бомбежки.

— Так оно и есть, разлагает молодежь, — вновь степенный голос Столетова. — То ли классика... А, впрочем, неужели вам пришлось испытать ужас бомбежки? Разве что приказы об этом отдавать.

— Я солдат и выполняю приказ политического руководства страны. Как сейчас.

— «Сейчас» — не бескорыстно... Ну-ну, не будем по пустякам ссориться. Все мы, так сказать, подневольные солдаты.

— Только вот кому вы служите? — груб и, похоже, уже под хмельком тембр силовика.

— Служу, как и вы, России-матушке.

— А деньги-то американские?

— Ну, доллар во всем мире доллар, — и со смешком: — А если вы такой бравый патриот, можем с вами и рублями рассчитаться. Ха-ха-ха! Тогда вы станете не мультимиллионером, и не миллиардером, а, Боже, сколько нулей!

— Перестаньте, Илья Аркадьевич, — суровый тембр силовика. По движению стула и тяжелым шагам Роза догадывается, что военный встал.

— Что вы так встревожены? — не унывает Столетов. — Вы богатейший человек.

— Гута, оставь нас, — чисто воинская команда, и, видимо, подойдя к Столетову.

— Я никак не пойму: вроде вы, Илья Аркадьевич, не та мразь, что Россию распродает, я сверил по многим каналам, вы должны быть настоящим россиянином-патриотом, хотя и имеете замки за бугром...

— Бросьте! — небрежно перебил Столетов, судя по звукам сверху, тоже встал. — Что-то, как никогда ранее, мы сегодня вспоминаем «патриотизм», «родину», только что свершив грязную сделку.

— К тому я и веду, — в свою очередь повисил тон силовик. — Я-то человек военный и знаю, что война сыновей не родит, жертвы со всех сторон будут немалые, и в первую очередь пострадают мирные граждане... Да простит меня Бог, я исполняю приказ.

— Повторяю, не бескорыстно.

— Лучше так, чем олухом.

— Ничего себе «олух»! Подпольный олигарх!

— Оставьте! Я воевал, и думаю, заслужил жить не как вы, роскошно, но, по крайней мере, не хуже, чем этот паршивец Гута, разжившийся на горе своего народа.

— Хе, а чем мы лучше?

— В этом весь сказ. Поймите, Илья Аркадьевич, я-то солдат и исполняю негласный приказ. Но как вы, политическое руководство державы, могли пойти на этот шаг: ведь фактически Россия проигрывает какой-то Чечне!

— Вот теперь вы правы. Это действительно «шаг». И, как говорил сам Ленин, это шаг назад: — тактика, чтобы через некоторое время сделать не два, а даже четыре шага вперед.

— Что-то я недопонимаю.

— А что тут «недопонимать»? Это стратегия, все просчитано и подготовлено. И к чему вас только в академии учат? Ни пяди земли — ни врагу, ни друзьям. Россия разбогатеет, ну, и мы должны. Так что, не унывайте, дружище, без жертв побед не бывает!

— Да как же мне не унывать, ведь крайнего будут искать, со службы как пить дать, турнут.

— Ой, велика важность — служба! Да нас всех в отставку пошлют. И слава Богу, мы свое дельце славно провернули. Все нам завидуют, сам знаешь.

— Может, это и так. Но вы, Илья Аркадьевич, жутко грамотны и языкасты, и связи везде, по всему миру. А я отставной генерал, простой пенсионер. А я хочу еще на благо родины послужить, ведь еще не стар, всего долтинник.

— Ну, раз охота такая, можете губернатором стать, иль на худой конец депутатом.

— Подсобите, Илья Аркадьевич, по старой дружбе подсобите, а я в долгу не останусь.

— А тут долгов быть не может — деньги, как говорится, вперед: пятерочка — депутат, червончик — мэр, иль даже губернатор; все зависит от региона.

— Червончик? Это чего?

— Ну, конечно же, миллионов.

— Да вы что?

— А что? Ну и скупердяй! Ты не хочешь десятую долю выложить, чтоб занять иммунитет, почет и власть?

— Хочу!.. Только у меня еще один, последний вопрос. Вы ведь, Илья Аркадьевич, в Грозном родились, здесь выросли и учились.

— Ну, и что? — перебил его Столетов.

— Не жалко?

— Кого? Чего? Моего отца, отвоевавшего всю войну, которого от всего разжаловали и отослали сюда в ссылку, к дикарям.

— Какая ж это ссылка? Грозный — божья благодать, посмотрите в окно, все цветет и пахнет.

— Вот и оставайтесь в этой благодати. Только не забудьте оговоренный приказ отдать.

— Знаете что, уважаемый Илья Аркадьевич, сдается мне, что вы Грозному за что-то просто мстите.

— Да плевать я хотел на этот Грозный.

— Значит, и на Россию вы будете плевать, если уже не плюете.

— О-о-о! Какой пафос! Опять патриоты и лжепатриоты, — слышит Роза, как вдруг что-то на столе упало. — Хватит трепаться, вы сами только что все и вся предали и продали.

— А вы, господин Столетов, отчаянный человек, — тембр силовика стал угрожающим. — Не бойтесь. Как-никак Грозный, война, и кругом мой спецназ.

— Хе, не боюсь, дорогой, — перешел Столетов на «ты». — Командир, как ты выразился, твоего спецназа, полковник — наш человек... Кстати, не забудь сегодня же подать на него рапорт президенту — заслужил он генерала, твое место через неделю займет.

— А-а, — сорвался грубый тембр. — А если я не дам приказ?

— Ну, что ж... Вы сами только что сказали: «Грозный, война». Так что вспомните судьбу генерала Лобанова.

Чьи-то шаги твердо тронулись к выходу.

— Пойдите, пойдите, пожалуйста, Илья Аркадьевич... Я солдат и готов исполнить любой приказ без излишних вопросов.

— Вот и славно, совсем иное дело, — вновь красив и деликатен баритон Столетова. — А то столько болтали, и остались бы вы без шиша из-за какого-то Грозного, судьба которого уже без нас предрешена. Все мы солдаты!

— Илья Аркадьевич, давайте выпьем за нас, за солдат России, за нашу дружбу и верность.

— Вот это дело. А Грозный от нас никуда не денется. Так сказать — родина, и в паспорте это записано, я порой горжусь... Будем сюда идиотов ссылать.

Слышит Роза, как наливают, и не раз. И вдруг вопрос:

— Так ваш папаша тоже идиотом был?

— Гм. Напился, гад! — это Столетов тронулся к выходу. — В полночь отдашь приказ, не то... Эй, и как с ними служить, сами дадим.

— Простите, — и вправду тембр превратился в сплошное мычание. — Отдам, все отдам! Пусть забирают все, как прикажете. И Грозный, хоть всю Россию, а я богач, — здесь шум, что-то ударилось о пол, разбилось. — Тьфу! Плевать на всех. Тьфу, и на тебя, Столетов! Мразь! А я Россию не продал!.. Сравнию твой Грозный. Вот и все. Тогда и «гордись», грозненская падла.

В это же время над собой Роза услышала множество шагов, началась какая-то возня, вроде потасовки.

— Отставить, отставить, полковник, — заплетающийся, пыхтящий окрик силовика.

— Не полковник, а как и вы, уже генерал. О вас забочусь... Взяти! Понесли.

После этого — кажущаяся тишина, которую нарушил нарастающий гул: взлетел один вертолет, чуть погода второй; следом зарычала бронетехника, и тогда в подвале стало совсем тихо, даже страшно. Но это длилось совсем недолго; вновь в столовой шаги, да не прежние, — слух у Розы в силу обстоятельств уже обострился, ощущает она над собой не силу и важность, а робость и страх.

— Я здесь не останусь, — еле протестный лепет Тугана. — Забери меня с собой, у меня семья, дети.

— Да что ты заныл, что с тобой? — и голос Гуты не узнать, где прежняя резвость?

— Город сдают, здесь бойня будет.

— Все-таки подслушал, негодай.

— Ничего не подслушал, об этом все спецназовцы говорили, а бабки с базара и за месяц знают.

— Да что ты болтаешь, Туган? Я сам об этом только услышал, ошарашен.

— Врешь! Операция давно готова, город наводнен боевиками. А вы сейчас делили награбленное, и тебя обложили данью, вот ты и ошарашен.

— Хм, ты смотри как развязался твой язык.

— Война не только язык, но и пупок развяжет. Без меня ты никуда не уедешь. И сперва рассчитайся и со мной.

— Ах, вот в чем дело, еще один «грабитель».

— Я не грабитель, заработал.

— Не спорю, в этом ты прав, — весьма деликатен голос Гуты. — Сейчас получишь свое, — он уходит.

Роза уже давно знает Гуту и, невольно подслушивая сейчас, по этому вежливому тону подумывает, что бывший муж замыслил что-то неладное в отношении Тугана, может, даже вернется с оружием. Шаги вернулись, Роза напряглась, но ничего:

— На, возьми, — что-то увесистое бросилось на стол. — Это оклад и столько же премиальных, и еще столько же как любимому брату.

— Вот это да! Спасибо, Гута, спасибо, — едва прорезавшийся было голос Тугана вновь стал лебезящее услужливым. — Гута, Дела реза хуьлда хьуна¹. Дала беркат дойла бухадисиначух!² — и чуть погодя умоляюще-просяще. — Только ты меня здесь не оставляй. Я так боюсь бомбежки.

— О чем ты говоришь, — видимо, Гута ест, с набитым ртом. — Кстати, а где эта дура?

¹ Дела реза хуьлда хьуна — (чеченск.) — *Благослови тебя Бог.*

² Дала беркат дойла бухадисиначух — (чеченск.) — *Благослови Бог и твои доходы.*

— Кто? — даже находясь в подвале, Роза поняла, как испугался ее одноклассник.

— «Кто-кто», понятно кто.

— Роза? А-а, — замялся Туган, а Роза в подвале кулаки сжала, — там же.

— Еще не околела? Ладно, сейчас смотаюсь в центр, в контору, дельце есть. Скоро вернусь, разберусь с ней и вместе соскочим.

— Да-да, только ты не задерживайся, уже вечереет, — они вместе покинули столовую.

Роза слышала, как во дворе завывли моторы. И когда их шум угас, она решительно бросилась к лестнице с одной мыслью — бежать. Сходу пихнула люк, еще и еще сильнее — даже не шелохнулся. Она сразу запаниковала; руки устали и она пустила в ход плечи, стала бить головой — бесполезно.

Изрядно вспотев, устав, задыхаясь, она, наконец, догадалась посмотреть, что мешает. У стыка люка и пола хомутки; прежде этого не было, а теперь либо Туган, а скорее всего спецназовцы, что-то сунули вместо засова, — на вид большой гвоздь. Только сила может помочь. Поднатужилась Роза что было мочи, вверх не пошло, а лестница обломилась, полетела она кубарем. Это конец.

— Туган! Туган! — в истерике закричала она, что только ни делала, пыталась даже лестницу починить — бесполезно; самой отсюда не выбраться, а снаружи — давящая тишина.

В подвале всегда мрак, но удивительное дело, Роза в нем так обжилась, что каким-то дополнительным чутьем она уже примерно определяет, когда день, когда ночь, а когда день сменяется ночью. И как ни странно, помогают ей в этом две маленькие жабы, которые неизвестно как и когда сюда попали. Только к вечеру, из-за многочисленных банок вылезает вна-

чале жаба, что побольше, издает тихо, что-то типа «вэк-вэк», и следом появляется другая, поменьше; видимо, начинают охоту. И вроде в подвале нечем полакомиться, да оказывается есть, раз у Розы на ногах и руках волдыри от укусов.

— Вэк-вэк, — несколько раз повторила жаба; на улице точно поздние летние сумерки, спускается ранняя августовская ночь.

— «Может, пронесет. Может, пьяный базар. Неужели в полночь начнут бомбить?» — от бессилия еще мучительнее мысли Розы. — «Да нет, что они не люди? В городе полно и русских, и чеченцев. А дети и старики?.. Мальчик!?»

От этих мыслей ей еще хуже, и ничего она уже не может предпринять, уже сдалась в бессилии, даже не кричит, и плакать не может. А тишина такая, очень странная, жуткая, будто предсмертная, что слышно, как часы-куранты в самой дальней комнате каждый час отбивают. И ей осталось одно: она гадает, что часы пробили: девять или десять, а может одиннадцать, лучше восемь.

Не первый день, тем более час, она в заточении проводит. Однако, таких томительно-тягостных кошмарных минут она еще не переживала. Словно секундная стрелка, время неумолимо бьет в висках, и ей хочется не то чтобы остановить, а как-то избавиться от этого учащенного барабана, но сердце, хоть и зажато до невыносимой боли в тиски, все еще живет, бьется, рвется наружу, как молот, стучит по раскаленной наковальне ее черепа, выпираясь страданием в глазах и ушах так, что хочется орать, визжать, бежать... на помощь Мальчику-сироте... Но, увы!

— Тик-так! Тик-так! — вновь пробили часы.

В оцепенении она прислушалась: тишина. А сердце, как и время неугомонно — стучит бешено в висках.

И в таких невыносимых мучениях она еще два, может даже еще три раза слышала бой часов, и представляется ей, что уже и вторые петухи по окраине Грозного заголосили. И сама она не заметила, как забылась в глубоком сне, повалившись на отсыревшее одеяло: яростный взрыв и подземный толчок поставили ее на ноги. Ничего не соображая, крича, она бросилась наугад, до искр в глазах ударилась о бетон стены, повалилась, а в ушах стучит, и не как прежде, а еще быстрее, так, что простое человеческое сердце не может. И лишь маленько отлежавшись, после второго мощного взрыва, она, еще не веря в это, но все же поняла, что стреляют автоматы и пулеметы, и не здесь, а далеко, видать, в самом центре Грозного.

— Мальчик! Бабушка! — простонала она.

А стрельба все усиливается, все ближе, и со всех сторон. И как бы подбадривая ее, началась канонада. И она уже отчетливо слышит, как прямо над их домом летят ракеты: это по прямой из военной базы аэропорта бьют по центру Грозного, чтобы не воссоздать «Детский мир». А потом залетали самолеты и вертолеты — и началось во всю мощь и ненависть горнил.

И теперь не только центр, а весь город сотрясается. А Роза по подвалу мечется, не знает, в каком углу безопаснее: то там шарахнет, то здесь, и весь дом ходуном пошел, скрипит, стекла уже отзвенели, черепица стонет, балки трещат.

— «Всю жизнь Гута прав» — пронеслась черная мысль в сознании Розы. — «Видать, здесь и вправду околею».

Так она и лежала, свернувшись в клубочек, ощущая, что с каждым взрывом оседает на нее новый слой пыли и ожидая вот-вот рухнет на нее весь дом, как явственно услышала человеческий стон, крик и даже имя свое. Она вскочила, сама заорала.

— Роза, Роза, — теперь отчетлив голос Тугана, сквозь щели зарится фонарь. — Помоги, я ранен, кровь, помоги.

Они бессвязно, сквозь канонаду, стали друг другу кричать, что-то советовать. Туган очень долго не мог открыть люк, но до боли знакомый запах крови и смерти уже щедро орошал ее лицо.

— Лестницы нет, лестница сломалась! — пыталась она до него докричаться.

Он уже ослаб, плакал, из последних сил столкнул в подвал стул, потом второй, а руку помощи уже подать не смог. Роза несколько раз громоздила какие-то сооружения, голову высовывала, толкалась, но конструкция не выдерживала; она опрокидывалась, и сама о разбитую банку уже поранилась, но сдаваться нельзя: это и ее единственный путь спасения.

После многих попыток она все же выбралась: бросилась к однокласснику, хоть и темень, сразу же поняла — поздно! — задета главная артерия бедра, большая потеря крови, уже холодеют конечности.

— Потерпи, потерпи, сейчас, — она первым делом его же ремнем изо всех сил перевязала бедро выше раны. — Машина есть?

— Есть, — еле прохрипел одноклассник.

— А водитель? Я не умею водить! — закричала на него она, будто он в этом виноват.

— Спаси, спаси, — все шептал он, и вдруг полез в карман брюк, очень долго возился, и, наконец, достал две окровавленные пачки долларов.

— «Деньги Гуты», — пронеслось в ее голове. И себя, конечно же, она видеть не могла, но по молчаливой реакции Тугана поняла, что ее лицо — искаженный, быть может, злорадный оскал, и она на миг почему-то вспомнила Багу.

— Прошу, спаси, — Туган бессильно уронил пачки, и в ту же сторону упала его большая голова.

— Спасу, спасу, — заторопилась она. — Потерпи, я в больницу, пришлю скорую.

Только на улице она поняла, что творится. Прямо над головой блещут траектории ракет, все гремит, всюду стреляют, землю трясет. И не будь она с этим уже знакома — повалилась бы под ближайший куст сирени и рыдала бы до конца. А ныне нельзя: — Мальчик ждет, бабушка — калека.

Абсолютно не хоронясь, лишь поближе прижимаясь к теням заборов и зданий, она побежала в сторону центра. А летняя ночь, как никогда прекрасна! Нет духоты, свежо, пахнет перезревшей вишней и абрикосами. Мир полон звезд, ни облачка, и полная, сочная луна нависла над городом, словно освещает ей путь.

Добежав до Первомайской, она остановилась, и не для того, чтобы отдохнуть, а думая: в центре — дом — «Детский мир»; направо — больница. Нет, о Тугане она совсем не думает, о нем есть кому позаботиться — Туевых не счесть. А вот Мальчик, где же он? По последней информации ранен, в больнице. И она побежала в сторону «Северного» базарчика. А потом, не доходя до развилки «Дома печати», где особенно сильно стреляли, вновь свернула направо, бежала среди маленьких домов частного сектора и уже почти что вышла к родной больнице, уже под ноги не смотрела, а зрела на фоне неба темное, большое здание, как ей подножку подставили, на всем ходу она повалилась, очень больно ударилась, взвыла, и не одна пара цепких рук ее схватили, оттащили в сторону, во двор разбитого дома.

— Ба, так это же баба, — совсем молодой голос на чеченском.

— Отпустите меня, пожалуйста, отпустите, — она прорывается бежать.

— Да ты присядь, — силой дернули они ее вниз, сами сели на корточки рядом. — Ты куда несешься сломя голову, жить надоело.

— Мальчик мой в больнице, раненый. Я сама там работаю медсестрой.

— Что не слышишь, сдурела, кругом бойня, в больнице засел ОМОН... И как ты досюда добралась?

— Пустите, пустите, мой Мальчик там, раненый, — одно и то же повторяла она.

Ее долго отговаривали, обещали, что к утру штурмом больницу возьмут, иль ОМОН сам сдастся.

— Пустите, пустите, — все твердила она.

— Ладно, — сдались боевики, — что предписано — не миновать. Только дай нам хоть как-то помочь.

Они по рации связались со своими — попросили прекратить огонь.

Потом стали кричать по-русски:

— К вам идет женщина, медработник. Не стреляйте!

Они достали из аптечки бинты и, мотая через локоть, изготовили что-то вроде белого флажка.

Ничего не боясь, Роза стремглав ринулась к больнице и не околицей, как советовали, а напрямую — к центральному входу. Как ни стучала — не открыли, даже голоса не подали. Тогда, зная все досконально, она бросилась в сторону приемного отделения, там окна пониже к земле.

Сходу увидела разбитое окно, кулаком добила стекло, полезла, и только просунула голову, как сильные руки обхватили ее и потащили в глубь здания. Допрос был недолгий:

— Тьфу, ты откуда взялась? Да от нее могилой воняет.

— Я здесь работаю, я медсестра! — чуть ли не кричит она от радости, и ОМОНУ рада, она теперь в больнице.

Держа за локоть, ее вывели в темный, длинный коридор. Военные не ориентируются, ступают неуверенно.

— Куда нам? — стал резвым голос Розы.

— В сестринскую.

— Понятно, там темная комната. Пошли, — как опытный поводырь она быстро доставила конвоиров до охраняемой двери. В глаза вдарил свет керосинки и свечей:

— Роза! — закричали разом врачи, ее втолкнули.

В сестринской битком людей, даже сесть невозможно.

— Мальчик, где мой Мальчик? — с ходу выпалила Роза о своем.

— Мальчик? Какой мальчик?.. А-а, Мальчик. Так он уже несколько дней как сам убежал, на рассвете, не уследили.

— О-о! — схватилась Роза за грудь.

— Прости, прости. Здесь такое творилось. Не верили, хоть и знали о предстоящем, всех выписывали, столько тяжелых, сами попали. В чем наша вина? Ведь война!

А на рассвете их поодиночке стали выводить в коридор. Мужчин сцепляли наручниками, женщин хирургическими жгутами и так обвязали всех в цепочку.

— У меня Мальчик раненый, отпустите меня, — настойчиво повторяла Роза.

Военные даже не среагировали. А коллеги все вывернули в ее сторону головы: у всех мальчики и девочки. Никто не орал, не плакался, не дергался.

Их вывели из больницы кружком, сами военные в центре попрятались. И пошел гуськом этот живой круг по широкой улице, почти что тем же маршрутом, что ночью Роза бежала. Никто в них не стрелял, и из круга не стреляли.

Солнце уже было высоко, когда добрались до той же развилки у Первомайской. Направо — центр, «Детский мир». Налево — аэропорт, военная база. Как и ожидалось, направились налево.

Тут единственная из всех — Роза не выдержала, упала, закатила истерику.

— Отпустите ее, пожалуйста, — вступился главврач. — У нее особый случай, особый Мальчик.

— Молчать! У всех дома мальчики. Не встанешь — всех расстреляем, — к голове Розы приставили автомат.

Коллеги ее подняли, умоляли взять себя в руки. Больше она не пикнула, все шла, вывернув голову назад, и слезы, как и пот, текли с нее безудержно.

Без никаких ЧП они к обеду достигли базы. Всех медработников завели в здание типа каземата, заперли.

— Отпустите меня, отпустите меня в город, — билась в дверь Роза.

А в ответ:

— Вот дура, их спасли, а она в город, где убивают, еще рвется.

После этого трое суток с ними никто не общался, было не до них, шла спецоперация, Грозный — выводили («красное» сторно¹); прием — передачи; с баланса — на балласт...

¹ «Красное» сторно — бухгалтерская запись красными чернилами для исправления ошибок, и списания убытков от стихийных событий, надежда скота и пр.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

большому огорчению, случилось то, чего Мальчик в последнее время уж очень боялся, даже будучи дома, а тут в казенном доме, ну и что, что в больнице и он ранен, весь перебинтован, ведь он уже большой, а описался, какой стыд! Накануне, после операции, когда его только привезли из перевязочной, ему было очень больно, и он не мог не плакать, хотя возле него возилось много врачей и все говорили «Мальчик Розы — будьте внимательны», — а ему уже тогда хотелось домой, и он жалобно скулил, отвернувшись к стене, и, наверное, не только с его палаты, и даже с этажа, а пожалуй, из всей больницы к нему пришли и врачи и даже пациенты, и все со сладостями, с любовью, а ему от этого еще тягостней, привык он к уединению, к своей бабушке, к скрипке. И, может быть, к ночи ему стало бы еще невыносимее, но ему сделали укол, дали таблетки и он забылся во сне, а сон — это его радость, это время приятных грез, когда перед глазами не руины истребленного города, не разбитые проемы витрин «Детского мира», не оголенный балкон без перил, а иной мир, его и не передать

словами, только музыкой, и там есть все, в первую очередь — папа и мама...

Но сегодня был не сон, а кошмар, по нему со всех сторон стреляли, давили, и кровь, всюду кровь, и он в ней лежит, ею дышит, ее, задыхаясь, пьет... и как много ее оказалось в небольшом Баге, что еще долго ее смывали и до, и во время, и после операции. И эта кровь Баги оказалась такой же, как и его кровь, он тоже истекал, да врачи спасли. И кажется Мальчику, что от переживаний последнего дня он явно стал взрослей, и тому знак, теперь он озабочен одиночеством бабушки... и описался.

Он сел на кровати, боли почти нет, лишь чувствует тугую перевязку на ноге. За большими раскрытыми окнами уже светло, оттуда веет свежестью и прохладой. А в палате тесно поставлены кровати, запах лекарств, пота, подпорченной еды и прочего. Кто-то храпит, кто-то сопит, кто-то стонет.

Осмотрелся Мальчик; его сорочка и шортики выстираны, чуть еще влажные, висят у изголовья, а под кроватью сандалии. Когда он стал одеваться, появилась боль в раненой ноге, он невольно крикнул.

— Ты что, Мальчик? — открыл глаза рядом лежащий тяжелый больной.

— В туалет хочу.

— Под кроватью утка и горшок.

— А где туалет?

— Туалет на улице, во дворе, за корпусом. В здании-то нет воды, и канализации во всем городе нет.

Почувствовав, что смущает Мальчика, мужчина, тяжело сопя, перевернулся на другой бок. Стоять, а тем более ходить, было Мальчику нелегко, рана чуть выше колена. Но он бодро доковылял до двери, и для себя бы никогда не вернулся, да дома его ждет голод-

ная бабушка — ныне он единственный кормилец. Пришлось вернуться к своей тумбочке, заваленной приподнесенной ему едой. Выбирая, он набрал почти что полный пакет провизии, отчужденно еще раз оглядел палату и почему-то вспомнил не детский дом, а первый свой казенный дом — лазарет в Моздоке — и красивую медсестру.

Осторожно ступая, он вышел в коридор. Здесь — по обеим сторонам в ряд кровати с пациентами, больные лежат даже на полу. Он пошел по коридору, в углублении за столом спит медсестра, на шорох подняла голову:

— Ты куда, Мальчик?

— Во двор, в туалет.

— А пакет зачем?

— Еда... собачкам.

В этой больнице вместе с Розой Мальчик бывал не раз, поэтому дорогу домой он хорошо знал. Вначале идти было тяжело, нога ныла. Потом бинт обагрился, потекла капелькой кровь, но немного, у щиколотки застыла. Но это все не сказывалось на его настроении — он шел домой, там скрипка, бабушка и, может быть, Роза.

Город еще не ожил; стайкой пробежались собаки, увидев его застыли; сытые — убежали. Так это на земле, еще господствует ночь, а в небе уже стайками носятся голуби, всюду неугомонно чирикают воробьи, где-то каркает ворона, а когда он подходил к дому и солнце над Сунжей взошло, и даже родные ласточки прилетели его встречать, прямо закружились в танцах над его головой.

Не желая вспоминать предыдущее, он живо заскочил в подъезд, и первая тревога — дверь не заперта; боясь вздохнуть, он боязно вступил в коридор, и тут — радость всей земли:

— Мальчик, это ты?

— Бабушка! — он бросился к ней, впился в грудь, опрокидывая ее к подушке, и окунулся в этот несказанный, любящий его запах, и ее костлявая рука, пройдясь по кудряшкам из последних сил, прижала его голову к себе. — Бабушка, бабушка, ты знаешь, что вчера случилось? — он пытался сдержать слезы, но они у обоих щедро текли.

— Знаю, кое-что знаю, кое о чем догадываюсь, — рукой она отстранила от себя Мальчика и вглядывалась в него. — Почему ты теперь прячешь свой взгляд? Ты ведь всегда смотрел людям открыто в глаза.

— Бабушка, мне страшно, я людей боюсь, они друг друга убивают.

— Не бойся, Мальчик. Человек — божья тварь. И от степени бытия злобен или добр. Но ты всегда верь людям, и будь всегда добр. Тебе Бог дал волшебный дар — это дар музыки. А музыка — это всегда добро; ты будешь славен, но нам надо учиться и работать, несмотря ни на что, и тогда будет жизнь, счастье, искусство.

— Вы так говорите, а плачете.

— Я плачу от счастья.

— В чем же сейчас ваше счастье?

— Мой золотой Мальчик, знаешь, я прожила долгую, совсем не радостную жизнь. Моя мать была женщиной своенравной, чересчур набожной, она буквально силой пыталась заставить меня верить в Бога. Я верила и не верила. Потому что жила и выросла при коммунизме, при атеистах и язычниках. К тому же я ведь была ученой, а как ученой не верить в теорию Дарвина, и не считать, что некоторые люди действительно произошли от обезьяны, тем более видя злобу войны... Вот двойкость — веры и не веры, наверное, определила мою судьбу. И

лишь с годами, изрядно одряхлев, постарев, обессилен и воочию подходя ко грани смерти, которую я сейчас не боюсь, лишь бы появилась Роза, я окончательно определилась в вере, и, надеюсь, под конец жизни Бог за это благосклонен стал ко мне, ибо послал он мне напоследок огромное счастье — это ты, мой золотой Мальчик.

— Не говорите так, бабушка, мы еще будет жить.

— Конечно, будем, — она беззубо улыбнулась. — Я так счастлива! Я всю ночь молилась — и на рассвете появился ты, — она вновь жалостно заныла. — Знаешь, я готова была прожить еще десять таких безрадостных жизней — ради этой одной минуты новой встречи с тобой. Я так боялась больше тебя не увидеть, так боялась уйти без тебя.

— Не говорите так, бабушка, не говорите!

— Больше не скажу, — ее большая блеклая костлявая рука с выпуклыми прожилками прошлась сверху вниз по морщинистому, уже посеревшему нездоровому лицу, словно сменяя маску, она попыталась вновь стать строгим педагогом, воспитателем. — Будем жить, — твердо сказала она, и чуть погодя, потише, — хотя бы пока Роза не придет, а она не сегодня-завтра точно объявится, я в это верю, буду молиться. А теперь жить, работать, учиться.

Как и ранее, Мальчик с утра ходил на речку за водой. Бабушка уже не поднималась, левая рука совсем неподвижна, но она изо всех сил пытается выглядеть бодро, даже шутит и ласкает Мальчика, пока он умывает ее — утренний туалет. А потом завтрак — бабушка не ест, и как она его когда-то упрашивала, теперь так же и он ее уговаривает. А далее все по порядку: репетиция, новые этюды, повторения, и бабушка как всегда требовательна и строга:

— Пойми, мы с трудом избавили твой голос от картавости; так же надо и в музыке — никаких вольностей, строго по нотам.

— Но это импровизация.

— Никаких импровизаций. Импровизации хороши на концертах, и когда станешь виртуозом, лет в пятьдесят. А сейчас — четко и правильно; ты исполняешь произведение великих композиторов. Самовольство в учении — тягость в жизни. Повторим, все сначала. Не ленись.

Так они прожили еще три дня. Каждый вечер бабушка совсем ослабевала, сникала, украдкой плакала. Не зная, как ее еще поддержать, Мальчик тогда предлагал:

— Давайте я что-нибудь веселое сыграю.

— Сыграй, сыграй, золотой, лезгинку, да так, как только ты умеешь, быть может, Роза услышит, вернется... как я тебя одного брошу?

Мальчик снова брал в руки скрипку — по жизни единственно радостную игрушку, а теперь и вовсе отдушину, но лезгинка не шла, не получалось, и импровизация не помогала, что-то грустно, печально, не идет, и бабушка все хиреет и хиреет, и сам он скрывает, а раненая нога еще больше болит, гноится, а еще хуже — голоден он, и нечем кормить бабушку, и что бы бабушка ни говорила, как ни уговаривала и ни страшила, завтра утром он пойдет вначале в больницу, на перевязку, заодно возьмет лекарства для бабушки, а потом на базар — там его уже все знают, многие помогают, тоже сыном и внуком зовут.

Но это будет только утром, а сейчас надвигается ночь. И что за жизнь в последнее время наступает; раньше он ночи любил, даже ждал, а теперь тоска, уныние, боль и страх.

Как и раньше, нырнул он в постель бабушки, под здоровую правую руку прилег. А бабушка, как и рань-

ше, сказку ему стала рассказывать, о добре и зле, о людях и зверях, и все, как в сказке, хорошо заканчивается.

— А почему в жизни не так, мало что добром заканчивается? — обиженно прошептал Мальчик.

— Почему не так? Я тебя встретила — разве не добро?

— А вот куда шарик улетел, я так и не понял.

— Хе-хе, — странно усмехнулась бабушка. — А что это ты вдруг снова о шарике вспомнил?

— Мне кажется, он меня манит, зовет... Так куда ж он улетел?

— Если по науке, как говорят материалисты-атеисты, то где-то в верхних слоях атмосферы охладился, там вечный холод, наверняка разорвался, и лохмотью где-то на землю обратно упал, ибо, как ученые утверждают, земля — наша колыбель, в нее мы прахом и возвращаемся.

— Красивый шарик лохмотью стал, прахом возвратился? — еще более удивлен Мальчик.

— Так это безбожие. А я верю в иное... Не только дела, а главное — мысли постоянно излучает каждый человек. И если эти мысли, и, конечно же, дела злые, противные Божьей воле и человечеству, словом — не гуманные, то они оседают в нашу грешную землю, где в центре, неведомо нам, все горит, там раскаленная магма, жар в которой поддерживают наши пороки, там ад и туда попадают грешники, и порой, когда их уж больно много собирается, землю начинает распирать — оттого землетрясения, смерчи, вулканы.

— А война — это тоже ад? — испуган Мальчик.

— Война — это взаимное непонимание, когда люди начинают говорить на разных языках, не слушают друг друга, и каждый считает себя важнее, честнее,

правее... А в жизни, у сильного всегда бессильный виноват.

— Бабушка, как же мы слабы и несчастны!

— Дорогой, ты не совсем прав. Мы с тобой учимся, трудимся, значит, сеем только добро, — она тяжело вздохнула. — А счастье твое еще далеко впереди. А я, повторяю, очень счастлива. И если бы объявилась наша Роза, другого конца я бы и не хотела.

Они умолкли, в унисон дышали; наверное, каждый думал о своем, Мальчик о том же:

— Бабушка, а если бы мой шарик, как вы говорите, превратился в «лохмоть» и упал, то я бы его нашел бы где-то рядом.

— По науке это легко объяснить. Это физика, незыблемые законы природы, которые люди пытаются понять, и, постигая их, строят на земле цивилизацию.

— Ничего не строят, обещали скоро «Детский мир» — где? — возмущен Мальчик. — И красивый шарик не мог вернуться сюда; здесь стреляют, убивают, врут!.. Теперь и я не хочу здесь быть, здесь зло, война. А я играю лишь тоску, печаль, а на веселое — вы сами видите даже смычок не идет, а принуждаю — ересь, вы сами это слышите.

— Успокойся, успокойся, золотой. Видишь, ты сердисься. А это нельзя. Давай, я лучше тебе про шарик расскажу.

— Опять сказку?

— Ну, сказку не сказку, а я в это верю, и в последнее время этим живу. Ведь сердиться, думать плохо, а тем более поступать плохо — грех. Надо всегда иметь хорошее настроение, искать повод веселиться, и думать, и делать только добро. Ибо добрые мысли со скоростью большей, чем скорость света, улетают в бесконечную Вселенную, и в зависимости

от исходных характеристик попадают на ту или иную звезду, что мы видим на небе: там есть рай. Потому мы, люди, любим бесконечно долго любоваться звездным небом, выискивая свою звезду, где мы определяем свое будущее, в зависимости от творений на земле.

— А при чем тут мой шарик?

— А твой шарик полетел как раз к той звезде, где твой папа и мама, чтобы передать от тебя привет.

— А помните, а помните, — голос Мальчика стал более живым, — по телевизору показывали огромный надувной шар. Вот бы нам такой.

— А это зачем?

— И мы бы полетели к папе и маме.

— Ну-ну, давай спать, поздно уже, — как бы убаюкивая, она похлопала его здоровой рукой по спине, и то ли всхлипнув, то ли еще как, издав протяжный свист. — Я бревно, хуже бревна. Все! А ты завтра с утра возьмешь скрипку, свою справку — и в больницу, прямо к главврачу, он хороший человек, позаботится о тебе.

— В больницу пойду, уже решил. А насчет «бревна» — вы зря, — совсем не детским баском твердо выдал Мальчик.

— Не по годам повзрослел, — совсем ослаб голос бабушки. — Спи, все будет хорошо.

Мальчик повозился, поворочался, долго не мог найти места для своей больной ноги; уже мерно дыша, засыпая, как и прежде беззаботно, закинул ее на неподвижные бабушкины ноги, засопел, изредка стеная. А бабушка совсем не спала, не плакала, и не молилась, как прежние ночи. Она встревожено чего-то ожидала, и не своей смерти, о которой она совсем не думала. А думала совсем о другом: о тихой летней ночи, о звездах, о незавешенном балконе, чего она

теперь никак сделать не сможет, и о взошедшей полной луне, ядовито-яркий свет которой уже прибил к противоположной стене, уже сполз на пол, и прямо, явно, осязаемо ползет прямо к их кровати. И вот, лишь краешек, лишь радужная черта, лишь чуточку коснулась головки Мальчика, а он, доселе почти что стонущий во сне, вдруг улыбнулся, потянулся, и как залился задорным, веселым смехом. Зная к чему это может привести, бабушка изо всех сил схватила единственной рукой Мальчика, прижала к себе, прилипла:

— Боженька, спаси, помилуй, не забирай, — холодный пот и слезы щедро источались из ее тощего, жалкого тела. — Прошу, прошу! — взмолилась она, видя как все смеясь, Мальчик дернулся, и, свободно убрав ее хилую руку, стал вставать. — Прошу, умоляю! Не раньше меня! — срывая голос, завизжала она, и тут раздался бешеный взрыв.

Мальчик уже стоял, он вскрикнул, вздернул руки и упал.

— Иди ко мне, ко мне, — пыталась кричать бабушка, протягивая ему руку, но это был жалкий стон, который померк в истерике начавшейся канонады. А следом автоматные и пулеметные очереди, и бой совсем близко, даже слышно, как раненые на блок-посту орут.

Здесь бой был недолгий; ослабевав, он куда-то удалился, растворился по городу, и казалось, что всюду стреляют, весь город бомбят. А потом над городом закружилась авиация, и это самое страшное, затряслась кровать. Бабушка и Мальчик обнялись, слились воедино, словно напоследок. И прямо возле их дома упала бомба, был сокрушительный удар, просто чудом они удержались на кровати. А потом, уже под самое утро, то ли подустали, то ли отвоевались, и все вrede

улеглось, так, кое-где еще изредка стреляли автоматы. А когда солнце взошло, наступила совсем странная, обманчивая тишина, и лишь писк, уж больно жалобный писк со стороны балкона.

Бабушка спала, сопя открытым ртом. Мальчик встал, осторожно подошел к открытому проему. Над городом черные клубы, горят остатки домов; и так город был в руинах, а теперь почти что сровняли. Не желая на это смотреть, он опустил взгляд: под ногами разбитое ласточкино гнездо, мелкий пушок, который почему-то не снесло, и маленький птенчик; такой жалкий, красивый, слабый; на весь город кричит, зовет улетевших в страхе родителей.

— Ну, ты мой маленький, несчастный, — Мальчик было потянулся к птенцу, а тот испугался, защebetал, прыгнул к краешку, а там неумело полетел, плюхнулся прямо под изуродованную крону каштана.

Побаиваясь открыто выйти на балкон, Мальчик украдкой наблюдал, как жалок на земле птенец, и почему-то его судьба ему показалась сходной со своей. Больше не думая, он побежал к выходу, и, видимо, открывая дверь, разбудил бабушку.

— Ты куда? — еле слышно прошептала она.

Прихрамывая, он уже выбежал из подъезда, и преодолел половину полумрака арки, как удивленно встал; прислонившись к стене, сидит на корточках совсем молодой парнишка, лишь взрослит его борода, меж колен автомат; вроде дремлет. Поглядел на него Мальчик, побежал к цели, даже не думая о войне. И уже успел взять птенца, как застрочил откуда-то автомат, кругом свист, он спрятался за ствол, закричал с испугу.

И в это время из-под арки встречный огонь. Мальчик даже не понял, как его оторвали от земли, и вновь он оказался под аркой.

— Ты что, сдурел? Под пули лезешь! — грубо трянул его обросший парнишка.

— Птенца спасал, — представил Мальчик руку виновато улыбнулся.

— Хм, придурок. Вот так на днях мой друг здесь пацана спасал — в засаде убили.

— Это Бага меня спасал, — чуть погодя вяло произнес Мальчик.

— Тебя? Так это ты музыкант? — в полумраке блеснули его глаза. — С русской бабкой живешь? То-то от тебя лишь беды. Знал бы, не спасал бы.

— А я не просил, — одернул его руку Мальчик, заковылял домой.

— Стой! — крикнул бородатый. Мальчик даже не обернулся. — Стой, я тебе говорю, — в два прыжка он его догнал. — У тебя ведь кровь из-под бинта сочится... А ну, пошли, — более мягко его тон. — Со стороны двора поспокойнее, здесь я хозяин, город взяли.

Они забежали в соседний подъезд, где в подвале прятался Бага. Раньше не было, а теперь, еще не повесили, а прислонили вывеску — «администрация дуки-юрт».

— А в слове «администрация», — не удержался Мальчик, — ошибка. И почему — юрт, село, это ведь город.

— Ты шибко грамотен, закрой рот.

В самом подвале было темно, и они вернулись в подъезд.

— О-о! Ну, ты даешь! — заботился бородатый. — Так можно ногу потерять.

— Главное, не руку, — попытался пошутить Мальчик, — я музыкантом хочу стать.

— Чего? Ты брось это безбожное дело неверных. Настоящий мужчина должен уметь держать автомат и регулярно молиться. Понял?

— Ага, — кивнул Мальчик, и вновь не удержался.
— А хлебушек у тебя есть? Мы уже два дня голодаем.

— Хлеба нет, — бородач полез в карман. — А вот, лишь шоколадка. Хе-хе, только сейчас съешь, а христианка обойдется.

— Тогда сам ешь, — кинул на ступеньки Мальчик шоколад.

— Ну, ладно, ладно, пошутил. Возьми... Пошли, — заслоняя собой, бородач проводил его до подъезда, и прощаясь: — Смотри, день-два не высовывайся и на балалайке не бренчи — позор, нам не к лицу.

Последнее Мальчик уже не слышал, он бежал домой.

— Бабушка, бабушка, я вернулся, ласточку спас.

Крупными бороздами слезы текли из ее глаз, она чуть-чуть подняла руку, и уже с превеликим трудом, еле различимо:

— Стреляли... Ты опять доставил мне счастье, вернулся, — она одним ртом улыбнулась. — Больше не уходи... Умоляю... Я скоро, потерпи.

— Бабушка, ты опять за свое, — артистизм и наигранность демонстрирует Мальчик. — Ты омрачаешь радость нашей встречи, — как только он умел, глянул он в ее глаза, в них еще жизнь, хоть и поблекли, но блестят, лишь по краям белков густая желчь приливает.

— А у нас шоколадка, — изо всех сил не унывает он. — Сейчас птенчика на балконе определим, к нему ласточки вернутся, и мы потрапезничаем. Ведь война кончилась, тишина, а если честно, нам не привыкать, и я очень верю, что сегодня вернется Роза.

И действительно, утро этого дня было, как ни странно, тихое, теплое, солнечное; и если бы не дым и пожары над городом, то можно было считать: ничего не случилось, постреляли — дело обычное...

А они поделили шоколадку пополам, посмаковали, чавкая. И бабушка не сдается:

— Давай, что время терять, продолжим занятие.

Но игра не ладилась, и отчего-то именно сегодня захотелось ему опять лезгинку сыграть, и словно этого только ждали, с первыми звуками, как по призыву,

началась канонада, и город затрясся похлещи, чем ночью. А он почему-то не вздрогнул, не перестал, наоборот, на балкон вышел, и злость и решимость появились в движениях его рук, и по мере игры, совсем взрослая нервная гримаса исказила лицо, как никогда, до пота и боли играл. Обессилен, упал на колени... не смог, не смог он бомбежку переиграть, никто не хочет его слушать, в Грозном нет людей, есть враждующие стороны, и среди них слабый стон:

— Вернись, Мальчик, вернись. Хоть напоследок не мучь меня.

А утренняя канонада оказалась лишь слабой прелюдией. Позже такое началось, что дом затрясло, стены заходили, бабушка стала выть, и сам Мальчик в ужасе; бросился он к бабушке, укрыл ее собой, сам ревет, дрожит. И в это время что-то страшное, тяжелое, мощное угодило прямо в крышу их дома, там обломилась верхние балконы, ударились об их балкон, и такой скрежет, хруст, пыль, гарь, что ничего не видно, дышать нечем.

Так в обнимку, замочив слезами подушку, дыша ноздря в ноздю, они пролежали очень долго, пока не закончилась канонада, а потом над городом авиация, еще страшней, и только к вечеру стало чуть тише, только кое-где еще слышны автоматные очереди.

— Бабушка, не уходи, — чистил тряпочкой он ее лицо.

Она уже не говорила, только медленно, как рыба на песке, еле-еле открывала рот, чуточку двигала пальцами, и лишь глаза, эти вконец поблекшие глаза, еще жили, еще искали его.

— Тебе больно? — как тосклив голос Мальчика.

Она повела зрачками.

— Чем тебе помочь? — то же самое. — Хочешь, я на скрипке сыграю!

Она надолго прикрыла глаза.

— Что сыграть? — склонился он над ней, так что его слеза оросила бабушкино лицо. — Понял. Нашу — «Новый Детский мир»!

Она вновь прикрыла глаза, и ему показалось, даже улыбнулась.

Он играл старательно, по нотам, и уже заканчивал, как неизвестно откуда появился прямо перед ним местный «администратор», весь чумазый, как и Мальчик в пыли, злой, лишь белки блестят.

— Я ведь сказал тебе, больше не играй, — он выхватил скрипку. — Никогда из тебя не вырастет мужчина. Я с твоих лет автомат ношу, еще раньше молиться начал. А ты? Как собираешься родину защищать, как бороться с неверными?

— А Бага любил мою игру, и даже настаивал, чтобы я играл, — как можно ласковее голос Мальчика, он потянулся к скрипке.

Тот руку небрежно отвел:

— Бага был дурак, потому из-за тебя, ублюдка, и помер.

— Сам ты ублюдок, — вскипел Мальчик. — Отдай инструмент.

Завязалась короткая стычка, Мальчик полетел под кровать, бросился вновь, и тогда получил удар. Поплыли круги перед глазами, и вдруг, что он видит, бабушка голову приподняла и еле слышно:

— Не смей!

— Чего? Ты еще жива? — замахнулся скрипкой, угрожая ей.

— Не-е-ет! — завизжал Мальчик.

Бабушку он пожалел, пострадала спинка кровати; еще долго звучали раскуроченные струны на полу. Вновь поднимая пыль, хлопнула за ним входная дверь.

— Бабушка, бабушка, — бросился Мальчик к кровати.

Ее глаза его более не искали, устремились в потолок, остекленели.

Это выражение он уже давно познал.

— Ты улетаешь?.. К ним? Передай привет.

На закате в городе установилась сказочная тишина. Он подошел к разбитому проему балкона. В лучах заходящего солнца его почерневшее от пыли и гари лицо, со светлыми каналами от глаз, казалось не столько повзрослевшим, сколько старым, — даже мешки под глазами. А в самих глазах уже застывшая, недетская печаль, застоялая скорбь и тоска.

Словно прощаясь, он глянул на этот мир. Над Сунжей и над городом плотно стелется смог, а над ним, далеко на юге, кроваво-яркий отблеск величавых кавказских гор, а еще выше, совсем чистое, голубое бесконечное небо. И что он видит, иль кажется ему, — красный шарик в выси завис... Улетает.

А когда в комнате стало заметно темнеть, он боязливо посмел накрыть кровать одеялом. Больше видеть не мог, сел на полу, пытаясь починить скрипку. Он, как никогда ранее, хотел играть хорошую музыку, чтобы слышала она, слышал шарик, слышал весь мир. И вроде какое-то подобие инструмента он собрал, и даже смычком повел — какой ужас, какая фальшь, как рассказанная ему сказка, как этот мир!

Разочаровавшись во всем, так он долго сидел, так он и заснул с наступлением ночи, положив голову на скрипку. И не зря он ночи любил. Появилась сочная, спелая луна; заглянула с задором в расширившееся окно, погладила вначале убаюкивающим светом кровать, затем спустилась на пол, приласка-

ла Мальчика. Он потянулся славно на полу, как от щекотки дернулся, улыбнулся, а потом залился счастливым, детским смехом, встал и скрипку взял, и веселым голосом:

— «Детский мир» — там, и бабушка — там?! Я лечу!
— он вприпрыжку, радостно бросился к окну, и над мертвым Грозным пронеслось звонкое, чистое, выстраданное — я-я-я !!!

Эпилог

Литература порой дело весьма не благодарное, ибо зачастую, в чисто нравственных целях, приходится писать о таких, как Столетов, Туаев и иже с ними. И не надо искать прототипы, имена нарицательны, к сожалению, столько их развелось, — не счесть... А если предметно, то недавно я встретил Гуту Туаева на каком-то увеселительном мероприятии в Москве. Чуть ли не в очередь встал, чтобы приветствовать важную личность. Правда, руки не подал, да и никто ему руки не подает — у нас за честь ныне обняться положено. Хотя раньше мой дед говорил, что мужчина с мужчиной, если они равны и уважают друг друга, обязаны, как во всем мире принято, руку подать. А нельзя руки подавать, и надо уважительно обнять почтенного старца, чтобы не заметил он, как ослабла его рука. То же самое с юношей. С женщиной. Нельзя руки подавать сватам — не ровня, должны знать свое место. И еще — нельзя подавать руки совсем близким родственникам, с кем уж в кровном родстве.

Теперь все мы в близком родстве. Как положено, улыбнувшись, попал я в желанные объятия Гуты Туаева. А Гута вальяжен, надменен; устал, бок намят желанными обнимателями. И хоть Гута значительно старше меня

— ни морщинки, ни сединки; моложав, холен, свеж лицом, упитан телом. И если честно, я очень рад его видеть; как и все, по крайней мере, внешне, очень с ним мил и любезен. А то ведь Гуту теперь просто так не увидишь, то в Америке, то в Европе, а то и вовсе на далеких островах обитает, то ли отдыхает, то ли живет, а, впрочем, что ему не жить, — не завидую, но денег, говорят, у него немерено, так что зачем бы ему еще работать?

Однако он работает, и не просто так, а во благо, вновь восстанавливает Грозный после второй военной кампании. Правда, сам он в Грозном давно не бывал, я специально уточнил, с тех самых пор. И не чиновник он, как прежде, даже имя его ныне нигде не фигурирует, лишь в подставных фирмах, для которых он, благодаря щедрым взяткам и «откатам», «выиграл» так называемые федеральные конкурсные тендеры «по восстановлению экономики и социальной сферы Чеченской Республики». Bravo!

Ну а я, хотя и не лучше других, все же имел какой-то интерес к Гуте. Гута личность известная, чуть ли не легендарная, и я, как и многие, знаю, женился он в очередной раз на совсем юной девчонке, кстати, моей односельчанке, может, и по любви. Но я будто этого не знал, прикинулся дурачком, и справился о жене, Розе, мол, я с ее братом когда-то учился.

Скривилось лицо Гуты, словно укол в пятку. Посмотрел он на меня; удивительно, что не укусил, ничего не сказав, лишь презренно оглядев с ног до головы, горделиво удалился. Иного я и не ожидал, зато уверился в очередной раз, что героиня моего повествования действительно жива. И признаюсь честно, я ее и до этого немало искал. И как найти, фамилию — не знаю, имя — тоже не по документам, в больнице с тех пор она не работает. Да к тому же в самой Чечне тот же бардак, вновь война и прочее. Словом, я Розу не нашел, и уже было разуверился во всем; правда, Мальчика не забыл,

и не забывал никогда. И хотел о нем написать, а иных возможностей нет, ни «Детский мир», ни тем более Грозный отстроить — я не могу — слаб. И не зная, с чего начать, я уже немало бумаги исписал, да все не о том, не о Мальчике; не могу, боюсь... А тут как-то прилетел в аэропорт Слепцовская (был такой генерал, покоритель Кавказа), и меня встречают; а какой-то таксист уж очень мне любезно улыбается, такой настырный, свои услуги просто навязывает. Я от него еле отмахнулся, и лишь поздно ночью, уже будучи в родном селе, работая над материалом данной книги, вновь вспомнив Мальчика, я точно осознал то, что этот таксист мне крикнул вдогонку:

— Когда от Мальчика увозил, ты еще не был писателем.

А я сразу не понял, думал это он обо мне, ведь я тоже по жизни имя Мальчика ношу. И если честно, я этого таксиста особо не искал. Однако случай, хотя я в случайности не верю, свел меня с ним вновь, это была судьба.

Я уже работал, точнее мучился, пытаясь что-то о Мальчике написать; и желание есть, и вынашивал я идею давно, да ничего не идет, не получается, исходного материала нет, а как о таком с потолка писать.

И вот ехал я как-то поездом из Туапсе. Как раз лето, начало августа. На рассвете я должен был выйти в Беслане. И вроде в деревне я вырос, на природе все детство провел; то овец пас, то коров, то ранний сенокос, то в лес по дрова, и любил я зарею любоваться. Но такого я до этого никогда не видывал.

Встало солнце, и застыл на востоке огромный, алый, светлый диск, и не слепит, а манит к себе чистотой, и я точно помню, показалось мне тогда, что это ясный лик Мальчика над землею встал, нас осветил, чтобы война на Кавказе побыстрее кончилась... И я не символист, но это был знак — что-то случится.

А я на перекладных добрался до автостанции той же станции Слепцовская, и с утра всего пара такси, и вдруг – та же приветливая улыбка.

– Пайзул, – уже тронувшись, напомнил он свое имя, и чуть погодя, когда мы по проселочной дороге преодолевали Горагорский перевал. – Жена твои книги перечитывает, все время плачет... Окажи любезность, по пути заедем на минутку, думаю, не пожалеешь, чайку попьем.

Я уже жалел, что сразу не отказал. А мы на краю разбитого Грозного свернули в такую глухомань, что даже колея чуть ли не бурьяном заросла; ни людей, ни целых домов не видно, и вряд ли здесь вообще кто живет. И, признаюсь, не одна плохая мысль мне в голову пришла, и сидел я как на иголках, и если бы водитель как-то зачарованно не улыбался, готов был на ходу соскочить – время и ситуация в Чечне таковые. А он из ухаба в ухаб свою старенькую машину бьет, скорость не сбавляет, и все говорит:

– Мой дом разбит, в хибаре родственника обитаем. Ни света, ни газа, вода привозная, да и иного нет – вот наш кормилец, – он погладил руль.

Дом на отшибе. За две войны я много чего повидал, но такого упадка представить не мог. Правда, маленький дворик и сад, как желанный оазис, все опрятно, ухожено, даже цветы вдоль забора растут, яблоки и груши поспели.

– Эй, жена, выходи! – раскрыв калитку, крикнул Пайзул. – Посмотри, кто к нам пожаловал!

Я ее сразу узнал. Конечно, Роза повзрослела, еще крупнее стала, руками прячет чуть выпирающий живот, а впереди зубы из дешевого металла... И сразу плакать стала, увидев меня.

— Хватит, хватит, не плачь, — не как у нас принято, а совсем нежен голос Пайзула, гладит он руку жены. — Нам нельзя. У нас гость, удиви, покажи наше диво, чтоб в сказку поверил, про него написал.

По тому, как оба стали торжественны и даже артистичны, я понял, что сейчас они мне что-то продемонстрируют: ведь не Мальчика? А это он! Еще заspanный, недовольный, просто копия, лишь чуточку смуглее, да волосики тоже курчавые, только темно-русые.

— Бог надо мной сжалился, — сквозь слезы она уже улыбается, обнимает ребенка.

— А как зовут, угадай? — взял на руки ребенка отец. — Правильно, конечно же, Мальчик!.. Бог взамен ей послал, а то все убивалась, как корила себя!

В тот день я не задержался у них; сам был потрясен. А Розу застал врасплох, угостить особо нечем, нужда. Но она проявила верх кавказского гостеприимства:

— В первый раз у нас, возьми самое дорогое, — в красивой рамке, за стеклом, почти полностью обгоревший листок; пожелтел, даже видны следы грязи или пыли. Это нотная запись. Сверху: — «Новый Детский мир», ниже: — «композитор — Нохчи КИант — Мальчик, аранжировка — Анастасия Афанасьева-Гнедина».

— Когда я смогла до дома дойти, — вновь Роза плачет, — все уже сгорело... А этот листочек я случайно нашла, совсем в стороне... Ничего не осталось, даже фотографий.

Зато я воодушевился. В Грозном музыкантов не знал, да и вряд ли они остались; через день полетел в Москву, прямо с аэропорта к знакомому композитору — пару строчек аккордов еле различимы. Но ни он, ни

другие музыканты ничего восстановить не смогли: мало, и то, что есть, — расплылось. И тогда я понял — это мне знак. Мы, то поколение, которое не смогло не только сохранить город, «Детский мир», но даже жизни наших детей, мы должны что-то сделать, что-то восстановить; я иного не могу — значит должен нарисовать свою картину, в назидание самим себе.

Думая, что сходу смогу, начал потихоньку снова работать — не пошло. Поехал к Розе, бесценный подарок вернул — ее память. Пайзула дома не было, на шабашке, а мы с Розой весь день говорили, буквально под диктовку я сделал много «зарисовок». Не хватило, вновь поехал, вновь весь день она мне «мазки» давала. И так я мчался к ней, как только работа «пробуксовывала» иль «тормозилась». И Роза меня воодушевляла, вдохновляла, подсказывала, порой направляла.

А раз приехал; сидят супруги грустные, встревоженные. Им теперь не до творчества, проза военного Грозного не отступает.

— Была проверка, — рассказывает Пайзул. — У Розы паспорт старого образца, а новый никак не выдают, год ждем, больших денег требуют. Беременную пожалели, вместо нее меня забрали. Сутки в каталажке держали. Вернулся, а ночью, оказывается еще приходили, в масках. Мальчика напугали, до сих пор икает... Ну, и машину увели. Кормильца больше нет, — будто сам виноват, смущенно улыбнулся Пайзул.

— Не могу я, нет, не могу! — голос Розы совсем не узнать, прижала сына, не отпускает. — До сих пор себя корю, убиваюсь, что нашего Мальчика тогда силой не вывезла... Неужели и с этим что случится?.. Помогите, мы бедные люди.

У нас в стране одно хорошо — за деньги все можно.

В тот же день, с помощью друзей, я вывез эту семью в тот же Слещовск. Еще с месяц они там жили,

пока не сделали всем загранпаспорта. И на этом моя лафа кончилась, лишился я суфлера.

...В Польше у них родился второй сын. Потом переехали в Бельгию, а теперь, вроде навсегда, обосновались в Норвегии.

Недавно от Розы получил письмо с фотографиями: «...В моем-то возрасте — второй сын, поэтому назвали Диндик¹. Но это по документам, а так, чтобы не сглазили, называем, как бабушка нашего называла — Дашо КИант². Он и вправду такой, видишь светлый-светлый, голубоглазый, золотоволосый, и не знаем в кого, мы-то оба смуглые... Бог надо мной смилостивился. Я так рада!.. Старшего я уже определила в музыкальную школу, по классу скрипки. Конечно, это не наш Мальчик... Наш Мальчик был уникальным созданием, в нем был удивительный божественный дар и нескончаемое добро! Мы его не смогли уберечь. Может, еще не достойны?.. Знаешь, странное дело, в Грозном, как ни мечтала, я ни разу во сне так и не увидела ни Мальчика, ни даже бабушку. Думала, они боятся там появляться. А здесь — рай на земле, и все равно не снятся... Когда закончишь картину? Жду с нетерпением... А если честно, здесь такая тоска, как немая-глухая, никого не понимаю, и поплакаться негде — не поймут, здесь поводов нет, а душа-то все равно там. В Грозном, когда особо приспичивало, шла я к Сунже, постою на колених, орошу ту землю, по которой наш Мальчик ходил, поглажу и легче становилось. Кстати, строят ли там «Новый Детский мир» или мосты: цветочный и «новый»? Пойди туда, поклонись и от меня, передай маршал... Все равно я тоскую».

На то место я часто хожу, и меня влечет туда. И сегодня был; зима, январь на исходе, пасмурно, всюду

¹ Диндик (чеченск.) — смысл: ниспосланное добро, благодать.

² Дашо КИант (чеченск.) — Золотой Мальчик.

слякоть, грязь, а что был здесь когда-то «Детский мир», — люди даже не помнят. Пустошь, выцветшая табличка — «мины», прошлогодний бурьян, и мостов нет, лишь Сунжа течет. А с тех пор, как меня спас здесь Мальчик, ровно десять лет прошло (тоже знак). И теперь был бы он молодым человеком, на весь мир бы гремел его талант, и писал бы он композиции светлые о своем народе, о мире и добре, и я уверен, войны бы здесь ныне не было бы. Но я тогда смалодушничал, если не струсил; не вернулся, обещанную сказку не рассказал... Только сейчас смог кое-что изобразить, как-то передать. А что я мог намалевать?! Знаю — грустно, тоскливо, печально. А как иначе, если в палитре моей — краска одна — гарь войны, и я ее невольно наносил, наносил, замазывал белый, чистый холст детства Мальчика; пока, наконец-то не понял смысл картины «Черный квадрат»! И что сегодня я могу сделать, хотя бы сказать, вновь придя сюда, где некогда был «Детский мир» и мир детства нашего Мальчика? Лишь одно: — Мальчик — сирота — в войну! Прости меня, прости нас всех, пожалуйста, прости!

*Грозный — «Детский мир»
31.01.2005 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	37
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	85
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	117
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	165
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	195
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	213
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	229
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	275
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	285
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	297
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	321
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	357
ЭПИЛОГ	375